

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей

Притяжение-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 3(10)

Лето-2019

Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
П 77

*Коллективный сборник авторов-дальневосточников,
членов Хабаровского РО РСП*

Редакционная коллегия:

*Пысина Галина Александровна,
Разумов Георгий Львович,
Крадожен-Мазурова Елена Михайловна,
Суслова Ольга Сергеевна*

Художник-иллюстратор:

Суркова Надежда Ивановна

П 77 **Притяжение-ДВ:** Литературно-исторический
альманах. Выпуск 3(10). – М.: Издательство
«Спутник +», 2020. – 224 с.

ISBN 978-5-9973-5457-2

Литературно-исторический альманах «Притяжение-ДВ» №3 (10), лето-2019 интересен, прежде всего, тем, что в нем представлены ученические работы ребят, ставших лауреатами конкурса памяти В. Захарова, журналиста-пограничника, дальневосточного писателя и поэта. Конкурс был приурочен к 100-летию пограничных войск – к 28 мая 2018 года, а итоги его подведены в 2019 году.

Не отошли мы от основной тематики – летней, отобразив не только картинки природы, но и вспомнив некоторые, давние уже, события, прямо или косвенно связанные с летом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5457-2

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Предисловие.....	7
-------------------------	----------

Раздел 1. Проза

Часть 1 Публицистика

Елена Крадожен-Мазурова

Японские реалии в редакциях текста стихотворения Николая Гумилёва «Сада-Якко».....	12
---	----

Изольда Казанова

С.Я. Надсон – забытый поэт	19
----------------------------------	----

Игорь Оринов

Символьные инверсии	28
---------------------------	----

Часть 2 Документальная проза

Надежда Суркова

Студенческие годы	36
-------------------------	----

Лидия Смирнова

О давнем. Место взросления

1. О школе	42
------------------	----

2. Маргарита Николаевна	49
-------------------------------	----

Светлана Блажкевич

Мои таблетки.....	55
-------------------	----

Антонина Кухтина

Огурцы с мёдом	63
----------------------	----

Смерть Сталина.....	66
---------------------	----

Наталья Шипулина

Автобиография.....	68
--------------------	----

Станислав Щетинкин

Немного о себе и поселке Чагда.....	79
-------------------------------------	----

Сергей Бойченко

Эхо смутного времени	101
----------------------------	-----

Часть 3 Художественная проза

<i>Татьяна Эхо</i>	
19 августа 1991 года	109

<i>Тамара Коваль</i>	
Кукушечка-кукушечка.....	111

<i>Галина Пысина</i>	
Дождь начала 60-х... ..	117

<i>Юлия Вебер</i>	
Лёпс или во власти установок	119
Отрывки из романа	119

<i>Ольга Сулова</i>	
Встреча с тигром.....	136

<i>Ольга Бунина</i>	
Фишка	141

<i>Георгий Разумов</i>	
Воробьиная ночь	146

<i>Людмила Скрипченко</i>	
Первая копна	152
Присказки для детей и взрослых	153

Раздел 2 Авторские работы учеников

Творческие работы

<i>Арина Белёва</i>	
Любимый край! Отцовский кров.....	159

<i>Ерофей Пысин</i>	
Поэма «Путешествие»	163

<i>Станислава Блажкевич</i>	
Музыка в моей жизни	167

Поэзия

Анастасия Прохорова

Посвящение Хабаровскому краю 171

Спаси природу, человек! 171

Данил Нечитайло

Им всем святыми умирать..... 172

Арина Кондратенко

Родина-мать позвала за собой 175

Раздел 3. Поэзия. Дальневосточное лето

Алла Давидович

Расул Гамзатов. Поэма 177

Ольга Бунина

Я рисую..... 182

Дождь..... 182

После концерта 183

Отрывок 183

Антонина Кухтина

Первоцветы..... 184

Ромашка 185

Стоишь, полураздета, на ветру 185

Друзья (отрывок)..... 185

Людмила Скрипченко

Выбери дождик 186

Август 187

Другу (отрывок) 187

Татьяна Модестова

Ах, лето!..... 188

Солнце моё 188

Не шумите, травы 189

Дарите женщинам цветы (отрывок) 189

Игорь Оринов

Капризы погоды..... 190

Грустно без придури!..... 190

Август густ урожаем..... 191

Друзья? Знакомые? Кто люди... (отрывок)..... 191

<i>Борис Марков</i>	
Дождь	192
Длинная июньская ночь	193
Еврейский музыкант	194
<i>Галина Пысина</i>	
Июньское утро!	195
Важно	195
Приходит август	196
Кончается лето	196
<i>Георгий Разумов</i>	
Вот и май	197
И солнца свет, и свет луны	197
Собирается дождик	198
<i>Валерий Симаков</i>	
Ладога	199
Русь – голубые небеса	200
Вот дождь прошёл	201
<i>Надежда Суркова</i>	
Лето	203
Лето, сказочное лето	203
Чудесный месяц лета	204
<i>Ольга Сулова</i>	
Тигрица. Поэма	205
Разгулялось медовое Лето	214
Сладкое лето	214
Летний дождь	215
Целостность	215
<i>Елена Перевалова</i>	
Море	217
Мемориальная страница А.Харин	218
Вместо эпилога об авторах выпуска	219
Библиографические пояснения	221

Предисловие

Лето вступает в свои права на хабаровской земле очень рано. В апреле вдруг распускаются почки на деревьях, май бушует цветом плодовых деревьев – абрикосов, дальневосточной вишни, а также диких яблонь, калины, рябины и, конечно же, сакуры.

Хороша аллея сакуры около университета на улице Тихоокеанской!

Июнь обжигает нас настоящим зноем. Еще нет гнуса и комаров. Ночи – длинные-длинные. Солнце прячется за горизонт к полуночи. В три часа ночи вновь показывается над городом, чтобы засвидетельствовать очевидное: Хабаровск – город солнца!

Созревают тополя и начинают ронять свой пух, где ни попади...

Полуденный зной приятен только в прохладном помещении загородного дома или дачи, или в соседстве с кондиционером. Но это не мешает авторам творить.

Альманах (лето-2019) состоит из трех разделов: проза, творческие работы учеников, лауреатов одного из объявленных нами конкурсов, и поэзия. При этом первый раздел представлен публицистикой, документальной и художественной прозой. Во втором разделе – проза и стихи школьников. В третьем разделе – стихи авторов о лете, любимом времени года всех дальневосточников. Запас стихотворений летней тематики у наших авторов – неиссякаемый.

Для нас, литераторов, лето – это, прежде всего, День русского языка. День памяти А.С. Пушкина – 6 июня. Наши поэты, как всегда, – на улицах городов края. Традиционные пушкинские чтения в разных частях города Хабаровска: повсеместно прямо на

улицах плакаты, детские рисунки, публичные чтения стихов известных поэтов и авторских стихотворений.

В 2019 году стихи Пушкина читали у ДВГНБ – Ольга Суслова, у ХГПУ (здесь памятник великому поэту) – Светлана Блажкевич. Отдельное спасибо нашим «сестрам по перу» за активность!

И, вероятно, к месту будет напомнить, что русский язык является одним из шести официальных языков ООН, наряду с английским, французским, испанским, китайским, арабским.

День русского языка установлен официальным решением именно этой международной организации в 2010г. После чего (в 2011г) состоялся Указ Президента РФ относительно даты празднования Дня русского языка.

Официальные даты дней празднования установлены в отношении всех шести официальных языков ООН. День французского языка – 20 марта; День китайского языка – 20 апреля; День английского языка – 23 апреля; День испанского языка – 12 октября; День арабского языка – 18 декабря.

Хабаровское РО РСП решило уделить внимание дням официальных языков ООН и весной этого года отметили в своем тесном кругу День английского языка, который, как известно, приурочен к дням памяти Шекспира. Принято считать, что дата рождения и дата смерти Шекспира совпадают.

На своей весенней литературной встрече авторы Хабаровского РО РСП читали сонеты Шекспира, анализировали характер переводов его произведений на русский язык разными писателями, сравнивая те и другие творческие работы, осознавая степень различия текстов перевода по смыслу и содержанию между собой

у разных авторов, что было весьма интересно, и вызвало определенную дискуссию.

Конечно же, мы не могли не почитать и свои авторские сонеты. Не могли мы не вспомнить и лауреата Международного конкурса – автора из города Комсомольска-на-Амуре Наталию Шипулину.

2016г был объявлен Годом языка и литературы Великобритании и России. Среди совместных культурных мероприятий этих двух стран Союз независимых авторов и издателей проводил конкурс литературных произведений, так или иначе связанных с творчеством знаменитого писателя Уильяма Шекспира. В 2016-м отмечалось 400 лет со дня его смерти. Приз для победителей – публикация в международном альманахе, названием которого была выбрана строка из шекспировского «Отелло» – «I will wear my heart upon my sleeve». Писатель и журналист Наталия Шипулина из города Юности стала одним из авторов, которые получили этот приз.

Комсомольчанка представила на суд жюри три своих произведения: *«Рождение песни»*, *«Вера, Надежда, Любовь»*, *«Сонет Шекспира жизнью я пою!..»*, и все они удостоены чести занять место на страницах сборника. Два первых стихотворения у Наталии уже были «в активе», а вот крайний сонет она сочинила специально для участия в конкурсе. [1]

Презентация альманаха с опубликованными конкурсными работами состоялась в Центральном Доме журналиста в Москве. Наталия Шипулина, как один из авторов произведений, вошедших в сборник, была приглашена на это мероприятие. В торжественной обстановке ей вручили диплом победителя и экземпляры книги. К слову, альманах напечатан трехтысячным тиражом, его можно встретить на полках

книжного магазина «Русский Мир» в Лондоне, приобрести по каталогу «Почты России». Несколько экземпляров «I will wear my heart upon my sleeve» переданы на хранение в Пушкинский Дом в столице Великобритании, а также в Оксфордский университет. [2]

В июле 2019 года мы с Наталией Шипулиной с большим удовольствием провели два чудесных дня в парках и на бульварах краевого центра, обмениваясь очень интересными фактами из своих творческих биографий.

И еще одно значимое событие. В июне 2019 года возобновил работу сайт Хабаровского РО РСРП как ресурс организации. Сайт <https://habrorsp.nethouse.ru> – электронное периодическое издание, где мы публикуем сведения о своей деятельности и новости об основных литературных событиях города Хабаровска, других городов и населенных пунктов Хабаровского края, всего Дальнего Востока. Иметь свой электронный ресурс – очень важно для каждого литературного объединения, это бесспорно, и об этом мы неоднократно и писали, и высказывались в своих публичных выступлениях на литературных площадках краевого центра. Информирование при помощи электронных ресурсов – наиболее современная форма предоставления необходимой информации, которую иными способами донести оперативно невозможно. Страничка ХРО РСРП имеется в социальной сети «ВКонтакте», ссылка на которую отображается на сайте. Возвращая электронный формат информирования наших читателей о своей деятельности и своих литературных работах, мы надеемся на обратную связь и ожидаем повышение интереса к своей организации и творчеству авторов.

Раздел 1. Проза

Важно помнить некоторые значимые моменты в истории русской литературы, литературы дальневосточных авторов, отыскивать при этом необычные черты и вехи, имеющие историческое значение.

Авторы Хабаровского РО РСП обращают внимание на малоизвестные факты, освещают необычные стороны повседневных событий, особенно, в творческой деятельности писателей-дальневосточников, привлекают внимание читателей трогательными строчками, описывая судьбы и истории своих современников или повествуя о не столь давней истории советского периода.

Как всегда, познавательны публикации Елены Крадожен-Мазуровой, в данном альманахе о творчестве Н. Гумилева через призму исторических событий и обычаев Японии.

Весьма полезна публикация Изольды Казановой о творчестве забытого поэта.

Отрывки из романа Юлии Вебер о современных студенческих нравах и образе жизни студентов будут интересны для любых поколений читателей.

Есть новые имена и работы авторов, которые общаются с нами на протяжении последних двух лет. Их произведения уже появлялись на страницах альманаха «Притяжение-ДВ» предыдущих изданий.

В разделах альманаха каждый читатель найдет малоизвестный для себя литературный материал в историческом контексте пережитых эпох и переживаемого нами периода истории страны, Дальнего Востока, Хабаровска и Хабаровского края.

Часть 1 Публицистика

Елена Крадожен-Мазурова

Японские реалии в редакциях текста стихотворения Николая Гумилёва «Сада-Якко»

«...Черновики никогда не уничтожаются. В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей... Сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения». *О. Мандельштам «Разговор о Данте»*
«Рукописи не горят». *М. Булгаков «Мастер и Маргарита»*

Для проникновения в индивидуально-языковую специфику текста чрезвычайно продуктивен приём сравнения авторских вариантов, редакций текста. С его помощью можно выявить функционально-стилистическую нагрузку языковых средств текста, определить авторские предпочтения в отборе изобразительно-выразительных приёмов.

Важен вопрос о причинах окончательного выбора той или иной единицы (экстралингвистических и лингвистических). При исследовании японских реалий в стихотворении Николая Гумилёва «Сада-Якко», на наш взгляд, целесообразно сравнить варианты начала стихотворения. Первый вариант вошёл в сборник «Романтические цветы» 1908 года, второй – в сборник «Жемчуга» 1910 года и все последующие издания.

В Собрании сочинений Н. Гумилёва в 4-х томах (наиболее полном на сегодняшний день) приведена первая часть исходной редакции:

«Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже» (1908)

Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей,
Я родился слагателем сказок, Вы – плясуньей, певицей, актрисой.
И в блистательном громе оркестра, в электрическом светлом пожаре,
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен был тёмной кулисой.
И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо веер,
С каждым мигом во мне укреплялась золотая весёлая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам так же пленителен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряжённых глубинах партера. [1]

В «Примечаниях» к тексту читаем: «Стихотворение посвящено известной японской драматической актрисе. С 1902 г. Якко Сада (1872-1946) с трупной мужа, известного актёра Отодзиро Каваками, гастролировала в европейских странах (в том числе в России) и в США. Гумилёв мог видеть выступления актрисы в 1906-1907 гг.» [2]. Заглавие текста в варианте 1908 года определяет жанр лирического произведения – послание, посвящение (ср. классические посвящения: «Дельвигу», «Пушину», «Чаадаеву»). Максимально конкретны у Н. Гумилёва обозначения адресата: «японской артистке Садо-Якко», места встречи – «которую я видел в Париже».

Прямое включение в сильную позицию текста – заглавие – прилагательного «японской», обозначающего национальную принадлежность артистки, позволяет прогнозировать возможность вкрапления в ткань стихотворения слов-экзотизмов, подготавливает восприятие языковых средств, указывающих на принадлежность к японской культуре, истории. Действительно, текст не обманывает наших ожиданий: уже в первой строке находим аллюзию на первую войну нового столетия – русско-японскую войну 1904-1905 гг., о которой Н. Гумилёв повествует перифрастически: «Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей». Учитывая, что стихотворение опубликовано

в 1908 г., можно предположить, что перифраз актуален и однозначно понимался современниками поэта.

Во второй строке описан жанр, в котором выступает Сада-Якко, – «плясунья, певица, актриса» – традиционный для Японии синкретизм танца и пения в сценическом действии. Четвёртая строка первой строфы преподносит ещё один перифраз: «Я любил Ваш задумчивый остров». Поскольку речь идёт о японской артистке (см. заглавие), то её «задумчивый остров» – это, разумеется, Япония – «островная» страна. Первая строка второй строфы – «И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо веер...» – содержит в рифмующей (сильной) позиции слово «веер» – неизменный атрибут японской культуры и быта. Но веер – это «общевосточный», а не «специфически японский» колорит.

Танец женщины с веером – традиция азиатского Дальнего Востока: Китая, Кореи, Японии. Распространяется этот вид сценического искусства и на Индокитай, то есть не выражает сугубо японской реалии культуры.

Возможно, именно это подвигло Н. Гумилёва отказаться от «веера» в следующей редакции текста, заострив внимание на специфически японских деталях. Тем не менее, уже в первом варианте отчётливо виден «японский след» – семантическая цепочка: «японская актриса», «Сада-Якко», «Ваш задумчивый остров» (Япония), «плясали и пели, поднимали кокетливо веер».

Заметим, что данный вариант текста страдает описательностью, и это, в сочетании с перекрёстной рифмовкой, придаёт ему некоторую тяжеловесность.

Интересно сопоставить данную редакцию 1908 г. с окончательной – 1910 г.:

Сада-Якко

*В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.*

*Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.*

*И когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце –
Только вымысел японца.*

Начнём с того, что, во-первых, в новой редакции стихотворения Н. Гумилёв изменил способ рифмовки и размер строфы: на смену четверостишию с перекрёстной рифмой «авав» приходит восьмистишие со сложной рифмовкой «аа всвс ее». Объём строки при

этом сокращается вдвое, «повествование» становится более динамичным, возникает новый ритмико-мелодический рисунок, ассоциативно напоминающий музыку Востока.

Во-вторых, значимым для интерпретации текста является изменение заглавия: Н. Гумилёв отказывается от громоздкого посвящения, заменяя его изящно-лаконичным «Сада-Якко». Заглавие становится суггестивным, будит любопытство читателя. Немаловажно, что заглавие – иноязычное (в данном случае – японское) имя собственное, экзотизм, требующий толкования, пояснения в виде текста-стихотворения. Возникает ситуация «текста в тексте», о котором Ю.М. Лотман писал: «Вторжение «обломка» текста на чужом языке может играть роль генератора новых смыслов» [3].

Японский язык в стихотворении «Сада-Якко» оказывается представлен эксплицитно и имплицитно через систему выразительных средств.

Например, в первом восьмистишии перифразом запечатлено кимоно (традиционная японская одежда, похожая на халат с широкими рукавами), в котором выступала актриса: «Группы бабочек и лилий / На шелку зеленоватом...»

Второе восьмистишие вновь содержит описание бытовой японской реалии – белых носков «таби» с отделением для большого пальца, как у рукавиц. Ноги танцовщицы обуты в «таби»: «И, как беленькие кошки, / Как играющие дети, / Ваши маленькие ножки / Трепетали на паркете». Н. Гумилёв акцентирует внимание читателя на хрупкости японской актрисы, выражая в сравнительном обороте сему размера суффиксами уменьшительно-ласкательной оценки в

словах: «беленькие», «маленькие» и базовой семантикой слова «дети».

Очередная японская реалия включена в финал второй строфы и имеет форму творительного сравнения: «И жуками золотыми / Нам сияло Ваше имя».

Автор образно описывает «внешний вид» японских иероглифов, из-за множества черт напоминающих поэту-европейцу жуков. «Золотыми» иероглифами было написано на афишах имя Сада-Якко. Финальное восьмистишие текста особенно интересно для исследователя, поскольку в нём смыкаются реальный и ирреальный миры в описании японской культуры, представленной Сада-Якко. Экзотическое для парижской сцены начала прошлого века зрелище описано русским поэтом, передаёт его индивидуальное восприятие и ощущение: «И когда Вы говорили, / Мы далекое любили, / Вы бросали в нас цветами / Незнакомого искусства, / Непонятными словами / Опьяняя наши чувства...» Эта часть текста рисует реальный мир японского театра при помощи известного набора выразительных средств – метафор («цветы искусства», «опьяняя чувства»), антитезы («мы», – за которым стоит Запад, Европа, и «Вы» – Восток, Япония).

Однако максимальная концентрация текстовой (и подтекстовой) информации, включая японскую мифологию (ирреальный мир культуры Японии), достигнута Н. Гумилёвым в заключительном двестиштии стихотворения: «И мы верили, что солнце – / Только вымысел японца».

Рифменная вертикаль «солнце – японца» оказывается семантически наполненной, можно, по-видимому, говорить о рождении микрообраза на рифменной вертикали. Аллюзивно последние две

строки текста отсылают читателя к известному мифу о богине Солнца Аматерасу, которая стала прародительницей императоров Японии и японской нации. Японцы именуют свою Родину «Нихон». Буквальный перевод этого иероглифа – «основа солнца», «страна, где рождается солнце». В русской традиции принято называть Японию страной восходящего солнца. Сравнение первой и окончательной редакций стихотворения Н. Гумилёва, посвящённого замечательной японской актрисе, доказывает, что сам поэт считал это произведение значимым.

Не случайна тщательная шлифовка текста: от размера, способа рифмовки до ювелирной обработки деталей, передающих японские реалии, подмеченные поэтом. Н. Гумилёв сумел сохранить для поколений русских читателей образ незаурядной японки, пережившей время. В самой Японии в 2002 году по одному из каналов национального телевидения демонстрировался полнометражный документальный фильм о необыкновенной жизни и творчестве Сада-Якко, легендарной актрисы XIX-XX вв.

Стихотворение «Сада-Якко» не стоит особняком в творчестве Н. Гумилёва: общеизвестен его интерес к экзотическим культурам, в частности, к азиатской (сборник «Фарфоровый павильон»).

Русская литература начала XX в. неоднократно обращалась к «японской» теме.

Достаточно вспомнить «Японские стихи» К Бальмонта, прозу Б. Пильняка.

Стихотворение Н. Гумилёва «Сада-Якко» – ещё одна реплика в диалоге культур России и Японии.

Изольда Казанова

С.Я. Надсон – забытый поэт

Эссе

Небольшую книжечку в потёртом тёмно-бордовом переплёте из нашей семейной библиотеки я помню с детства. Книга 1937 года издания. На первой странице фото красивого черноволосого мужчины, 285 страничек мелкого текста, вступительная статья А. Дымшица и стихи, стихи... Ни в школьной программе, ни позже нигде стихов С. Надсона я не встречала.

Прочтя в ранней юности почти все стихи этого сборника, запомнила последние четыре строчки стихотворения «Жизнь», и поняла, что в будущем меня ждут не только радости:

*То вся она – печаль, то вся она – приманка,
То всё в ней блеск и свет, то всё позор и тьма;
Жизнь – это серафим и пьяная вакханка,
Жизнь – это океан и тесная тюрьма!*

Двадцать четыре года всего прожил Семён Яковлевич Надсон. Имя почти забыто, а в своё время – это имя с благоговением произносила вся читающая молодёжь.

Родился Надсон 14 декабря 1862 года в Петербурге в семье надворного советника еврейского происхождения Якова Семёновича Надсона и Антонины Степановны Мамонтовой из семьи дворян Мамонтовых.

Ребёнку не было и двух лет, когда в Киеве, куда переселились его родители, умер отец. Мать вторично вышла замуж, но через некоторое время умирает и отчим. А в возрасте одиннадцати лет Надсон остаётся круглым сиротой – от чахотки умирает мать. Ребёнок воспитывается в семье брата матери И.С. Мамонтова.

С девяти лет Семён начал писать стихи. Дядя, не считаясь с его склонностью к писательству, и против его воли отдал его в Павловское военное училище (до этого Надсон окончил гимназию). Дядя считал, что военная карьера обеспечит его сироте-племяннику средства к существованию. Ещё гимназистом Надсон начал печататься. Его первые стихи появились в журнале Н. П. Вагнера «Свет», когда он был учеником пятого класса – в них отчётливо проступает некрасовское влияние – мотивы любви к родной стране и народу.

Во время учёбы в Павловском военном училище Надсон простудился на учениях, началась чахотка. За казённый счёт его отправили лечиться в Тифлис на год.

Да, хороши они, кавказские вершины...

..... (Пишет он в 1880 году).....

Но нет в их красоте знакомого простора:

Куда ни оглянись – везде стена хребтов, –

И просится душа опять в затишье бора,

Опять в немую даль синеющих лугов...

В 1882 году Надсон заканчивает военное училище подпоручиком и получает направление в Кронштадт. В это же время он знакомится с А.Н. Плещеевым и начинает печататься в «Отечественных Записках», а затем и в других журналах. В автобиографии Надсон пишет: – «Его (Плещеева) я считаю своим литературным крёстным отцом и бесконечно обязан его теплоте, вкусу и образованию, воспитавшим мою музу».

Это был лучший период его жизни. Появилось много друзей, привлечённых его литературной известностью, юмором, доброжелательным характером. В это же время он близко знакомится с литераторами-демократами, посещает их кружки.

У Надсона не было гуманитарного образования, но литературный талант, природный вкус и обострённое чувство справедливости сделали его впоследствии одним из крупнейших литераторов-восьмидесятников. (Но, при этом он сознавал и недостатки своей поэтической речи: бедность, условность, штампованность языка, однообразие поэтических средств, иногда потеря ритма).

Болезнь прогрессировала, и военная служба очень тяготила Надсона. В конце 1883 года здоровье его настолько ухудшилось, что за счёт литературного фонда и помощи друзей его отправили лечиться в Европу. Несмотря на интенсивное лечение, улучшения не наступало. Надо сказать, что впоследствии, издав свой первый сборник, Надсон вернул Литературному фонду долг в размере 500 рублей. Позже Надсон завещал все доходы от издания своих сборников Литературному фонду. Всего до января 1917 года было выпущено 29 изданий сборника. (В настоящее время «надсоновский капитал» фонда составляет около 200 тысяч рублей.) Этот успех можно объяснить не только сочувствием к судьбе поэта, успех и в самих стихах Надсона, в которых отразилась его гражданская направленность. Лирика Надсона отражает духовную атмосферу тех лет. Он умел быть с читателем на равных. Доверительность, которая составляла основную черту стихов Надсона, создавала иллюзию личного общения с поэтом и поэтому читатели любили его, как близкого друга. Поэт писал: – «Я плачу с плачущим, со страждущим страдаю, и утомлённому я руку подаю!»

В 1884 году, уже безнадежно больному Надсону была разрешена отставка. Несколько месяцев он работал секретарём редакции газеты «Неделя». В 1885 году вышел сборник его стихов, который имел

громадный успех, его трижды переиздавали. За этот сборник Академия наук удостоила Надсона Пушкинской премии. Болезнь усиливалась и на средства, собранные друзьями, он вторично уехал на лечение за границу.

Вернувшись из поездки, смертельно больной, Надсон вынужден был жить на юге (хотя он очень тосковал по Петербургу). Вначале он поселился в Подольской губернии, а затем – в Крыму в Ялте. К этому времени известность Надсона заметно возросла. Поэт получил широкую популярность в кругах прогрессивно настроенной молодёжи.

Больной, но не теряющий творческих сил, Надсон в Киеве устроил благотворительный литературный вечер в пользу литературного фонда. Как исполнитель своих стихов на публичных вечерах, Надсон всегда имел большой успех. Его встретили бурной овацией, а после выступления вынесли на руках.

Борясь с тяжёлой болезнью и нищетой, в поисках постоянного заработка поэт в 1886 году – последнем году своей короткой жизни – стал писать для Киевской газеты «Заря» литературные статьи и критические фельетоны. В одном из фельетонов он резко выступил против В.П. Буренина, журналиста «черносотенной улицы». Надсон предчувствовал, что со стороны Буренина последует отборная брань. Но, Буренин превзошёл все ожидания Надсона и ответил клеветой и издевательствами, утверждая, что Надсон вовсе не болен, а симулирует болезнь, чтобы пользоваться частной благотворительностью и жить «нахлебником литературного фонда».

Измученный болезнью и лишениями, затравленный черносотенцами и антисемитами, поэт скончался 19 января 1887 года от туберкулёзного

воспаления мозга. Смерть Надсона произвела сильное впечатление на общественность. Когда из Ялты в Петербург привезли тело Надсона, когда хоронили его на Волковом кладбище (теперь это Литераторские мостки) – похороны вылились в тысячную манифестацию любви к поэту. Могила Надсона находится поблизости от могил Белинского и Добролюбова. Через несколько лет после смерти на собранные по подписке деньги над могилой Надсона был поставлен памятник – мраморный бюст. Публицист Г.К. Градовский в своей речи над могилой Надсона привёл аналогию между его гибелью и гибелью Пушкина, отметив, что оба поэта пали жертвой российской реакции.

С.А. Венгеров (русский литературный критик и историк литературы) отмечал «небывалый успех Надсона, равного которому нет в истории русской поэзии – в таком количестве до истечения срока литературной собственности не расходились ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Кольцов, ни Некрасов. Надсона покупали, чтобы читать, а не ставить на полку, как деталь интеллигентного интерьера».

Владислав Ходасевич – русский поэт и критик – писал: «В поэзии различимы два течения – песни о бытии и песни о быте. Первые можно назвать песнями веры, вторые – песнями любви. Надсона с уверенностью можно отнести к поэтам второй категории. Всегда обращённый лицом к окружающей жизни, ради неё поющий и из неё черпающий своё вдохновение, участник, а не созерцатель её, Надсон не хотел и не мог равнодушно внимать добру и злу. Он призывал: – «Дружно за работу на борьбу с пороком...», «Вперёд за мир и за людей...» Он был властителем эмоций, чувств. Он более говорил сердцу, нежели мозгу и глубже

волновал темпераменты, чем умы. Вот отсюда и громадный успех его выступлений. Как много слёз было пролито над его стихами, с каким увлечением они читались и с каким благоговением произносилось его имя!!»

Ещё при жизни Надсона за ним прочно утвердилась репутация романтика. Творчество его лирично, а пейзажные стихи с подлинной поэтичностью создают образы живой природы:

*Заревом заката даль небес объята,
Речка голубая блещет, как в огне;
Нежными цветами убраны богато
Тучки утопают в ясной тишине.
Кое-где мерцая бледными лучами
Звёздочки-шалуны в небесах горят...*

* * *

*Кругом легли ночные тени,
Глубокой мглой окутан сад:
Кусты душистые сирени
В весенней неге мирно спят.
Склонясь зелёными ветвями,
Осока дремлет над прудом,
И небо яркими звездами
Горит в сияньи голубом...*

Это его ранние стихи. И в любовную лирику Надсон вносил раздумья и нравственные тревоги:

*Не торопись же мне любовь свою отдать,
Не наряжай меня в цветы своих мечтаний...
Подумай, в силах ли ты без конца прощать,
Не испугаешься ль грядущих испытаний (из «Песен любви»)*

Более ста стихотворений Надсона положены на музыку. Среди композиторов – Кюи, Рубинштейн, Рахманинов, Направник и др. Его стихи переводились на французский и немецкий языки.

Повседневная жизнь современной ему литературы отражена в следующем стихотворении:

*Сколько лживых фраз, надутно-либеральных,
Сколько лживых партий, мелких вожаков,
Личных обличений, колкостей журнальных,
Маленьких торжеств и маленьких божков!..
Сколько самолюбий глубоко задето,
Сколько уст клеветает, жалит и шипит, –
И вокруг, как прежде, сумрак без просвета,
И как прежде, жизнь и душист и томит!..
А вопрос так прост: отдайся всей душою,
На служенье братьям, позабуди себя
И иди вперёд, светя перед толпою,
Поднимая павших, веря и любя!..
Не гонись за шумом быстрого успеха,
Не меняй на лавр сурового креста,
И пускай тебя язвят отравой смеха,
И клеймят враждой нечистые уста!..
Видно не настала, сторона родная,
Для тебя пора, когда бойцы твои,
Мелким личным распрям сил не отдавая,
Встанут все во имя правды и любви!
Видно спят сердца в них, если вместо боя
С горем и врагами родины больной,
Подняли они, враждуя меж собою,
Этот бесконечный, этот жалкий бой!..*

Как знакомо! Как современно! Смею предполагать, что произведения М.Горького, такие как «Буревестник» и «Данко», навеяны стихами Надсона: – «Чу, кричит буревестник!.. Крепи паруса!..»

А вот посвящение России:

*Художники её любили воплощать
В могучем образе славянки светлоокой,
Склонённую на меч, привыкший побеждать.
И с душой на челе, спокойной и высокой.
Осенена крестом, лежащим на груди,
С орлом у сильных ног; и радостно сияя,
Она глядит вперёд, как будто впереди
Обетованный рай сквозь сумрак прозревая.
Мне грезится она иной: томясь в цепях
Порабощённая, несчастная Россия, –
Она не на груди несёт, а на плечах
Свой крест, свой тяжкий крест, как нёс его Мессия.
В лохмотьях нищеты, истерзана кнутом,
Покрыта язвами, окружена штыками,
В тоске она на грудь поникнула челом,
А из груди, дымясь, струится кровь ручьями...
О, лесь холопская! Ты миру солгала!*

Надсон жил и писал перед поэтами «Серебряного века», и, конечно, его поэзия оказала влияние на их творчество.

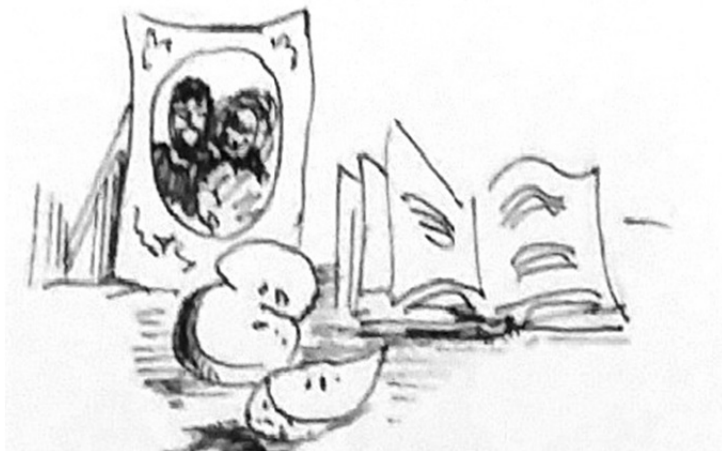
У следующих поколений Надсон не получил такого признания. Он так и остался гением в 80-х годах XIX века.

Заканчиваю эссе я знаменитым надсоновским четверостишием:

*Не говорите мне: он умер – он живёт,
Пусть жертвенник разбит, – огонь ещё пылает.
Пусть роза сорвана – она ещё цветёт,
Пусть арфа сломана, – аккорд ещё рыдает!..*
(1886 год. Из посмертных публикаций.)

P.S. Это эссе я решила написать когда, разбирая библиотеку, нашла книжечку стихов моей юности. Мне захотелось кого-то познакомить, а кому-то напомнить имя известнейшего в своё время, а теперь почти забытого поэта.

Осень 2018 года.

Игорь Оринов

Символьные инверсии

Продолжая разговор о смысловом содержании символьных конструкций в русском языке, нельзя не напомнить об инверсиях.

В общем смысле инверсия – термин литературный. Означает он смену позиций слов, как правило, подлежащего и сказуемого. Например:

«Солнце село за горой» и «Село солнце за горой» – классический пример инверсии.

Применительно к символам инверсия означает смену позиций символов в словах.

При этом я обычно разделяю инверсию символов на простую (явную) и сложную. Например, уже рассмотренные слова «НОТа» и «ТОН» связаны простой инверсией. Она очевидна выражена и может быть достаточно легко выявлена приемом обратного прочтения слов (не слева направо, как принято в русском языке, а справа налево, как принято, например, в арабском).

Сложные инверсии более затруднительны к выявлению. Например, слова «ЗЕБРА» и «БЕРЕЗА» связаны сложной инверсией, при которой перестановки символов зрительно не очевидны, но могут быть выявлены путем выстраивания символьных рядов слов в любой из заданных последовательностей, например, последовательности следования букв в русской азбуке.

Как мы уже выявили в предыдущем разделе, у инверсий в русском языке наблюдается интересная зависимость – в словах русского языка инверсии символов не приводят к полной утрате (смене) исходных мыслеобразов, отражаемых словами с измененными позициями записи символов, но лишь

частично трансформируют их, сохраняя при этом наиболее характерные черты общего для них мыслеобраза.

Такие свойства символов в однородных группах – сохранять прямое смысловое отношение к исходному образу независимо от смены позиций символов внутри группы – близки к свойствам первичных химических элементов, которые, будучи объединяемыми в каком-либо веществе, неизменно придают этому веществу однотипные свойства.

Таковыми же свойствами обладают и наблюдаемые нами физические конгломераты. Если мы, например, возьмем, одинаковые мерные части песка (обозначим эту часть символом «Н»), щебня (обозначим эту часть символом «О») и цемента (обозначим эту часть символом «Т») и начнем смешивать раз за разом в произвольном порядке, мы неизменно будем получать сухую бетонную смесь одного и того же качества. Такой же исход мы наблюдаем при соединении символов «Н», «О», «Т» в словах «НОТа» и «ТОН», которые, хотя и различаются порядком записи символов, все-таки хранят память об общем для них исходном музыкальном мыслеобразе – звуке определенной высоты.

Все мы знаем, что наша реальность существует и развивается по неким общим законам. И в «поведении» символов человеческого языка, как первичных его элементах, мы явно наблюдаем те же закономерности, что присущи другим множествам, существующим в нашем мире. Много лет изучая различные инверсии (перестановки) символов в русском языке, я пришел к выводу о том, что за внешней игрой символов (так легковесно относится к подобным языковым явлениям современное языкознание) в действительности кроется

глубокий логический смысл, ведущий нас к новым открытиям в области изучения человеческого языка. Ведь то, что мы подразумеваем под смыслом, обычно понимается нами, как нечто логическое, понятное нашему сознанию.

Понятие «СМЫСЛ» прямой дорогой ведет нас к понятию «ОСМЫСЛЕННОСТИ», к тому, во что «МЫ САМИ ВКЛАДЫВАЕМ СМЫСЛ». Недаром в языкознании доминирует такое понятие, как «ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА», применяемое как тождественное понятию «СМЫСЛ СЛОВА». То, чему человек «ПРИДАЕТ ЗНАЧЕНИЕ», то, что для него «НАПОЛНЕНО СМЫСЛОМ». То же, мимо чего он проходит равнодушным – «СМЫСЛА НЕ ИМЕЕТ» (безусловно, только для такого равнодушного человека).

Конечно, инверсии более трудны для понимания, чем доминирующая в современном языкознании теория смысловых морфем (обычно корневого состава). Ведь гораздо проще увидеть, соотнести и сравнить очевидные вещи, чем те, над которыми надо серьезно размышлять.

Прямой повтор корневых символов типа «МЕР-а» – «Из-МЕР-ить» способен заметить и осознать даже весьма недалекий человек. А вот заметить прямую связь инверсий слов «В-РЕМ-я» и «С-МЕР-ть» и проследить смысловую связь их с корнем «МЕР-ить» (без подсказки со стороны), способен далеко не каждый...

Утоляя естественное любопытство, присущее многим читателям русской словесности, приведу несколько интересных примеров инверсий, над которыми каждый человек, интересующийся природой человеческого языка, может поразмышлять на досуге:

«ДУМ-а», «ДУМ-ать» – «МУД-рость»; «На-РЫВ, Про-РЫВ» – «ВЫР-ваться» (наружу); «УР-о-Д» – «ДУР-

н-О-е». (В русской традиции и в традиции многих народов мира уродство всегда трактовалось, как нечто дурное);

«В-ДОХ – В-ХОД» (воздуха);

«Вы-ДОХ – Вы-ХОД» (воздуха);

«САН-и» – снежный «НАС-т»;

«ЖЕР-тва» – «РЕЖ-у. ЖЕР-тву»;

«З-РАЧ-ок» – «ЧАР-ы», «О-ЧАР-овать»;

«КУС-т» – «Т-СУК» (дерева);

«ЩЕРБ-атый», «У-ЩЕРБ» – «БРЕШ-ь»;

«ДАР» – «РАД», «РАД-ость» (дарить людям радость);

«ТУМ-АН» – «НА-МУТ-тить», «МУТ-ное»;

«ИСК-ать» – «ИКС» (неизвестное).

Для всех указанных примеров инверсий характерна очевидная близость мыслеобразов. И этот ряд (который я мог бы с успехом продолжить) уже не напоминает единичный нелепый случай совпадений, но явно претендует на некое правило, устойчиво проявляющееся в языковых символических конструкциях.

В заключении настоящей небольшой главы об инверсиях, хотелось бы познакомить читателей с волшебным русским словом «СОН», которое таит в себе интересные загадки.

Для начала рассмотрим простую инверсию слов «СОН» – «НОС».

Казалось бы, никакой смысловой связи образов мы здесь не наблюдаем. Однако не торопитесь с выводами – вспомните ранее приведенное утверждение, что «ОСМЫСЛЕНИЕ» – вещь в значительной степени субъективная. Если вы способны выстроить «СМЫСЛОВУЮ СВЯЗЬ» – значит, для вас она «ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ», или, как говорят, для вас «В ЭТОМ ЕСТЬ СМЫСЛ». Если же не способны – значит

для вас «СМЫСЛА В ЭТОМ НЕТ», но, однако, это не означает, что в этом вовсе нет смысла. Просто вы оказываетесь не способны этот «СМЫСЛ НАЙТИ».

Для современного лингвиста наш пример не более, чем курьез, игра первичных символов. Однако, смею вас заверить, что мы здесь не в игрушки играем, но занимаемся глубоким научным исследованием. Просто истины не всегда лежат на виду и не ждут с нетерпением, что мы их подберем прямо с поверхности. Их поиск – задача неимоверно трудная. Нужно обладать богатым воображением, чтобы увидеть в чем-то то, чего не замечают другие. Обычно это происходит потому, что взгляды обращены не туда, куда следует.

В таких поисках следует исходить из предпосылки, что форма и содержание тесно связаны между собой, и если вы видите, что формы слов совпадают (в нашем случае это полное совпадение набора символов в разных словах), неизменно ищите и более глубокие совпадения – совпадения содержания, образов и смысла. Согласитесь, если этого не делать (не пытаться найти глубокий смысл), то и смысла мы никогда не найдем, даже поверхностного, ведь мы же просто не пытаемся его найти.

Считая подобные инверсии курьезами, современное языкознание даже не пытается поискать в подобных примерах хоть какой-то смысл, кроме смеха, увы, позиционируя себя уже познавшим тайны человеческого языка полностью. Для меня же человеческий язык, слова этого языка и символы, из которых они состоят, полны неразгаданных загадок, над которыми стоит «поломать» голову. Я хочу понять тот язык, на котором мыслю и говорю, хочу осознанно воспринимать символы, из которых складываются слова, и разгадать тайну их происхождения – что в этом,

собственно, плохого? Если современное языкознание не дает человечеству ответов на эти вопросы, то кто-то же должен продолжать поиск.

Вспомните тезис: «Кто ищет, тот всегда найдет!» Так и произошло со словом-именем «Ева» – я подтвердил для себя, что символы русского языка – это логограммы, в которых отражен глубокий смысл. Все было довольно логично: зная, что в истории развития человеческого языка символы были некогда логограммами, я предположил, что они не утратили этого качества полностью, но унаследовали его в другой форме (вполне естественное предположение, исходящее из предпосылки восходящего развития человеческого языка). Логика подсказывала – ничто не пропадает, просто на смену одной форме приходит другая – более развитая, сохраняющая прежние позитивные достижения. Я выдвинул по сути гипотезу – искал – и нашел для себя ее подтверждение. Таков в общих чертах путь научных открытий человечества со времен его возникновения.

Что касается поисков общего смысла в словах «СОН» – «НОС», поясню: общность формы для нас – только повод искать общий смысл, а сам общий смысл следует искать, конечно же, в содержании указанных понятий, ведь смысл, который мы ищем, не равен форме, но только проявляется в ней.

Что же говорит нам смысловое содержание слова «СОН»? И почему эти же символы «вдруг» сформировали в русском языке совершенно другое слово «НОС», не имеющее, казалось бы, никакого отношения к слову «СОН»?

Давайте подумаем о содержании человеческого «СНА». Во сне у человека отключаются все органы чувств, он как будто умирает на некоторое время (так,

например, говорил Эдгар По). Остается лишь один определяющий признак, по которому мы можем отличить спящего человека от мертвого – человек во сне ДЫШИТ! Спрашивается, а чем же человек дышит?

Правильно, «НОСОМ»! Вот вам и прямая смысловая связь. «НОС» – единственный видимый орган, работу которого мы можем наблюдать, когда человек спит.

Нашлась искомая очевидная смысловая связь, да еще какая! Попробуйте спящему человеку закрыть «НОС» – исхода два: либо человек проснется и закончится его «СОН», либо человек умрет. Не больше и не меньше. Все очень кардинально.

Второй интересный момент связан с понятием «ДЫХАНИЕ». Инверсия слов «СОН» – «НОС» имеет к этому понятию несколько необычное отношение, и опять-таки оно связано с употребляемыми в указанных словах символами «С», «О», «Н».

Как единичные буквы указанные символы употребляются не только в русской азбуке, но еще и в современной химии.

Символом «С» обозначается углерод. Символом «О» – кислород. А символом «Н» – водород. Пара «СО» (из слова «СО-Н») в этом прочтении является основой химической формулы «СО₂» – углекислого газа, который при дыхании выдыхается через «НОС». А пара «ОН» – гидроксильной группой, основой молекулы воды и водяного пара, который мы вдыхаем и выдыхаем. Ну, а сам центральный символ «О», конечно же, носит признак кислорода, которым мы дышим и обогащаем собственный организм.

Как видим, символы русской азбуки в инверсии «СОН» – «НОС» связаны не только обычным языковым смыслом, но и смыслом химическим, тех химических

соединений, которые мы вдыхаем и выдыхаем во «СНЕ» через «НОС».

Удивительно, не правда ли!

На мой взгляд, подобные символьные совпадения отнюдь не являются курьезными случайностями, но объективно отражают подсознательные человеческие ощущения, чувства и намерения. Ведь посредством символов мы пытаемся точнее отразить реальность нашего мира во всем его многообразии. И то, что символы зачастую действительно отражают эту многогранность, является несомненной заслугой нашего человеческого сознания, той высокой степени разумности, которую человечество по праву достигло за многие миллионы лет развития...

И напоследок замечу еще один общий момент, касающийся символьных инверсий. Все, что мы до сих пор рассматривали в символьных конструкциях, по сути является разными комбинациями построения одних и тех же символов (разными версиями их компоновки), имеющими схожее содержание (об одних и тех же явлениях нашего мира), проявляющееся в одних и тех же или очень схожих образах.

Именно поэтому я определяю подобные изменения в словах человеческого языка как «Ин-Версии» — буквально «Иные Версии», что подразумевает и общее для всех подобных конструкций смысловое начало, и вариативную изменчивость этого начала в каждом конкретном случае. Это как взгляды на один и тот же предмет или явление с разных сторон, каждая из которых приоткрывает нам нечто новое и удивительное...

Часть 2 Документальная проза

Надежда Суркова

Студенческие годы

Студенческие годы – самая интересная пора моей жизни. После окончания школы я и моя подруга Валентина вместе поступили в Благовещенское педагогическое училище искусств на художественно-графическое отделение. Я до сих пор часто вижу во сне, как учусь, что-то рисую со своей группой, вижу пленэры, наши просмотры, экзамены по специальным предметам – рисунку, живописи, композиции.

Во время учебы в городе я жила у своего дяди Толи, а Валентина снимала у кого-то комнату. Она часто приезжала ко мне, и мы вместе готовились к занятиям. Семья моего дяди в то время уже жила в четырехкомнатной квартире, и у меня была своя комната, где мы постоянно что-то рисовали с натуры, делали наброски – чаще друг с друга. Отец сделал мне очень удобный мольберт, за которым мы и рисовали по очереди. Потом натягивали на подрамники холсты, варили казеиновый клей и грунтовали им полотно. Пока холст подсыхал, мы уходили на улицу, бродили по городу и опять же делали наброски – с прохожих. Помню, тетя Рая – жена дяди, – заходя в дом, говорила: «Ну, девочки, опять клей варили! Дышать нечем, хоть топор вешай!..» Действительно, этот специфический запах долго не выветривался из квартиры.

Со второго курса по живописи мы писали маслом, и на каждом занятии нам давали задание – подготовить загрунтованные холсты. Это сейчас в продаже все есть: и грунтованный картон, и холст, и подрамники. А раньше мы сами, как могли, мастерили

подрамники, доставали материал. Правда, холст и бумагу для аудиторных занятий нам выдавали в училище, а для дополнительных работ все покупали сами.

До сих пор мне часто вспоминается наш преподаватель, Чуркин Борис Ильич – он вел у нас рисунок. С каким терпением и тактом он часами объяснял нам все сложности в выполнении графического рисунка!

Мы все рисовали с натуры – от простейших предметов до фигуры человека. В специальном кабинете для занятий все рассаживались за мольбертами вокруг постановки или натуры и погружались в творческий процесс.

В аудитории стояла тишина... Все внимание было приковано к освещенным предметам в центре комнаты. Это были или изделия из гипса, или несложные постановки из трех-четырех предметов, иногда – позирующий человек. Натюрморты составляли обычно из нехитрой домашней утвари.

Такие занятия длились несколько часов подряд, но мне казалось, что они пролетали очень быстро. Я очень любила рисовать простым карандашом, выполнять быстрые наброски или длительные, сложные по композиции работы. Само построение рисунка, нанесение штрихов по форме изображаемого предмета, выполнение работы в тоне с передачей освещения, структуры предмета очень увлекает. Непередаваемые чувства всегда вызывает работа над портретом человека, особенно когда видишь результат своего труда.

Во время работы в кабинете всегда царила тишина, слышны были только шуршание карандашей по ватману да тихие шаги Бориса Ильича. Он мягко

подходил к каждому, давал советы, если это требовалось, объясняя все спокойным, ровным голосом. В его взгляде всегда светились доброта и любовь к своему делу.

Много лет спустя, когда я заочно училась в московском университете, тоже на художественно-графическом отделении, описывая свои учебные работы, я всегда с благодарностью вспоминала Бориса Ильича и то, чему он учил нас четыре года: и композиционное расположение рисунка на листе, и построение, и выполнение работы в тоне при любом освещении...

Не менее интересно проходили и уроки живописи. На первом курсе мы работали только акварелью, а со второго стали писать масляными красками.

В нашей группе была одна студентка – маленькая, щупленькая, но с очень сложным характером. По живописи у нее была отличная подготовка. Она мастерски выполняла любую работу в цвете. Во время занятий нередко мы всей группой стояли возле нее и молча наблюдали за ходом ее работы. Она же, не обращая ни на кого внимания, сразу брала в полную силу правильный цвет, работы выполняла быстро, четко и очень необычно. Так могли работать только наши преподаватели живописи. Девочка эта была неразговорчивой, знала себе цену, понимала, что она подготовлена лучше других студентов, ее работы всегда служили нам примером. Конечно, она очень гордилась своим превосходством над нами. За работы получала только высокие оценки. Ей пророчили блестящее будущее. О дальнейшей судьбе этой студентки мне известно лишь по рассказам бывших моих однокурсников. Говорят, она преподает

черчение и рисование в одной из школ Амурской области.

Каждый год в июне, после сдачи экзаменов, мы всей группой на две недели выезжали за город на пленэр – писать этюды. Обычно для этого выбирали самые красивые места. Эти две недели мы жили в палатках, варили на костре, купались, загорали, ловили рыбу, собирали ягоды и рисовали, рисовали... Ведь основная цель поездки заключалась в том, чтобы сделать как можно больше набросков и подготовить этюды для будущих серьезных работ.

Две недели пролетали как один день. Возвращались загоревшими, отдохнувшими и всегда – довольными. В начале следующего учебного года, в октябре, в училище проходили просмотры, и за рисунки, выполненные на пленэре и в течение летних каникул, выставляли оценки.

По живописи я посещала дополнительные занятия, которые вел художник Гальметов Адалиф Гаидович. Он с увлечением рассказывал нам об известных художниках, их картинах и сам часто показывал, как смешивать краски на палитре, как накладывать мазки по форме, как запечатлеть то или иное состояние природы на полотне.

Я с жадностью ловила каждое его слово. Мне все было интересно. Уроки Адалифа Гаидовича не прошли даром, тем более, что впереди была защита диплома. «Летние каникулы» – так назвала я свою дипломную работу. Она была написана масляными красками на холсте. Я получила за нее отлично.

За год до окончания учебы, на четвертом курсе, мне дали место в общежитии. Мои родственники жили на другом конце города, и дорога к училищу отнимала у меня много времени. Но в общежитии я прожила

немногим, более двух месяцев – не выдержала. Ведь я привыкла к другой жизни: в тишине готовиться к занятиям и быть хозяйкой в своей комнате.

Здесь же я не могла привыкнуть к шуму, тем более что спала я на раскладушке, которая стояла посреди комнаты. Кроме меня в комнате жили еще шесть человек. Комнатка маленькая – развернуться негде, вся заставлена кроватями, а тут еще раскладушка – предмет всеобщего раздражения, особенно по утрам, когда нервы у всех на пределе. К новой жизни я не смогла привыкнуть и решила уйти из общежития.

Вместе со мной из этой комнаты ушла еще одна девушка – назову ее Светланой. Девчонки ее недолюбливали. За небольшую плату мы сняли комнату у одной пожилой женщины, ее дом находился недалеко от нашего училища. Хозяйка поставила нам два условия: ежедневно мыть полы и ходить в магазин за продуктами для нее. Это не составляло большого труда.

Теперь мы могли в тихой обстановке готовиться к предстоящим выпускным экзаменам и защите дипломной работы.

И вот наконец закончилась учеба! Позади и защита диплома, и выпускной вечер. Собраны вещи...

Светлана уезжала раньше меня. Я проводила ее до железнодорожного вокзала и вернулась обратно, в нашу комнату. Мой автобус уходил только в пять часов вечера.

Когда я посмотрела на полку, где в стопке лежали мои лучшие работы, то не поверила своим глазам – рисунки исчезли! Они уехали вместе со Светланой! Это был удар! Я не могла найти объяснения ее поступку – ведь мы с ней никогда не ссорились, с полуслова понимали друг друга. Хотя Светлана и была на год старше меня, училась она слабовато, особенно по

специальным предметам – по живописи и рисунку, и я как могла, помогала ей. Выручала частенько и деньгами. Я знала, что у них большая семья, и у Светланы постоянно не было денег.

Я ездила домой каждую неделю, а она – только на Новый год да летние каникулы. И вот на прощание – такой сюрприз!..

Я опустилась на стул... «Мои лучшие рисунки! – в отчаянии думала я. – Как она могла?! Теперь я их уже никогда не увижу!» Слезы текли по моим щекам.

Хозяйка, глядя на меня, только покачала головой и произнесла: «Отблагодарила! – и, помолчав, тихо добавила: – Бог ей судья!..»

Я еще много лет с сожалением вспоминала эти работы, но тогда почему-то не догадалась по горячим следам съездить к ней домой и забрать их. Возможно, виной тому были мои молодость и неопытность – ведь мудрые решения чаще приходят с возрастом. Позже у меня не раз возникало такое желание, но поезд, как говорится, уже ушел!

Несколько лет спустя, когда я уже работала в школе, на конференции учителей мне довелось встретиться с землячкой Светланы. Я рассказала ей историю с рисунками, на что женщина спокойно ответила: «Ничего удивительного в этом нет. Я Светлану очень хорошо знаю. После окончания училища она несколько лет работала в школе – преподавала черчение и рисование, потом вышла замуж. У нее теперь большая семья...»

Я внимательно выслушала свою собеседницу, не проронив ни слова. С тех пор я старалась не вспоминать об этой истории.

Лидия Смирнова

О давнем. Место взросления

1. О школе

Вспоминаю дорогую моему сердцу школу. Это случается не часто, совсем изредка, т.к. пока нет времени на осмысление тех далёких лет, прожитых в её стенах.

В этих залежах воспоминаний хранится много недооценённого и непознанного и потому закрытого, что без внимания отлёживается в памяти – пусть будет так, значит, не созрело.

Сейчас же от меня требуется всего лишь только с краю легонько стряхнуть пыль прошедшего времени и коснуться в нём некоторых воспоминаний.

При этом моя ручка тяжелеет, подбирая нужные выражения и слова. Она, память, может сейчас, спустя многие годы, не только выдать детские воспоминания и ощущения прожитого, но и по-взрослому оценить те давние реальности.

Школа 46 находилась в посёлке Менделеева, проще, на Старой площадке. Там она долго служила как мне, как и другим детям, глубоким и важным источником вхождения в русло самостоятельной жизни.

В большом посёлке, восточной окраине нового города, она была одной из трёх и построена по типовому проекту. К ней вела от Хорпинского шоссе узкая и короткая асфальтированная улочка, обрамлённая с одной стороны двумя маленькими кирпичными жилыми домиками и миниатюрным кубом районной больницы с другой. Тупиковым зданием на ней стояла наша школа по всей своей ширине.

Дальше, за её, невидимым с фасада, небольшим спортивным полем, была открытая всем ветрам

болотистая местность, заросшая голубичником. (Здесь от близлежащих деревянных стандартных домов, где проживала и я, пролегал так, на всякий случай, в основном для рабочих, прямой стрелой, дощатый тротуар. Он вёл коротким путём на некоторые местные производства, сгруппированные около Нижнего лесосклада, просто называемого «Перевалкой», расположенной на реке Амур). Безлюдье. С весны на весь тёплый период отсюда раздавался окрест многотысячный лягушачий хор.

Можно сказать, что это обширное место, ягодник, находилось в распоряжении школы. Зимой усилиями учителей и старшеклассников по этому, засыпанному снегом полю, прокладывалась чётко просчитанная по длине, петля лыжни. Здесь шли тренировки и соревнования, невзирая на погоду – мороз и ветер...

Школа – процесс не забываемый. К ней я чувствую глубокую давнюю привязанность и перефразируя поэта, скажу: «Люблю, но странную любовью!.. Но я люблю...», и это правда, невзирая ни на что.

Не помню, как пришла я в четвёртый класс сюда первый раз, но некоторые события этого года учёбы крепко поставили памятный рубец.

Незадолго до этого мы семьёй приехали из г. Куйбышева (ныне Самара). Я, конечно, была ребёнком, но сразу увидела всю неустроенность быта строящегося города: редкий асфальт дорог, деревянные тротуары, отсутствие громад зданий, крытых рынков, магазинов, мраморных прилавков в них и витрин...

Всё своё бывшее окружение я помнила долго, здесь мне его не хватало. Уже в прошлом осталась

женская школа, класс виолончели в музыкальной, другая культура человеческого общения.

Попала в класс Александры Герасимовны, она мне понравилась и училась я с удовольствием, «на отлично». Меня выбрали в пионерской организации председателем, что-то я там организовывала тогда, поскольку знала много песен, детских национальных танцев и пр., начала заниматься уроками на пианино, которые вела школьный учитель пения Мария Григорьевна. Вроде всё входило в норму, постепенно привыкала. Но затем стало происходить рядом со мной что-то непонятное и непривычное.

Меня вдруг стала провожать из школы после уроков группа учеников соседнего класса. Я знала, что там учились дети, переведённые из школы № 33 (известное место; где она стояла, мы старались обойти стороной из-за драчливой детворы), сейчас её расформировали, поскольку старое деревянное здание разрушилось от времени.

Мальчишки и девчонки, которых я совсем не знала – человек десять, сбившись в тесную кучку, шли следом, на расстоянии, почти до моего дома.

Сначала это делалось молча, но через некоторое время, они уже поджидали меня у дверей школы, из рук выхватывали портфель и, кидая его между собой, что-то выкрикивали.

Около моей улицы портфель бросали на землю, и группа, как бы, сделав своё дело, удалялась восвояси. Этот натиск продолжался долго: и осень прошла, и зима наступила – всё то же, я постоянно чувствовала весь их негатив и слышала дружные крики: «Фролиха, кролиха!»

Я ничего не делала в ответ, шла себе, шла, потом поднимала свой несчастный портфель. По-взрослому до сих пор не понимаю причин их агрессии. Тогда все жили одинаково бедно: одно пальтишко, шапочка, платье да фартук, больше ничего другого у меня и не было. А они, эти дети, были из домов частного сектора, наверное, сытнее жили при своём хозяйстве и огородах. Так что же их возмущало во мне и почему они так развлекались? Ответа пока нет.

Особенно приятно памятен пятый класс. Окончание учебного года мы отмечали торжественно, грандиозным вечером уже со всей школой, как взрослые. Для этого на втором этаже школы были расставлены стулья, образована сцена для концерта. Впервые я слышала школьных исполнителей, какие чудесные голоса были (!), они трудно отличались от известных в народе певцов.

Валерий Пляскин, ученик девятого класса, успешно исполнял многие популярные в то время песни. Среди них, например, «Огонёк».

Аплодировали ему – руки устали. Две десятиклассницы также очень отличились, они пели на два голоса лирические, душевные песни, по-взрослому звучали их голоса. А новая, неизвестная нам «англичанка», оказалось, что она преподаёт в вечерней школе, декламировала стихи. Она была очень красива в своём строгом светлом костюме, смотрелась актрисой. Зрители были в восторге от неё и хлопали, отбивая руки.

После концерта начались танцы. Стулья раздвинули. Появились какие-то взрослые весёлые шумные парни, оказалось, что они также окончили нашу школу, но только вечернюю. И тут началось непередаваемое веселье. Наши модно одетые

незамужние учителя порхали, как бабочки в танцах с выпускниками.

Многие молодые судьбы удачно изменились тогда. Вячеслав Голованов, будучи тогда тоже выпускником вечерней школы, красавец и умница, не отходил весь вечер от красивой «англичанки».

Уже позже, во взрослом возрасте, я узнала, что Вячеслав после окончания юридического факультета, работал судьёй Ленинского района города, а женат он был на той «англичанке», с которой я их видела на вечере. Также сложилась и семейная пара нашей Елизаветы Васильевны и выпускника вечерней школы Игоря, этому способствовал тот же вечер.

Похоже, он был судьбоносным и для других, более молодых выпускников.

Мы, маленькие девчонки, заметили, что видный для многих школьников Женя, весь вечер не отпускал руки своей одноклассницы... Известно, что они после школы успешно закончили ВУЗы: он – Политехнический Комсомольский-на-Амуре, она – Медицинский Хабаровский и поженились. Так, можно сказать, в школе № 46 состоялась семья Хорошиловых, фамилия, которая стала известной сначала на Авиазаводе, затем в городе, поскольку Евгений Николаевич занимал должность, отвечая за весь курс многолетней политической работы с населением.

Была там ещё одна пара выпускников, которая, не расставаясь, проводила этот вечер – друг Жени Виктор также танцевал только со своей одноклассницей, позже они составили семейную пару. Виктор всю жизнь проработал на Авиазаводе им. Ю.А. Гагарина на управленческой должности в Отделе Главного Технолога.

Иногда, в своих снах, я подхожу к двухэтажному школьному зданию, не признавая ни его цвета, ни других внешних примет, зная, – это школа.

Так бывает во многих семьях, когда их члены от долгого совместного житья, редко или мало замечают перемен у своих родных: старения, взросления, красоты и пр., т.е. – всё, что незаметно даёт каждый день. У меня со школой – тоже всё, как всегда постоянно, без изменений, она была и осталась членом моей семьи.

Я открываю тяжёлую дверь с торца здания, поднимаюсь на три ступеньки и попадаю в длинный широкий коридор, образованный классными комнатами справа и гардеробом, туалетами слева.

Мой класс неизменно, на протяжении четырёх лет примыкал к стене парадного, никогда не открываемого, входа. Я сажусь за третью парту около больших окон – моё место и вижу почти всех одноклассников.

Юрка Юхненко, на четвёртой, уже приготовился дёргать меня за косу. Если еще сохранились мои косы, значит, это наш шестой.

Скоро каникулы, на улице уже тепло, на большой перемене идём играть в «выжигательный круг». Мальчишки крепко бьют мячом, не надо попадаться.

Петька Шевелёв всегда хохочет. Он ездит в школу на велосипеде, на нём он вечером приезжает и на молодёжную сходку на Хорпинское шоссе, где сбор для всех желающих, там горят фонари – единственно освещаемая улица на посёлке. Мальчишки катают девчонок на рамах. Взрослеем. Симпатии, симпатии у всех в глазах – весна и впереди лето.

Во сне вижу лица одноклассников редко, не знаю почему. Помню почти всех. После восьмого класса многие ушли из школы во взрослую жизнь: мальчишки,

рабочие косточки, окончив училища, разошлись по разным заводам.

Васю Перминова видела за токарным станком на Авиазаводе; другие, в основном, уехали из города. Десятый окончили: Саша Носков, красавец, думала, звезду достанет в жизни (ан, нет!) – пошёл пожары тушить; Алексеенко, тяжеловес, неожиданно поступил в военное училище (удивил!); Сергей Миронов (симпатизировал мне безответно) – пошёл в Армию, вернулся, попил пивка у «бочки» да и окончил институт Культуры, а потом, после работы физруком, стал директором нашей школы! Молодец.

Больших звёзд с неба никто не сорвал, но класс был положительно спокойный, позитивный. Девчонки также, институты закончили, но у всех всё скромно, руководят только мужьями. И это факт, факт непреложный, стандартный для школы, можно сказать, женское руководство семьёй...

А всё пошло из детства, из равноправия в воспитании мальчишек и девчонок, прежде всего в школе. Думаю, в том числе, из-за особенностей нашего обучения на уроках труда.

Здесь не признавались гендерные различия, полная уравниловка в возможностях. Нас всех учили пользоваться режущими инструментами по дереву и металлу: ножовками, рубанками, напильниками, слесарными тисками и т.д.

Мы сколачивали почтовые ящики из фанеры (для торговли), знали разновидности резцов и свёрл, умели работать на токарных станках, т.е. нарезать резьбу на болтах и гайках и т.д.

Этому нас обучил преподаватель труда Игорь Васильевич, бывший выпускник школы, впоследствии муж «англичанки» Елизаветы Васильевны (человека

уточнённого, бесконечно ответственного и преданного школе, позже ставшей её директором). Учил он нас долго, жёстко и на производственной базе Центральных ремонтных мастерских, т.е. серьёзно. И секретов «мужского» труда от девчонок не было.

Не совсем понятно, зачем так нас обучали, ведь профориентации тогда не было и в помине, но навыки подобного физического труда и отношения к нему формировались и остались у всех на всю жизнь и, конечно, отразились в ней.

Ничего безрезультатного не бывает в жизни...

2.Маргарита Николаевна

Как каждый обыкновенный человек, проживший значительное количество лет и имеющий объемный багаж своего опыта, часто вспоминаю, сравниваю и сопоставляю определенные события в своей жизни, а также в жизни близких и чужих людей.

При этом в моей памяти всплывают особенно значимые для меня, начиная с детства, моменты, периоды и этапы взросления, становления, одним словом, развития.

Вспоминаются годы, фамилии, имена, лица, голоса. Иногда память поступает неосторожно, даже предательски: выпукло преподносит то, что хотелось бы забыть, как не существовавшее, и почему-то, как скупец, придерживает в своих тайниках доброе, светлое, умное.

Но в то же время (наверное, это знает каждый), память всегда хранит свою основную именную матрицу, т.е. движение, последовательность всего нашего жизненного процесса и все сопутствующее ему.

Известно, что самые яркие и длительные воспоминания связаны с детством, когда все познается вновь. Наш «компьютер» только начинает наполняться информацией, т.е. мозг, как промокашка, впитывает все, что человек видит, слышит и чувствует.

Если внимательно проанализировать накопившиеся в нем «файлы», то можно с уверенностью сказать, что осязаемый процент их содержания приходится на годы различной учебы, несмываемой чертой, пронизывающей все остальные входящие. И, конечно, прежде всего, самая заметная краска достается наименованию «Школа».

Понятно, что каждый вступает в школьный процесс маленьким и малознающим человечком, не разбирающимся ни в своих, ни в чужих потребностях, возможностях и желаниях. Но постепенно, двигаясь по ступеням знаний и общения, он постигает свой уровень развития в образовании, в воспитании и приобретении различных навыков и общезначимых ценностей.

При этом очень естественно, имеет значение «качество» преподавательского коллектива, который непосредственно влияет и формирует величину и направленность этого уровня.

Со временем возможность нашей памяти, наверное, становится избирательнее. И тогда в круг избранных в воспоминания о школьных событиях и школьных друзьях, товарищах и особенно учителях попадают только фигуры значимые, эмоционально выпуклые и всегда важные для нас. Поэтому-то мы помним, прежде всего, своих первых учителей, затем особенно любимых, потом «не стандартных», и, конечно, не любящих нас дорогих наставников, прошедших с нами рядом все школьные годы.

В конечном счете, мы часто имеем всего лишь несколько кандидатур. И это оправдано временем. Я отношусь к таким людям.

Память, пройдя многие этапы накопления, сохранила добрую теплоту обо всех педагогах, обучающихся меня.

Это произошло, во многом, за счет того, что наши отношения были всегда ровными: я никому не доставляла больших хлопот, училась хорошо и увлеченно, была привлекательной, опрятной и честолюбивой девочкой с задатками лидерских качеств. Мне были интересны почти все предметы школьной программы. И мне были интересны учителя (что могу сказать с полной уверенностью сейчас), просто, как люди разные по красоте, уму, доброте, одежде, образу жизни.

И эта разница между нашими дорогими воспитателями – нам, детям, была видна. Но уважение к себе учитель вызывал, как ни странно, совсем другим своим качеством, а именно – знанием своего предмета, увлеченностью им.

Мне повезло, в своей жизни я училась у педагогов, которые знали, любили свой предмет, и прививали это отношение своим ученикам. И я многим им обязана.

Но есть среди них те, которые в превосходной степени относились к своему нелегкому труду, отдавая ему все свои творческие и физические силы. Этим они заслуживают особой благодарности.

И, прежде всего, это относится к моему любимому преподавателю русского языка и литературы – Маргарите Николаевне. Если бы в любое время, в том числе и сейчас, мне был задан простой вопрос: «Имя какого учителя ты можешь назвать, не задумываясь?»,

то я смогла бы без раздумий произнести это имя своего дорогого учителя.

Для меня встреча с ней явилась не только приобретением уверенных знаний классической литературы, но и постижением традиционно русских духовных ценностей, которые она может дать, познаний глубин культуры великого народа. У Маргариты Николаевны, помимо дара преподавания, при всей её скромности и сдержанности, было ещё и истинно доброе сердце, она любила детей.

Помню, что Маргарита Николаевна пришла к нам в шестой класс молодым специалистом, направленным в школу № 46 после окончания Педагогического института. (Среди учеников прошел слух, что это был Ленинградский. В то время почти все преподаватели в нашей школе были выпускниками ВУЗов европейской части страны. Это было системой, а не исключением).

Маргарита Николаевна обладала своеобразной красотой: стройная, с правильными чертами лица, темноглазая, с маленьким ртом, шатенка, с удлиненными, слегка завитыми волосами. Она выделялась среди других преподавателей своим негромким голосом и спокойной доброжелательностью в общении с нами, учениками.

На её уроках было всегда тихо, и проходили они быстро. Она увлекательно рассказывала, хорошо читала наизусть, занимала нас чтением произведений «по ролям», что нам очень нравилось.

Мы придумывали разные предложения на заданные слова, части речи, таким образом, лучше усваивая все направления русского языка и литературы. У неё, как-то, не было «любимчиков» все, казалось, были равны.

Она всегда была строга в оценках, обходилась без громких похвал и порицаний. Разбирая наши сочинения и контрольные работы, Маргарита Николаевна спокойно указывала их достоинства и недочеты, а заодно поощряла успехи слабых. Это срабатывало – к восьмому классу «троешники» переросли в «хорошистов».

Я же, в начале её преподавания, почувствовала себя слегка обделённой вниманием, к которому привыкла. Но вскоре поняла, что нахожусь под её негласным контролем и, в какой-то мере, резервом на разные обстоятельства, поэтому расслабляться мне на уроках не приходилось.

Учила она нас четыре года. За это время мы узнали ее, как скромного и интеллигентного человека, обладающего живым умом и житейской мудростью.

Помимо всего прочего, полученного из общения с Маргаритой Николаевной, для меня лично очень значительно то, что она направила мое внимание на саму себя. Произошло это почти просто.

Она в нужной для меня тональности и в своё время оценила, поощрила и озвучила мои литературные способности. (Пожалуй, именно в те далекие времена мой замечательный педагог благословил меня на то, чем я занимаюсь сейчас и что меня по настоящему увлекает).

Это случилось в седьмом классе при разборе моего сочинения на вольную, в общем-то, банальную тему «Отдых в воскресенье».

Помню общее его содержание до сих пор, работала я над ним вдохновенно и увлекательно, видимо, ощущая «вкус» этого дела. Учитывая сдержанность Маргариты Николаевны, со смешанным чувством ждала её оценки.

Но результаты превзошли все мои ожидания – мой преподаватель был в восторге. Были указаны все особенности языка и замысла моего изложения, замечены вдохновение и лирика, а также задатки моих литературных способностей.

В результате, Маргарита Николаевна отправила мое сочинение куда-то в городской отдел образования, а позже я узнала, что она до сих пор хранит его у себя.

Не знаю, любили ли её другие ученики, но то, что она заинтересовала и завоевала нас, вложив значительный потенциал образованности в каждого, это было сделано на высоком профессиональном уровне. Думаю, что к словам моей благодарности Маргарите Николаевне, могли присоединиться сотни людей, прошедшие ее умные «руки».

Мы с ней долго не виделись, но вспоминали в нашей семье её часто, особенно, мама, которая, оказывается, близко познакомилась с Маргаритой Николаевной во время моей учебы в другом городе. На протяжении всей жизни мамы длилось это теплое знакомство, без частых встреч и длинных разговоров они держали друг друга в поле зрения.

Последний раз мы встретились с моей дорогой Маргаритой Николаевной в 2004 году, случайно, на улице, и долго не могли расстаться. Делились пережитыми болью и радостью.

Она искренне сочувствовала мне в связи с постигшими меня потерями мамы и сына. Я, в свою очередь, приняла участие в обсуждении и решении её непростого семейного вопроса по отъезду на постоянное местожительство к дочери.

Вскоре они с мужем уехали. Телефон ее молчит, но я знаю, что она продолжает проживать там же и надеюсь на встречу.

Светлана Блажкевич

Мои таблетки

Совершенно согласна с утверждением: «Красота спасёт мир». Считаю её своей главной чудодейственной таблеткой: более двадцати лет помогает жить, жить почти полноценно, активно. Очень люблю всё красивое: природу, детей, рассветы и закаты, бриллианты росинок на моих цветах и сами цветы в саду родительского дома – нашего родового гнезда, картины, музыку, щебет птиц:

*«Люблю июнь за солнца запах земляники,
За приятную вязкость глянцевої черники,
За воздуха прозрачность на заре
И яркость зелени нефрита на траве,
За жимолости иней голубой
И аромат пионов, что несём домой...»*

Сейчас, после многолетней борьбы с недугом (трем инсультами), в которой мне помогали моя милая, скромная мама и повзрослевшие дети, каждое проявление добра, щедрости, красоты, приятности волнуют до слёз, потому что я могу понять это, оценить, увидеть: мой голос, чувства вернулись, и я сама в состоянии вкусно приготовить, помочь детям, внукам, знакомым и незнакомым людям. Бесконечно рада этим возможностям. Каждый день, просыпаясь, благодарю Всевышнего, что он подарил мне ещё один день жизни, прекрасный её миг.

Именно красота помогла мне трижды встать, заговорить, начать ходить и потихоньку ощутить себя снова нужной не только любимой семье, но и другим. Помогли мне и проталинка в окне, сквозь которую

мечтала долгие дни увидеть небо, и солнышко-одуванчик, расцветший на окне в январе и поднесённый к моим глазам плачущей мамой, рокот волн морских и щебет птиц, записи которых включали дети для меня, и определитель цветов, который принесла мне моя институтская подруга Людмила Квиткова – Стрелова. Именно благодаря ей, этому «живому справочнику» я вновь влюбилась в землю и цветы, которые после выздоровления начала с её помощью (она мне их покупала, рассказывала о тонкостях ухода за ними...) выращивать, и у меня это стало получаться. Так вот – наперекор запрету врачей: «Забудьте о саде-огороде!», занимаясь моими любимыми цветочками, сыночками-дочками, при помощи мамы, детей, а потом и внуков, друзей – я заново начала потихоньку, через удачи и неудачи, возвращаться к активной жизни. Было очень сложно, казалось, невозможным... Но! Мы победили!

*«Как мне хотелось!
Как мечталось
В проталинку на небо
и на Солнышко взглянуть!
Увидеть свет, расслабиться,
легко вздохнуть,
Немножко полежать и встать,
И к жизни новой побежать!..*

*По лестнице на улицу спуститься,
В привычном мире очутиться
По улицам, по лесу побродить
Какое счастье вновь здоровой, быть!..»*

За время моей болезни дети с мамой выходили меня, женились, внуки появились. И вот, теперь я вместе с моими главными таблетками – внуками, моими

ангелами-хранителями сыном и доченькой, с мамой выращиваю цветы, осваиваю основы ландшафтного дизайна: со Стасенькой и Матвейкой сделали в Матвеевке на даче голубую гостиную: посадили цветы сине-голубых оттенков с лёгкой разбивкой белыми цветами; оформили открытую гостиную на свежем воздухе для приёма гостей и вечернего чаепития; посадили розарий, где царят розы и лаванда. К сожалению, дачу пришлось из-за стяжателей – соседей продать, но мы продолжили работу по восстановлению сухого ручья в родительском доме, возродили детский уголок.... Сотрудничество с красотой продолжается. Я радуюсь каждой победе. Ура! Я живу!

Вот так и повелось: весной, летом, осенью в душе царит весна, она радуется, поёт, но вот приходит зима, белая пуховая шаль всё покрывает, очарование бытия как бы замирает. Что же делать? Как разноцветность вернуть?! И вот! Эврика! Вспомнила про фотоаппарат, что года два назад подарили дети. Сейчас прибавилась ещё таблетки счастья: фотографирую цветы, пейзажи, город, людей, Амур, рассветы и закаты, дарю снимки тем, кому они понравились, участвую в фотовыставках. Внуки Стасенька и Матвейка тоже увлеклись фотографией и цветами, а Светочка и Ярославчик прекрасно рисуют. Прекрасный тандем фотографий и рисунков! Мечтаю устроить их выставку, выставку очарованного красотой детства!

Наши фотографии радуют близких и не очень людей в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, в Эдмонде (США), в кабинетах врачей и преподавателей. Им понравились наши снимки, значит, они разделили нашу радость, с одной стороны; с другой стороны – это

оценка нашего труда. Вывод: нужно ещё серьезнее изучить фотодокументы, совершенствоваться.

Внуки ещё растут, но они с такой любовью снимают что-то интересное, красивое. Очевидно, что болезни века – дефицит эмоций – у них нет. Мне это очень нравится! Внук Матвей решил создать свой розарий, Ярик ему помогает. Стасенька с удовольствием записывает щебет птиц: он такой разный! Потом мы слушаем аудиозаписи и обсуждаем, что за информация птички «сообщают» друг другу. Это очень весело, интересно и ценно для развития их чувств, правда?

Очень нравится, что в моём окружении становится больше любителей цветов, значит мой любимый Хабаровск станет ещё краше:

*«...Хабаровск наш подобен цветнику,
Садов и клумб в нём сосчитать я не смогу...
Их нежный аромат гостей встречает,
А красота цветов их восхищает!..»*

Это – цитата из одного из моих стихов. Да! Теперь я снова пишу стихи. Это – ещё одна моя «таблетка». Удивительно! Значит, ожило не только моё тело, но и душа! Пишу их большей частью осенью, вот моя дочь Оленька и сын Станислав шутят: «Мама, у Пушкина – «Болдинская осень», а у тебя – «Бондаревская осень» (мы живём на улице Бондаря, героя Великой Отечественной войны).

Стихи мои обо всём, что вижу, о чём и о ком тревожусь, что и кого люблю: о Хабаровске, временах года, о людях, о России, о цветах, о стрекозах, о внуках... Очень жаль, из-за переезда потерялись стихи юности, но надеюсь, что вдохновение не оставит меня. Круг людей, которым мои стихи интересны потихоньку

расширяется, ждут новых и говорят, что с удовольствием бы сами их перечитывали и читали бы своим друзьям, домашним. Мне страшновато пустить их в «дальнее плавание», но решусь.

Начала писать книгу, надеюсь, она заинтересует дитё и внуков, дай Бог, чтобы я справилась с этим испытанием своих возможностей, ведь внуки познакомятся с жизнью в других время, в другой стране (СССР), надеюсь, им будет интересно это узнать, так сказать, из первых уст, что мы тоже учились, плакали, радовались, любили, что жили интересной жизнью, а то мой внук как-то спрашивает в пять лет: «Бабуся, ты что ли жила, когда были динозавры, да?!» Надо рассеять сомнения ребёнка. Думаю, что смогу это сделать, потому что смогу это сделать, потому что он же мне пообещал изобрести «таблетки вечной жизни». Персонально!

Ещё одна «таблетка», помогающая выкарабкаться, выжить – это осознание того, что есть вокруг люди, которым гораздо хуже и что им нужна твоя помощь. Понимание этого хорошо держит на плаву в трудные минуты. Это истинно так! Это – проверено!

Как я это поняла? Однажды меня в очередной раз пришла навестить Люда Квиткова – Стрелова и сказала, что на несколько дней уезжает в Комсомольск-на-Амуре: нужно срочно помочь старшей сестре. А потом добавила: «Набралась детская одежда – тоже отвезу Наташе, а то она так бедствует». Я поинтересовалась, кто такая Наташа и что у неё случилось. Оказалось, что она живёт в одном доме с сестрой Люды. Это очень красивая, молодая женщина, которая попала в беду: когда её старшей дочери был один годик, её законный муж вдруг исчез. Куда? Этого не знала даже его не совсем здоровая мама. Наташина доченька подрастала,

и однажды раздался звонок в дверь – вернулся муж-потеряшка. Он валялся у неё в ногах, плакал, умолял его не выгонять: «Я понял, без вас не могу, пропаду». 21-летняя Наташенька ему поверила. Прожили ещё один год. Мама с доченькой нарадоваться не могли на папу: он-то и работает, он-то и денежку зарабатывает и помогает по дому. Свекровь тоже счастлива: сынок единственный нашёлся! И тут стало известно, что Наташа ждёт ребёнка, и... сценарий повторился: папа исчез! Оставив больную, немолодую мать и свою семью. А у беременности молодой женщины был уже срок в пять с половиной месяцев. В нужное время и в Богом данный час родилась... двойня: близнецы: здоровенькая «лапочка – дочка» и очаровательный, серьёзно больной сыночек.

У мальчика было очень-очень редкое, малоизученное заболевание: ему нельзя было кушать пиццу, содержащую хоть каплю белка, а он-то есть практически во всем! Он мог питаться только очень дорогой американской смесью. Положение в этой семье резко усложнилось. Ребёнок был очень слабенький, но от этого и ещё более родной! Ему постоянно требовалось мамино внимание, он подрастал – нужно было исключить возможность, что кто-то угостит, а в первую очередь, сострадательные сестрички, ему в любой момент могла потребоваться безотлагательная помощь.

Питание американское нужно было получать из рук в руки в Хабаровске, про него время от времени люди, отвечающие за это, забывали. Получить самой и разобраться в казусных обстоятельствах Наташа не могла, для этого ей нужно было бы ездить раз в месяц со всеми ребятишками в Хабаровск, а денег не хватало даже на еду. Сыночку, которого мама называет

Зябликом, где-то до шести лет не давали инвалидности. Видимо, ждали, что вот-вот его не станет.

И вот Люда каждый месяц по специальному рецепту выкупала смесь для мальчугана, отвозила, ходила в ВТЭК, по кабинетам, добиваясь, чтобы смесь можно было бы приобрести в любой момент, ведь это единственная пища этого маленького, терпеливого, очень терпеливого мальчика. Ещё, с помощью моей подруги ребёнок наконец-то получил инвалидность. Много! Людмиле пришлось обить порогов, чтобы этого добиться. Ей говорили: «Ну, зачем нужно столько усилий, если он обречён. Ему же будет лучше, если его не станет!» И вот Наташа, Люда, церковь, её прихожане объединились в борьбе за жизнь ребёнка. Ему надо было продержаться до одиннадцати лет. А потом он будет бегать, вместе с мальчишками играть в футбол! Всё кушать! Семья эта жила сначала только на детские, а потом малыш подрос, и они вместе мыли лестницы в доме, где они жили.

А жить становилось всё труднее: дети подрастали, требовалось больше расходов. Вот Люда и собрала у себя всё, что подходит детям и Наташе и отвозила им. Узнав эту грустную историю, мы с моей дочерью Оленькой решили помочь этой мужественной молодой женщине, которая наперекор всем трудностей оставалась красивой, удивительно терпеливой, улыбающейся мамой трёх деток, которая трудилась изо всех сил и дома, и на подработке, когда ребёнок подрос.

Мы с дочерью очень хорошо знали, что такое нужда. Сами прошли через неё, растя нашу радость, наше счастье Стасеньку. Сколько раз, приходя к нам, мама плакала, глядя в открытый пустой холодильник. Для Стасеньки было всё, а мы с Оленькой порой перебивались чаем с хлебом. И вот теперь Люда возила

деткам в Комсомольск ещё и наши баулы для Наташи и её детей. На Новый Год и на Пасху посылали деньги, чтобы молодая женщина могла на эти замечательные праздники порадовать деток и себя. Но, как оказалось, она их тратила на другое: платила долги за свет, который отключали. Как можно было отключить Солнце у малых деток?!

Дети не должны жить во тьме! А энергетикам не хватило внимания, чтобы не сделать этого, чтобы как-то помочь этой мужественной женщине. Представляете, как ребятишкам было страшно в квартире зимними долгими вечерами и ночами, как они вздрагивали от любого звука, прижималась в страхе к маме! Сразу вспоминаются «Дети горчичного края». Но ведь сейчас другой век!

Наташа никогда никому не жаловалась. С благодарностью молилась за тех, кто им помогал. А нам повезло, что двойняшки были одногодками Стаси, так что и игрушки у них были одинаковыми. Люда Наташе рассказывала о нас, а нам о ней и её детях.

Мы так и были заочно знакомыми. Оказывается, у неё есть очень хорошо обеспеченная сестра. Когда однажды Наташе стало просто невмоготу, обратилась к ней за помощью, но та ей сказала: «Нечего нищету было плодить!» и захлопнула дверь.

Знакомство с этой историей помогло воспрянуть и нам с дочерью: у нас по сравнению с этой семьёй всё нормально. Это и была ещё одна таблетка, которая в своё время здорово помогла.

Надо всегда верить – дальше будет лучше, а ещё будет лучше, если с кем-то поделишься не только своей бедой, но и радостью.

Огурцы с мёдом

Моя восьмилетняя внучка Любаша с интересом наблюдала, как прабабушка Маруся ест свежий огурец. Наконец, не выдержала и спросила:

– Бабуля, а почему ты огурец ешь не с солью, а с мёдом? Кто тебя так научил?

– Кто научил? Да жизнь меня научила, деточка!

– Как это? Как она тебя научила?

– Если хочешь, могу рассказать.

– Расскажи!

– Ну, слушай. Когда мне было столько же лет, как сейчас тебе, жили мы в Баиме. Это деревня такая в Красноярском крае. Сейчас-то её уже давно и в помине нет. А я хорошо помню, как в ней был организован колхоз.

– Колхоз? А что это такое?

– Ну, как тебе объяснить? Колхоз, значит коллективное хозяйство. Это когда все жители деревни объединялись и вместе сеяли хлеб, лён, косили сено, да и все другие деревенские дела делали вместе. Так вот, была у нас в колхозе пасека. Полученный мёд потом сдавали государству, но председатель колхоза распорядился, чтобы в день качки каждый житель мог придти на пасеку и покушать свежий мёд, сколько захочет.

– А что такое качка?

– Ты помнишь мультик про пчёлку Майю?

– Да, конечно!

– Значит, помнишь, что пчёлы собирают нектар с цветов, приносят в улей и складывают его в соты. Так вот на пасеке эти соты находятся в специальных деревянных рамках. Когда все соты наполнялись мёдом,

пасечник доставал эти рамки и ставил их в специальную бочку – медогонку. Сверху к бочке была приделана ручка. Пасечник её крутил, рамки с сотами вращались, и мёд стекал по стенкам бочки на дно. Вот это и называлось качкой мёда.

– Бедные пчёлки! Они же зимой умрут без мёда!

– Не волнуйся, внученька! Домашние пчёлы всегда заготавливают мёда намного больше, чем могут съесть. Пасечник (сейчас он называется пчеловод), конечно, оставляет мёд и для них, а если уж мёда зимой не хватит, то он позаботится, чтобы пчёлы не погибли. Он же их хозяин. А пчёл можно и сахаром подкармливать.

– А что ли они его едят?

– Да ещё как! И вот день качки мёда был настоящим праздником для всей деревни. Пасечник наливал мёд в большой цинковый таз, и все, кто приходил в этот день на пасеку, могли его есть, сколько хотели. Но надо тебе сказать, что свежего мёда много не съешь без ничего. Поэтому одного тазика хватало на всю деревню. У кого был хлеб, несли кусок хлеба, чтобы макать его в мёд и есть. Но во многих семьях к весне уже и хлеба-то не было.

– Ну, сходили бы в магазин и купили.

– Да у нас в деревне и магазина-то не было. Поэтому каждая хозяйка пекла свой хлеб из муки, полученной на трудодни. Ну, то есть, заработанной на колхозных работах. А когда мука в доме заканчивалась, то вся семья жила без хлеба до нового урожая.

– А что же тогда вы ели?

– Да всё, что придётся, но главной едой была картошка. Уж картошка-то была в каждой семье. А ещё ждали весны. Лебеда, крапива, салат, осот – всё шло в еду. А какая вкусная была ботвинья, сваренная из

молодых листьев свёклы и заправленная простоквашей!
М-м-м!

– Бабуля, и вы это ели?!

– Конечно, солнышко моё! Надо сказать, что в течение лета мёд качали несколько раз. И такие дни были особенными, ни с чем несравнимыми, праздниками. И те, кто работал на полях, и те, кто оставался в деревне, обязательно приходили на пасеку. А в деревне-то оставались только малые дети и старенькие бабушки да дедушки. Дорога на пасеку шла через речку, которая была хоть и небольшой, но довольно опасной, и дети могли туда попасть только в сопровождении взрослых. Поэтому в день качки мёда бабушки и дедушки, оставшиеся в деревне, специально собирали своих и соседских ребятишек и организованной ватагой вели на пасеку. Отдельные счастливчики несли с собой по ломтю хлеба, а все остальные (и их было намного больше) шли с пустыми руками. А вот уже на следующие качки все несли... огурцы, да-да, молоденькие свежие огурчики. Как же это замечательно окунать их в мёд и есть, есть это лакомство! Ведь впервые вкус настоящих конфет я узнала намного позже, когда покупала их уже своим детям.

Неторопливый рассказ бабушки уже давно слушала не только Любаша, но и её родители.

– А кстати, – бабушка с улыбкой посмотрела на них, – вы знаете, как отличить настоящий свежий мёд от разведённого или поддельного?

– Как?!

– Очень просто. Нужно зачерпнуть мёд ложкой и, наклонив её, медленно выливать мёд и в то же время поднимать ложку всё выше и выше. Чистая медовая нитка будет сильно истончаться, но рваться не должна.

Если же в мёд что-то добавлено, то медовая струя никогда не станет тонкой, она быстро прервётся. Вот так-то!

Смерть Сталина

Это была довольно своеобразная семья. Отец семейства работал в железнодорожном депо и получал по меркам того времени совсем неплохо. В день, когда он приносил получку или аванс, все члены семейства сначала с нетерпением ждали, выглядывали, когда же он придёт и принесёт деньги, потом жена Лола торжественно раздавала долги и... бежала в магазин, без разбору покупая всё, что под руку подвернётся, и обязательно (!) спиртное. Ну, а потом начиналась гулянка и бесконечно повторяемое: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...». Заканчивалось это бесшабашное веселье почти всегда одинаково. Отец начинал гонять жену и детей, жена громко голосила и с детьми убегала прятаться к соседкам. Пьяный хозяин хватал, что под руку попадётся, и бегал по соседям, угрожая всем и вся. Шум, гам, крики...

Как ни странно, ни жена, ни соседи никогда не вызывали милицию. Жена всегда защищала мужа, который потом полмесяца был тише воды, ниже травы, объясняла такое буйство тем, что мужа контузило на войне, и ему совсем нельзя пить. А потом ждали следующей зарплаты или аванса, занимая везде, где можно, и... всё повторялось сначала.

Старшая девочка, Лара, воспитывалась в деревне у бабушки, так как являлась падчерицей дяди Матвея. В город она приезжала один раз и очень удивила соседских детей тем, что своих дедушку и бабушку

называла только мамашкой и папашкой, а родную мать – тётей Лолой.

После Лары шла Надя, потом в начале года родилась Зина, но родители очень уж хотели сына, и в конце этого же года родился Андрей. Вот уж где был праздник, о котором потом много лет вспоминала вся улица! Счастливый папаша не поскупился!

Однажды, когда Андрею было месяцев десять (не в день аванса и получки!), соседи вдруг слышали громкие крики и плач с их двора. Лола, растрёпанная, опухшая от слёз, голосила, как по мёртвому, истерически выкрикивая что-то. Перепуганные ребяташки громким рёвом поддерживали её, Матвей тоже размазывал по щекам слёзы и что-то бубнил себе под нос.

Насилу люди поняли, что голосила она по... Сталину. «Ой, как же мы теперь без тебя жить-то будем, отец наш родной!» – и всё в том же духе. О смерти Сталина уже сообщили по радио, но хорошо помню, что другие соседи и окружающие отнеслись к этому очень сдержанно. Люди, конечно, были обеспокоены, но предпочитали молчать и ждать.

И вдруг такая бурная реакция! Но больше всего поразило людей то, что она вдруг стала кричать: «Да лучше бы наш Андрюшка умер, чем ты!» И муж, весь в слезах, тоже поддакивал ей.

Вот тут уж никто не стал им сочувствовать, и, видимо, поняв это, убитые горем папаша и мамаша ушли рыдать в дом.

Лет через десять Матвей окончательно спился, а сын их вырос, женился и однажды... погиб в пьяной драке.

Наталия Шипулина

Автобиография [1]

Жизнь словно ненаписанная книга – Вся соткана из вечности и мига... И радость есть в ней, и печаль, Но все уносит время в даль...

Ткань жизни не имеет лица и изнанки. В ней все едино: свет и тени, любовь и ненависть, добро и зло...

Мой родной город – Комсомольск-на-Амуре. Я родилась и живу в нем вместе со своими родными, друзьями, коллегами и учениками. Городу было 16, – подросток, даже еще несовершеннолетний – в день моего рождения 05.02.1949. Семья была тоже юная: отец Шипулин Василий Автономович – студент Казанского авиационного института. Его, старшего сына в многодетной семье первостроителей Шипулиных – Автонома Емельяновича и Улиты Антоновны, решили выучить на достойного специалиста для, в ту пору суперсекретного, завода п/я 40, а ныне выросшего в Комсомольский-на-Амуре авиационный завод имени Юрия Гагарина, выпускающий знаменитые на весь мир самолеты. Весь, более чем полувековой, путь отца прошел в стенах одного предприятия от юрисконсульта до руководителя маркетинговой службы. Мать Вера Христофоровна к моменту моего рождения окончила Хабаровский педагогический институт и преподавала русский язык и литературу в Комсомольске в мужской средней школе №8.

Родители мамы Ахполовы Христофор Худзеевич и Зинаида Илларионовна жили в низовьях Амура в селе Богородское и работали на рыбозаводе. Родители мужа Шипулины жили на Старой площадке (ныне поселок

им. Менделеева). В те годы только два месяца длился отпуска по уходу за новорожденным и, конечно же, моей маме было несладко. Спасала помощь подруги детства Надежды Циулиной и ее семьи. Среди первых воспоминаний детства – плыву над бурным мальчишечьим круговоротом по школьному коридору на широких плечах маминого товарища по работе, учителя рисования, – одного из первых художников города Драчева Николая Лукича. Еще помню чудесные новогодние катания на лошадях под звенящими колокольчиками, запряженных в сани-розвальни. И я в этих санях среди мальчишечьего восторга. Так город радовал своих школьников. А нас, дошколят детсада №5, на все лето вывозили на берег Амура, поближе к природе, в самобытное село Бельго.

В школу я пошла седьмую, уже когда девочки и мальчики учились вместе, но она была бывшая женская, и потому у нас, девчонок, парни из восьмой, мужской, котировались выше. В начальной школе меня учила Таисия Филипповна Дик, лучший в городе специалист своего дела – ей первой в Комсомольске-на-Амуре присвоили звание Заслуженный учитель школы РСФСР. Т.Ф. Дик давала ученикам главное – потребность учиться и стремление к новому.

Параллельно со школой я была активной тимуровкой – помогала вдове фронтовика Великой Отечественной, занималась в балетной студии знаменитого на весь город клуба имени Баранова – все каникулы и праздничные дни были заняты благотворительными концертами в детских садах и больницах, и еще училась игре на фортепиано. В старших классах к увлечениям добавились гимнастика, волейбол и большой теннис – мама даже сохранила почетную грамоту за мое третье место в

краевых соревнованиях в Хабаровске. И каждое лето незабываемые – сначала пионерский лагерь завода п/я 40 на правом берегу Амура, позже – спортивный на территории дома отдыха «Шарголь» того же авиационного завода.

С пятого по восьмой класс меня учила русскому языку и литературе Людмила Павловна Драчева, которая вместе с моей мамой развила, видимо, природную мою тягу к слову. Мне было необыкновенно интересно писать всевозможные сочинения, тогда же пробудились первые попытки стихосложения, но... В 1964 году в Комсомольске впервые формировали профильный класс с математическим уклоном из лучших учеников города, и мама считала, что мне там непременно нужно учиться. Это стало первым в моей жизни довольно тяжким испытанием: мне, по природе гуманитария, пришлось усиленно штудировать физику и матанализ (треть учеников класса не справились с усложненной программой, приближенной к вузовской, и вернулись в прежние школы) и параллельно заканчивать музыкальную школу. Несмотря на колоссальную нагрузку (учитывая серьезные занятия волейболом и теннисом), я рада, что в моей жизни была математическая школа №26 с великолепными учителями: Даниилом Семеновичем Табацким, Валентиной Степановной Афанасьевой и Виталиной Витальевной Фефиловой; и одноклассниками, со многими из которых мы пожизненно дружим. Интересы каждого многогранно обогащали друг друга на творческих встречах. Школа научила преданности и преодолению.

Испытания продолжались. 1966 год – редкостный для выпускников XX века: год окончания одновременно 10-х и 11-х классов. И – соответственно – двойной

наплыв в вузы по всей стране. Естественная проверка успешности обучения в нашем экспериментальном классе – поступление всех его учеников в тот же год в вузы страны. Несколько моих одноклассников и я поехали поступать в Новосибирский университет. Я выбрала уникальную специальность, попытавшись объединить свои способности и школьную специализацию: математическая лингвистика. Конкурс – одиннадцать (!) человек на место. После первого экзамена, математика письменно, – вся стена университета со списками получивших двойки!... И оказалось – у всех один вариант... Не знаю, сознательно или ошибочно на экзамен был выставлен нерешаемый вариант. И старшекурсники университета его не решили, и мои учителя из матшколы. Подавляющее большинство абитуриентов были приезжими, без родителей, и никому и в голову не пришло разбираться в ситуации. Вот такой опыт экзамена в советской стране...

Домой возвращалась поездом с одним рублем на пять дней пути. Решила прямым ходом ехать во Владивосток и поступать на журналистику. В Хабаровске мама сняла меня с поезда. Откормила и повезла домой. Поступила на вечернее отделение Комсомольского-на-Амуре политехнического института, специальность самолетостроение. В 18 лет пошла ученицей электромонтажницы в 55-й цех Дальмашзавода, собирала приборы для начинки знаменитой на весь мир авиационной продукции. За полтора годы выросла из ученицы в электромонтажницу второго разряда. И это – параллельно с учебой в вузе, таежными походами с клубом «Баджал» и активным участием в художественной самодеятельности – была даже удостоена чести вести вместе с известным в городе

певцом Борисом Архандеевым гала-концерты во дворце авиастроителей. И меня, как хорошую работницу и активную комсомолку, завод направляет учиться в Хабаровский политехнический институт по специальности инженер-экономист, выделяя мне персональную стипендию.

Жизнь в Хабаровске вместила напряженную учебу, активную работу в студенческом научном обществе, походы с рюкзаком по Дальнему Востоку в каникулы и праздничные дни. Конечно, и КВН, и художественная самодеятельность – так, что даже ведущий диктор хабаровского радио предложила совместную работу. Особенно дорога память о преподавателе ХПИ Владимире Евгеньевиче Макарове.

Хабаровск подарил незабываемые встречи с пианистами – Святославом Рихтером и Ольгой Шевкеновой из Болгарии, писателями Всеволодом Ивановым и Владимиром Клипелем... Впечатления выплескивались на бумагу. Первые публикации – в газете «За инженерные кадры», затем – в «Молодом дальневосточнике». В душе созрело ощущение: если Комсомольск – мой город-папа, то Хабаровск – мой город-дед. При распределении по окончании ХПИ мне предложили преподавание в альма-матер, видимо, отметив мои успехи в работе студенческого научного общества и педагогические способности. Конечно, предложение было заманчивым, но я не могла его принять, так как чувство ответственности диктовало вернуться в Комсомольск на завод, который дал мне путевку в трудовую жизнь и оплатил учебу в институте. Хотя у меня было законное основание остаться в ХПИ, так как я вышла замуж за студента этого вуза, но я вернулась на завод уже как молодой специалист. Мой поступок очень удивил заместителя директора завода по

кадрам Дмитрия Яковлевича Галенко (и отца моего одноклассника Саша Галенко): «Как, Вы только что вышли замуж, а семья это святое»...

Моему мужу Владимиру Алексеевичу Самсоненко предстояло еще целый год учиться на автомобильном факультете ХПИ. Мое гипертрофированное чувство долга Д.Я. Галенко испытывал около двух месяцев, утверждая, что мест на заводе нет. Убедившись в моей стойкости, направил в 40-й цех инженером-технологом. Проработать я успела несколько дней до того, как на завод из ХПИ поступил запрос на отзыв меня для преподавательской деятельности. Д.Я. Галенко со спокойной совестью издал приказ с согласием на отзыв специалиста ХПИ. И приказ этот я должна была выполнять. Через несколько месяцев преподавания на кафедре экономики машиностроительной промышленности мне предложили учебу в московской аспирантуре. Но тут уже я не захотела расставаться с мужем. Через год он окончил ХПИ, вскоре я родила дочь Елену. Нам даже в головы не пришло отстаивать его распределение на предприятия в Хабаровске, учитывая, что жена работает в этом городе молодым специалистом. Мужа распределили в Приморье, в поселок Артемовский под Владивостоком, на предприятие Дальэнергоремонт, откуда сразу же отправили в длительную командировку на Север. Из-за отсутствия жилья и в Хабаровске, и в Артемовском, я с ребенком жила у родителей в Комсомольске. Это было ошибкой. Семья должна вместе преодолевать трудности и растить ребенка. Через год в Артемовском мужу дали комнату в девять квадратных метров в квартире на пять семей. Я уволилась из ХПИ и с годовалой дочуркой (как декабристка...) поехала к месту работы мужа. Ребенку

сразу (!) дали место в яслях, меня приняли в «Дальэнергоремонт» инженером-технологом группы по организации производства и выпуску продукции на базе. Сокращенно нас называли по модному в то время – отдел научной организации труда. Два года жизни в Артемовском закончились разводом по моей инициативе. Вероятно, постоянные и длительные командировки мужа не вписывались в мое представление о семейной жизни.

В 1976 году снова вернулась на Дальневосточный машиностроительный завод в Комсомольск-на-Амуре, поближе к родителям, обменяв полученную в Артемовском квартиру на город Юности (почему не на Хабаровск?!...) На авиационном заводе общий стаж в 19 лет наполнился работой инженером по подготовке производства в механическом цехе, экономистом по планированию в планово-производственном отделе заводоуправления, инженером по подготовке кадров в учебно-производственном комбинате завода (видимо давали о себе знать педагогические гены) и даже корреспондентом заводской газеты «Вперед» («Крылья Советов») по производственно-экономической тематике. Все эти должности помогали узнать богатую палитру жизнедеятельности КнААПО. В итоге мною была написана статья «Профориентация школьников и адаптация молодых рабочих» в отраслевом журнале «Авиационная промышленность» (1985 г., №8) и разработан стандарт предприятия КнААПО «Подготовка и повышение квалификации кадров». Основную работу дополняли разнообразные общественные функции: политинформатор, референт по изучению и обобщению передового опыта и т. д.

В 1990 году поступила в аспирантуру Института экономических исследований Дальневосточного отделения Академии наук СССР, которую окончила через несколько лет. В том же 1990 году по результатам конкурсного отбора переведена в Ленинский районный Совет народных депутатов инструктором организационного отдела и выполняла работу, координирующую деятельность депутатских комиссий - по делам молодежи, народному образованию, гласности, законности, правопорядку и охране здоровья. В 1991 году родилась внучка Эвелина. В 1993 году Советы народных депутатов прекратили свое существование. В 1994 году получила второе высшее образование в Комсомольском-на-Амуре государственном педагогическом университете «практический психолог системы образования» с красным дипломом и была оставлена старшим преподавателем на кафедре практической психологии.

С 1995 по 1999 годы работала психологом в УВД города на должности старшего следователя отделения по расследованию тяжких видов преступлений следственного отдела, совмещая службу с преподаванием в вузах. Основная функция психолога в УВД – обеспечение психологической поддержки личному составу, составление психологических портретов сотрудников и преступников, разработка и внедрение криминологических методик и т.п. Ценю признания сотрудников, подтверждающие их большую профессиональную успешность в результате полученной психологической помощи.

В 1996 году получила сертификат психолога-консультанта и сертификат тренера по психологическому видеотренингу общения, пройдя курс обучения под руководством члена-корреспондента

Международной академии психологических наук, доктора психологических наук, профессора Р.С. Немова (г. Москва). В 1997 году прошла обучение на курсах маркетинговой стратегии, проект-менеджмент, управление персоналом, организованных Комиссией по содействию в сотрудничестве с Японским центром производительности по социально-экономическому развитию, согласно программе технического содействия странам СНГ, осуществляемым правительством Японии. Стала победителем и была удостоена чести обучения в Японском международном центре г. Токио и практики управления японскими предприятиями в г. Саппоро (февраль-март 1998 г.), где обследовала сотрудников энергетической компании Хоккудэн (второй по рейтингу в мире). Стажировка в Японии повысила уровень квалификации как инженера-экономиста и как старшего преподавателя высшей школы.

В 2000-е годы работала старшим преподавателем в КнАГТУ, МЭСИ (Московский государственный университет экономики, статистики и информатики), Санкт-Петербургском институте внешнеэкономических связей, экономики и права; внедрила авторские спецкурсы «Психология зрелой личности (геронтопсихология)», «Психология и этика финансового предпринимательства», опубликовала более двадцати научных статей, в том числе в центральных журналах «Народное образование. Социальная педагогика», «Управление персоналом», «Власть и управление на Востоке России» по проблемам мотивации трудовой деятельности и психологии личности, провела обследование студентов АмГПУ и КнАГТУ с целью дифференциации их восприятия «Апологии Сократа» Платона, конфликтов

«Личность-общество», «Личность-власть»; совместно со студентами обследовала разновозрастные группы работников предприятий нашего города с целью выявления мотивации «Достижение успеха» и «Избегание неудач». С 2008 года работаю педагогом-психологом в Центре развития творчества детей и юношества Комсомольского района Хабаровского края, в котором 21 муниципальное сельское поселение, оказываю психологическую помощь школьникам, их родителям и педагогам.

Люблю путешествовать с детства. И с рюкзаком, и с чемоданом на колесиках. В зависимости от цели. Первый вкус к красоте-новизне окружающего пространства привил дед Христофор, уже старый горец, после возвращения с заработков в Америке осевший на Дальнем Востоке и, по-моему, всю оставшуюся жизнь тосковавший по своей малой родине – Кавказским горам. Помню, совсем маленькой он брал меня за руку и вел за околицу на высокий пустынный берег. Каждый вечер мы смотрели, как солнце тонуло в Амуре и утекало на запад – к любимым горам Христофра Ахполова. Вся жизнь люблю закаты, особенно над Амуром. И горы. Мама подхватила эстафету деда: однажды мы даже заблудились с ней в тайге. Позже меня – студентку и брата – старшеклассника повезла в Тумнин, и мы месяц жили в палатке. С рюкзаком за спиной я путешествовала по Приморью, Камчатке, Сахалину и даже верхом на лошади по Горному Алтаю.

Цивилизованные путешествия прекрасны по-своему. В советские времена побывала практически во всех республиках СССР. Даже однажды на турпоезде проехала от Комсомольска-на-Амуре до Средней Азии – по всем ее знаменитым городам и обратно. Вообще поездом проехала всю страну с востока на запад и

обратно несколько раз – зимой, летом, осенью. Япония стала для меня первой заграничной страной, где я побывала. Страна восходящего солнца потрясла настолько, что я влюбилась в нее и стала фотографировать – совершенно доселе немыслимое для меня деяние. Фотосюжеты «Такая разная Япония» стали первой выставкой в моей жизни. Ныне их более двадцати. Экспозиции были и в Хабаровске, и в Москве. (Видимо это отзвук далекого влияния генов прадеда Иллариона Панкова, иконописца Екатеринбургской епархии...) После Японии были Финляндия, Египет... Четырежды на автобусе проехала всю Европу, дважды была в Париже, Венеции. А что за чудо Европа рождественская!.. Путешествовала по Сахаре на верблюде – в Тунисе накануне переворота. Недавно вернулась из Израиля. И все это – новые стихи, литературно-художественные зарисовки и фотовыставки...

Люблю театры, музеи и в родном Комсомольске, и во всех тех городах и странах, куда заносит судьба. Систематически участвую в научных конференциях городского краеведческого музея, Музея изобразительных искусств, во встречах в галерее «Метаморфоза», театров – драмы и КнАМ. Являюсь членом ассоциации неофициального искусства Дальнего Востока, членом Союза журналистов РФ, действительным членом Дальневосточной Народной Академии наук, членом Русского географического общества и членом Комсомольской-на-Амуре общественной писательской организации имени Г.Н. Хлебникова. Комсомольск вырос из несовершеннолетия в восьмидесятилетие, – и остался городом Юности вместе с моими родными, друзьями, коллегами и учениками.

Станислав Щетинкин

Немного о себе и поселке Чагда

Прилетел в посёлок Чагда я осенью, в сентябре, на самолёте АН-2 из аэропорта Алдан. Сверху посёлок казался небольшим, по реке Алдан – как два рукава рубашки, а в середине центр, т. е. строения, от реки вглубь, где влево от реки – взлётная полоса аэропорта, а влево от полосы дома по берегу ориентировочно на 3 км, вправо несколько улиц длиной до 2-х км.

Взлётная полоса построена перпендикулярно к реке. Посадку произвели сразу, по курсу через реку. Река сверху показалась узкой, как выяснилось, в это время было просто мало воды: жаркое лето. Садимся, как на полуостров, т.к. слева в Алдан впадает река Учур, а за посёлком – озёра и болото, которое начиналось за взлётной полосой.

Сверху всё было красиво. На жёлтом, золотистом, фоне песчаная поверхность, яркая зелень сосен. После посадки убедился, что красота не только сверху: пешеходные дорожки чистенькие, жёлтые, аллеи сосен вдоль дорог. Поразила тишина, красота и дурманящий запах сосновой смолы, каких-то трав, тот воздух хотелось вдыхать полной грудью. Оказалось, что климат здесь исключительный, воздух сухой, а отроги гор Учурского хребта не пропускают к посёлку сильные ветра.

Основан посёлок в 1932-1934 гг. как речной порт. Тогда только по реке возможно было сообщение от города Якутска до города Алдана. В то время – начало золотодобычи в Алданском районе, а посёлок Чагда – как перевалочная база.

Посёлок строился быстро, население увеличилось до такого количества, что потребовались

школы. Их было две. Магазины, больница, Дом культуры на 200 мест, Райком партии, милиция и т. д. Посёлок получил статус районного центра. Аэропорт Учур появился позже, во время войны, когда появилась необходимость перегонки английских и американских самолётов из Аляски через Якутию на запад, то есть, когда открыли второй фронт.

Для этой цели силами заключённых по маршруту следования были возведены более двадцати зданий аэровокзалов, совершенно одинаковых, построенных по американскому проекту и, в прямом смысле, на костях людей. Основная цель: осуществление связи по маршруту, но связь была несовершенна, а необозримые расстояния Якутии и тяжёлые климатические условия зачастую приводили к тому, что самолёты не долетали до конечного пункта. И сколько их, молодых пилотов, погибло при этих полётах – история умалчивает, но для общей победы эти жертвы были необходимы. В дальнейшем аэропорт Учур пришёл на помощь посёлку Чагда для сообщения на Якутск, Алдан и Усть-Маю, а также в районы горного Учурского хребта, где велась основная добыча золота. Это посёлки: Улахан, Мар-Кюель, Нелькан, Курун-Урях и др.

После войны стране потребовалось много золота, цветных металлов, драгоценных камней, нужны были изыскания и геологическая разведка. В наш Алданский район были направлены десятки геологических партий из крупных экспедиций: 2-я Московская, 2-я аэрологическая и другие. Основные изыскания велись в Учурском районе. Требовалось увеличение самолётного и вертолётного парка. Полётов было очень много: от восхода до заката, а когда я приехал – диспетчер был один. Это Усенко Мирон Ульянович, бывший фронтовик, военный штурман, а подменял его на обед

начальник аэропорта Хохряков Тимофей Матвеевич, светлая им память. В шестидесятые и семидесятые годы были особенно интенсивные полёты. Шесть официальных стоянок для самолётов АН-2 и четыре стоянки для вертолётов, но зачастую этих стоянок не хватало. В здании три пилотские комнаты на двадцать пять-тридцать коек, и тоже не всегда хватало места для ночёвки пилотам.

В шестидесятые годы летали только днём, а в начале семидесятых задействовали ночной старт, стали выполнять рейсы круглосуточно и вскоре стали принимать новый скоростной самолёт Л-410.

Дополнительно хочу сказать о полётах «Лесавиа», по охране, патрулированию лесов и тушению пожаров. В посёлке постоянно дежурил и базировался транспорт «Лесавиа»: АН-2, МИ-4, МИ-8.

В жаркий период нескончаемые взлёты и посадки с полосы. Постоянно работал отряд АПК (Авиационно-пожарной команды) из местных ребят посёлка. Их спускали на ленте с вертолётов к месту лесных пожаров. Начальником АПК был Просвирин Георгий Георгиевич, бывший начальник связи аэропорта Учур. Одно время там работал и сын мой Женя. Руководили этими работами лётчики-наблюдатели (летнабы). Двое из них – Семёнов и Морозов – жили в посёлке постоянно. Ребят АПК тренировали: производили спуски с вышки, которую построили на территории аэропорта. И, конечно, нельзя не вспомнить полёты по выполнению санитарных заданий, в любое время при сложных метеоусловиях. Как в песне поётся: «только самолётом можно долететь». Полеты 350-400 км над горной местностью до аэропорта Чульман (г. Нерюнгри), аэропорта Алдан или Якутска.

Мои коллеги-диспетчера по работе в аэропорту в семидесятые-восемидесятые годы: Капитонов, Болдин, Алиевский, Зарукин. Все они были ответственные, грамотные специалисты. Я очень благодарен, что мне довелось работать с ними продолжительное время. Хочу особенно отметить Зарукина Валерия Константиновича, обладающего огромными организационными данными, который по просьбе командования Алданского объединённого отряда был назначен начальником аэропорта Учур. Он замечательно справлялся с обязанностями руководителя коллектива и часто подменял нас, диспетчеров, за пультом управления. В данное время он на пенсии, живёт в посёлке Чагда. Валера, счастья Вам семейного с Людмилой Яковлевной!

Просвирин Георгий Георгиевич также живёт в посёлке. У них обоих страстное увлечение: охотой и рыбалкой. Желаю Вам, дорогие, долгих интересных лет в Учуре и большой удачи во всём! Мне было радостно и приятно встретиться с Вами и увидеть, что задор у Вас остался прежний. Счастья Вам семейного и благополучия.

Также всего самого наилучшего желаю Галандину Владимиру, Карякину Валерию и их семьям. Особую благодарность и признательность приношу за встречу и тёплый приём в 2014г Максименко Любови Владимировне, моей куме и подруге моей покойной жены Людмилы Константиновны, с которой они много лет проработали в службе отдела перевозок аэропорта Учур, её мужу Сосунову Сергею Владимировичу, который поразил меня своими творческими музыкальными способностями и возможностями, как исполнитель песен под гитару. Он так виртуозно и так красиво владеет этим музыкальным инструментом!

Прошёл год, а я, кажется, и сейчас слышу его голос и игру на гитаре. Думаю: «Эх, вот бы этого барда – нам на программу наших концертов! Вот вчера провели концерт «Памяти Высоцкого». Ты бы у нас, Сергей, был на высоте». Вспоминали с женой, как вёз ты нас из посёлка с полной загрузкой на лодке вверх по Алдану, когда лодка с трудом выходила на редан, и пришла в Томмот ночью в полной темноте. В общем, спасибо большое за всё, здоровья, счастья и удачи!

Немного напишу о буднях и праздниках посёлка и аэропорта. Это всё практически едино, т. к. в коллективе аэропорта работали поселковые, все праздничные мероприятия проводились в поселковом клубе, где ставили концерты с большой программой. Наш коллектив художественной самодеятельности аэропорта Учур пользовался в посёлке большой популярностью. Зал был всегда полным, а дети сидели на полу.

Телевидение пришло к нам поздно, в конце семидесятых, поэтому народ шёл в клуб с большой охотой. А после торжеств в клубе мы в здании аэропорта, в одной из пилотских комнат, расставляли столы человек на шестьдесят – и начиналось дружное, шумное застолье с шутками и песнями под баян нашего первого музыкального руководителя и баяниста Левченко Виктора, а позже под аккордеон Коншу Александра. Всегда всё проходило весело и дружно. Спасибо Вам, дорогие, за творческую дружбу. Сколько мы с вами поставили концертов...

Случайно сохранилась одна программа. Концерты всегда были в двух отделениях. Первое отделение – какой-то спектакль или отрывок, а второе – эстрадное. Так вот, в этой программе вначале «Медведь» А. П. Чехова – это 40 минут, а второе

отделение двадцать номеров: это песни, интермедии, клоунады, танцы, музыкальное трио (баян, мандолина, балалайка) – это ещё на час с небольшим.

Хочется отметить активных участников самодеятельности аэропорта тех лет, но это больше половины коллектива, и все вы были активные и замечательные творческие люди. Благодарю вас всех. Некоторых уже нет, как нет моей дорогой Людочки, также активной участницы. Склоняю перед Вами голову. Очень благодарен за встречу в прошлом году со своей соседкой по дому, работником метеослужбы, активной участницей наших концертов, ведущей вокалисткой Панфиловой Валентиной Максимовной. Здоровья тебе, также детям и внукам, от нашей семьи всем огромный привет.

Благодарю Александра Яковлева (бывшего радиотехника аэропорта Учур), Светлану Яковлеву, начальника связи (почтамта) пос. Чагда за встречу и тёплый приём нас с сыном Женей. Они в данное время живут в Синегорье. Спасибо Вам, дорогие за всё, и за то, что устроили нам встречу с земляками, которых мы очень рады были видеть. Александра Иванова, работника гортопа, бывшего начальника аэропорта Учур, Елизавету Иванову (служба отдела перевозок аэропорта), Чупрова Валентина, Чупрову Галину, жителей пос. Чагда.

Ну, а в городе Алдане мы встретились с Друговым Александром (радиотехником аэропорта Учур) и Друговой Любовью (преподавателем школы в пос. Чагда). Всем Вам, мои дорогие, – здоровья, семейного счастья, благополучия, исполнения желаний!

Ещё хочу рассказать немного о работе. Как я уже написал вые, семидесятые-восемидесятые годы были очень продуктивными в работе аэропорта Учур.

Движение было такое, как говорят, «летают, как осы». Когда работает диспетчер, в одном лице отвечая за взлёт, посадку, переговоры с экипажем, ведение графика, передачу устной и письменной информации о движении аэропортам и центральной диспетчерской службе Якутска, не остаётся порой времени, чтобы покушать.

Приходилось брать из дома «тормозок» (запас еды на смену) или просить пилотов принести что-нибудь из столовой. Питались у нас пилоты в поселковой столовой. Еда там была питательная, калорийная, жалоб не было.

Наша служба медсанчасти и начальники аэропорта следили за питанием и отдыхом экипажей очень строго. Ну, а я опять о диспетчерах. О том, что при большой интенсивности полётов и сложных метеоусловиях по вине нашей службы движения за все мои годы работы не случилось ни одного чрезвычайного лётного происшествия, которое бы поставили в вину службе движения аэропорта Учур.

Хотя предпосылки к ЛП и даже лётные происшествия, которые запомнились, в нашем районе были. Некоторые из них закончились смертельным исходом. Это произошло в середине шестидесятых годов. Вертолёт МИ-4 взлетел из Учюра в наборе высоты в район Мар-Кюеля через горный хребет. Пролетел он 15 минут, передал «погода хорошая, продолжаю набор» и связь прервалась.

Через полчаса в тот район был направлен другой вертолёт, который передал, что попал в мощный снежный заряд и возвращается. Через час и к нам пришли снежные заряды. На следующий день возобновились поиски, которые вели и на самолётах и на вертолётах. Искали две недели, потом дополнительно

ещё какое-то время, а нашли через 10 лет, не там, где его искали, а намного ближе к нам.

Потом комиссия сделала заключение, что борт попал в заряд, дал ложную информацию, стал снижаться, искать «окно», потерял ориентировку и рухнул. Так что он оказался почти рядом с аэропортом. Вертолёт был разбросан на расстоянии 500 метров.

Ещё случай с бортом АН-2 в конце шестидесятых годов. Маршрут был тот же, в горах удаление 180 км от Учура. Экипаж передал, что набрал положенную высоту, пролетел 35-40 минут, и связь прервалась. Направили вертолёт и АН-2, те вернулись. Шли снежные заряды.

Пять дней из-за непогоды невозможно было вести поиск, там превышение почти 2000 метров, острые шпили почти с острыми углами, без всякой растительности, а был январь, морозы под минус пятьдесят градусов. Я полетел вместе с комиссией. Погода установилась, видимость отличная. Самолёт увидели строго по маршруту, он был как бы «прилеплен» к верхушке горы, не дотянув метров двадцать до верхушки. Каким-то чудом он не скатился вниз, непонятно. Склон такой, что устоять наверху невозможно, и страшной силы ветер. Ну, это уж потом анализ, а сначала у нас всех был шок, и на глаза навернулись слёзы.

Мы думали констатировать трагедию, ЧП с человеческими жертвами. Это было ещё далеко, но мы увидели на белом снегу две ползущие чёрные точки. Произвести посадку у самолёта мы не смогли из-за сильного ветра и острой вершины горы. Пилот посадил вертолёт метрах в 400 от самолёта, нас высадил и сказал, чтобы мы дошли до экипажа и помогли их спустить ниже метров на сто, где более пологое место.

Мы добирались минут тридцать по верхушке этого шпиля, рискуя скатиться, потом держась друг за друга, а нас было пятеро. Мы добрались до самолёта.

Командир лежал на снегу, а второй пилот был на ногах, но еле держался, лица у обоих обморожены. Минут двадцать мы транспортировали экипаж вниз. Вертолёт завис над нами, посадить невозможно. На весу, одно колесо на горе. Подсаживаем, порыв ветра – и вертолёт снова относит.

Долго мы грузили командира, второй пилот практически сам залез, мы только подсаживали. И снова – порыв, борт отнесло, ветер усилился. Командир показал нам, чтобы мы шли на площадку, где высадили нас, а он за нами прилетит. Опять полчаса добирались, а потом ещё почти час ждали. Все были в шубах и меховых ползунках, а продувало на морозе, как будто мы голые. Когда залезли в вертолёт, казалось, уже нет сил, терпеть этот холод. И у каждого вопрос: «А как же они пять суток на таком морозе?»

Оказывается, спас их неразрушенный фюзеляж и деревянная решётка для груза на полу, которую они рубили на мелкие кусочки и жгли маленький костёрчик внутри, чтобы разогреть банку с бортиком, а главное – они были защищены от ветра. Каков итог? Командиру ампутировали пальцы на одной ноге и, конечно, списали.

Второй пилот продолжал летать, наверное, молодой организм помог. Они сознались, что попали в заряд, но возвращаться не стали и увидели, что впереди очень близко вершина горы, отвернуть, уйти невозможно. Потянули рули на себя, но мощности не хватило – и самолёт врезался, но не носом, а, как говорят, «на брюхо». Вот это и спасло от полного разрушения.

И ещё хочу рассказать об одном страшном и диком случае, не у нас в районе, но вылетел самолёт Л-410 из Учуре в Алдан. В отделе перевозок проверили загрузку, всё соответствовало документам и наличию. Загрузка была полной – 17 пассажиров и груз согласно положенным нормативам. В аэропорту Алдан самолёт пошёл на посадку, и вдруг, как говорят в авиации, «посыпался на хвост», потерял равновесие и с большой высоты рухнул на полосу, разрушился. Экипаж и пассажиры погибли.

А причина оказалась банально простой. В Учуре, когда борт вырулил в конец полосы для взлёта, к самолёту на большой скорости подскочил грузовик и мужик забросил в открывшуюся дверь два огромных мешка картошки, что нарушило центровку – и вот результат на посадке. В этом самолёте погиб и наш работник аэропорта Максименко Володя, наш авиационный техник, муж Любы Максименко, то есть, мой кум. Царствие небесное тебе, Володя, дружили мы с тобой, рыбачили. Произошло это лётное происшествие в августе 1993 года.

Ну, достаточно о мрачном. Я опять про посёлок, о том, какой он оставил светлый след в моей душе. Я полюбил его сразу: эту природу, эти водные просторы, обилие этой природы, широкое разнообразие грибов, ягод. Я до работы утром пробегал вдоль взлётной полосы и набирал ведёрко ядрёных грибов (маслят или подосиновиков).

Иногда всей семьёй ходили там же, вдоль полосы, и собирали землянику, а после работы загружаем мотоцикл «Урал» и к лодке. Плывём или на рыбалку, или за ягодой, или за грибами. В конце весны и в начале лета по берегам красота: белым-бело черёмуха цветёт, а запах... Вы сами знаете, как она

пахнет, когда её много. И в посёлке черёмуха в каждом палисаднике. А ещё дополнительная красота – на берегах красное море цветов. Кажется, маки, но это не маки, а красные саранки, всё равно красиво – на зелёном ковре дикого лука, который любит есть медведь. Видят его на берегах в это время часто, особенно по реке Учур.

Берега рек обрывистые и высокие, на самом верху, где луга, травы, ландыши, земляника – сенокосные угодья. Раньше в посёлке держали много скота – коров, лошадей, готовили много сена, и коллектив аэропорта тоже принимал участие в сенокосе. Мы держали коня для подвозки питьевой воды, и для посёлка ещё было нужно заготовить стог тонны на три. Это проходило весело. А между делом плавали за ягодой: жимолость наверху по берегам, а внизу у воды гроздь дикого винограда. «Охта» – в переводе с якутского «дикий виноград». На вид похоже – синие гроздьи, на вкус уступает, напоминает чёрную смородину. Вино из него – от виноградного не отличишь. А на болотах моховка, тоже чёрными гроздьями на низких кустиках, а на вкус нежная, сладкая, как нектар. Иногда такая полянка сплошняком, падай на колени, если в болотных сапогах, и бери её горстями. А тут и морошка, недалеко, тоже болотце и берега низин любит. Её у нас было не очень много, но попадалась часто, как костянка, или правильно костяника по форме, красная и нежно сладкая.

И вот уже август, начало сентября, собираемся за брусникой на острова. Вот этой-то ягоды было тогда, как выражаются, «ступить некуда», набирали по несколько ведер совком, а потом пока плывёшь обратно на «Казанке» с мотором «Вихрь» 25-30 сил, на

скорости, сыплешь бруснику в ведро – все листья отлетают. Приезжали уже с чистой ягодой.

И куда мы только с моей Людмилой-Людочкой не плавали за ягодой. Вот вверх по Алдану на 30-м километре начинаются скалы. Мы забираемся на самый верх, очень высоко и круто, внизу всё такое маленькое. Лес небольшой, березняк, бывшая гарь, любимое место для смородины, вот тут настоящие плантации, набирали столько, сколько можно унести.

А вот уже совсем холодно, по утрам заморозки, мы плывём с Людой и собакой Блэком, который стоит на носу, по реке Учур вверх 15 км на озёра. Собака Блэк ещё небольшой щенок. Ходим, вдоль озера немного воды, без резиновых сапог нельзя, берём клюкву. Её в этом году много, красно-бордовая, с белыми бочками, красивая, ядрёная и крупная, величиной с ноготь большого пальца. Уже набрали прилично, когда случилось непредвиденное.

Блэк убежал далеко и несётся к нам стремглав, бросается под ноги к Людмиле, и я слышу её дикий крик – её укусили или ужалили сразу несколько ос, которые летели, гнались роем за собакой. Я успел ей крикнуть «не маши и нагнись», но было уже поздно. Рой пронёсся дальше, а мы были вынуждены срочно уезжать, так как сильно болели укусы. Всё обошлось, у Люды больших осложнений не было.

Ну, а Блэк на следующий год вырос уже в большого пса и ходил по болоту тихо, осмотрительно. Запомнил, значит, чем грозит разорение осиногo гнезда. Летом было «непробудно» – некогда, грибы начинались, одни за другими вырастали, сколько их всяких разных, не знаешь: за какими сегодня идти в лес за посёлок, или плыть на лодке? Вкратце, хочу перечислить их наличие: грузди белые (которые молоденькие – такие

мохнатенькие), грузди жёлтые, грузди чёрные, подосиновики, маслята, моховики, волнушки, белянки, рыжики и другие. С женой и дочерью Светой набирали полную лодку.

Спросите, зачем так много. Был интерес. Наша торговая организация «Райпо» принимала у населения грибы, ягоду и рыбу, и за это отоваривала нас дефицитными товарами, импортом. И «на зиму» нужно было заготовить себе и родителям жены.

Ко всему этому нужно было и порыбачить. На рыбалку я тоже азартный, и рыбы сколько разнообразной ловилось. Ловили мы тоже в большом количестве, как сейчас говорят, «на бартер»: отправляли её солёную, копчёную в аэропорт Алдан и нам присылали взамен, чего у нас нет или недостаточно: пиво, огурцы, сыр, колбасы и др.

Вот у меня иногда спрашивают: не скучал ли я на Севере? Были ли увлечения, хобби? Я отвечал утвердительно.

Первое хобби – это моя работа. Я всегда в порт шёл «как на праздник», мне очень нравилась наша служба, хотя иногда приходил домой едва живой от усталости.

Второе хобби – интерес с детства к сцене и театру, который я получил от мамы, участвовавшей в художественной самодеятельности, когда я был маленьким. Но помню, как они репетировали «Медведь» А. П. Чехова, и по прибытии в Учур я сразу с женой Людмилой и баянистом Виктором Левченко поставил этот спектакль, что имело большой успех в посёлке. Самодеятельности в посёлке практически не было. Я стал приглашать участвовать членов коллектива аэропорта. Через год-два был уже большой коллектив, с хором и театральной группой. Я режиссировал: ставил

спектакли, сценки, клоунады, сам играл роли и читал стихи. Мы ездили с концертами по Якутии в аэропорты и посёлки. Это моё хобби было для зимнего периода.

А третье хобби – для весенне-летнего периода. Это я уже перечислял: рыбалка и сбор ягод, грибов. Даже сам себе не могу ответить, что больше нравится из этого. Для меня это всё было очень интересно и азартно. Так что интересов было настолько много, что времени оставалось мало на другие хозяйственные дела. А ещё нужно было посадить огород, картошку обработать, выкопать, позже у нас появилась большая теплица, длиной 13 метров. Поливка требовала времени. Но я всё успевал. Я был радостен этой жизнью, поэтому в начале книги в стихах я часто говорю: я счастлив, что прожил такую жизнь.

Я достаточно много написал о нашем посёлке. Теперь о наших соседях – ближних к нам посёлках. Это якутский посёлок Кутана 70 км вниз по реке Алдан. В посёлке раньше было большое стадо коров, и сметана там была такая жёлтая и жирная, практически масло. На следующие сутки сливки становились такими густыми, как говорили, «хоть ножом режь». Мы заказывали туда с пилотами сливки трёхлитровыми банками. Также там выращивали огромные плантации картофеля и капусты. Следующий посёлок через 20 км от Кутаны – это Белькачи. Он известен тем, что там в те годы была центральная база старателей «Артель «Амур» Лопатюка Виктора Ивановича.

Вернусь к посёлку Кутана. Кроме того, что я перечислил, посёлок славился своими охотниками, оленеводами, которые в тайге, особенно зимой, одеты, конечно, в якутскую одежду, которая вся – от шапки до унтов на ногах – пошита из оленьей и сохатиной кожи. Женщины в посёлке, в основном, в шубах и пальто,

только на ногах оленьи унты, а на голове соболиные шапки. Наши, русские женщины, тоже практически все в унтах и соболях шапках, потому что это тепло, легко, и, конечно, красиво, когда унты ещё расшиты бисером. В пищу якуты употребляют много свежей сырой рыбы и мяса. Так называемая «строганина», мясо и рыбу строгают в мёрзлом виде, а сверху эту стружку посыпать солью и перчиком – «пальчики оближешь».

Это первая закуска, конечно, под водочку. А под вторую рюмочку, если салом медвежьим закусить, а оно нежно-розовое, такое нежное, как коснулось языка – тут же и растаяло. Ещё готовят женщины мороженое из жирной сметаны по их особому рецепту, тоже во рту – одно наслаждение. Там получается непроизвольно, мы что-то берём от них, а они у нас. Жили всегда в дружбе, никакой вражды не было, часто бывали друг у друга. Хочется рассказать несколько случаев про жителей посёлка. Я называю это «Учурский юмор».

Это было до меня, когда Чагда называлась районом. Некий дядя Гриша Селиванов, который жил и при мне ещё долго в посёлке, очень любил выпить, разговаривал на «о», т.е. «окал». Он пошёл в милицию, там ему пригрозили за пьянство. Вздвинченный, он дома выпил бутылку водки, взял ружьё, направил стволы в направлении милиции, и громко скомандовал себе: «По милиции огонь!» Канонада продолжалась несколько раз, под ту же громкую команду самому себе «По милиции огонь!» Всё обошлось, жертв не было, дело не возбуждали, но отобрали ружьё. Жители при встрече с ним шутливо спрашивали «По милиции огонь?» он отвечал охотно, с юмором: «Огонь, огонь...»

Ещё один интересный человек в посёлке, к теме «запоминающиеся моменты». Он появился в посёлке неизвестно откуда, с белоснежной бородой до пояса,

такой вроде бы неказистый, чуть ли не юродивый мужичок. Звали его Тимофей или Матвей, уже не помню.

Над ним подшучивали, при встрече кричали «не кусай зайца», он не обижался. Однажды в порту, на грузовом складе, это я уже работал в Учуре, в этот период ещё не было отдела перевозок, работала одна женщина – бухгалтер аэропорта Зарукина Екатерина Григорьевна, мама Зарукина Валерия. Она в одном лице исполняла обязанности в бухгалтерии и по оформлению грузовых документов. На складе ей было необходимо передвинуть или перенести метров на пять товарные грузовые весы с грузовой площадкой один метр на полтора метра, огромные и неподъёмные весы килограмм на 150 весом. Она попросила помочь двух молодых, крепких на вид, пилотов. Они тщетно старались справиться с этой работой. Мимо проходил, как его называли в посёлке, «белая борода». Екатерина Григорьевна попросила его помочь ребятам. Он сказал: «Отойдите, будем мешать друг другу». Наклонился, приподнял весы и перенёс, куда просили.

У пилотов был ступор и, как говорят, «отвисла челюсть» от изумления. О «белой бороде» несколько слов. Он шифровался и прикидывался таким. На самом деле был грамотным, умным и незаурядно сильным. А главное, это был профессиональный шулер, который обыгрывал старателей. Его много раз пытались убить, но, скорее всего, делал это он для поселковых. Он был безобидным, как и все ссыльные, которых много было в посёлке после войны.

Много есть чего вспомнить про жизнь в Учуре. Например, нашествие волчьей стаи, которая зимой спустилась с района Мар-Кюеля, Улахана, там были сильные снегопады, и добыть себе в пищу оленя по

глубокому снегу не было возможности. Огромные горные волки оккупировали посёлок, задрали много собак. Люди выходили из домов с оружием, в то время ружья были почти у каждого. А затем наши охотники объединились для уничтожения волков.

В их числе были и наши работники порта Просвирин Георгий (начальник узла связи), Зарукин Валерий (авиадиспетчер, впоследствии начальник аэропорта, заменивший бывшего начальника аэропорта Ершова Юрия Ивановича). С Юрием Ивановичем мы работали в шестидесятые и семидесятые годы. Сейчас Ершов Ю. И. живёт в Киеве. Юрий Иванович, мы все тебя помним, уважаем, так как ты тоже всех нас уважал, и ценил коллектив, был строгим, но справедливым. Я до сих пор помню рыбалку с тобой по горному Учур у реки Джанде. Незабываемые денёчки и впечатления.

Отвлёкся от волчьей стаи. Их отстреляли. Было, кажется, более десяти, и такие огромные, до невероятности. Часто бывали и другие «гости» – медведи, тоже приходилось держать оборону от них. Охотники были профессиональные, и нам, как в песне поётся, «не страшен серый волк».

Где ты теперь, Ваня, наш «курский соловей»? А Иван-то Шумский и свистеть не умел, а получил это прозвище потому, что родом из Курска и оттуда прилетел на Север работать. Короткая характеристика ему: командир самолёта АН-2, пилот, как говорят, «от Бога», внешность рыжий блондин, здоровый, молодой мужик с тонким, «елейным голоском», с длинными ресницами, которые он при разговоре опускал вниз, как стеснительная девушка. Но внешность бывает обманчива, он был таким, когда был трезвым. И у него была одна, но большая отрицательная черта – исключительная тяга к «питию». Но я что-то сразу

перешёл к недостаткам, и не сказал о всех достоинствах. Кроме лётной профессии, он был отличным мастером-закройщиком женской и мужской одежды. Вот в одном флаконе намешано столько всего.

Лётчик имеет право и возможность летать в месяц строго определённое санитарной нормой количество часов. Иван умудрялся как-то вылётывать эти часы до 20-го числа и мог десять дней быть свободным. Тогда Иван начинал отдыхать «от души». Он покупал 2-3 ящика водки, денег хватало, платили тогда на Севере хорошо, приглашал к себе гостей-якутов, и начиналась гулянка на несколько дней. А жил он у меня за стенкой: «в нашем доме поселился замечательный сосед...» Голос у него менялся до неузнаваемости с каждой рюмкой и становился как «Иерихонская труба». И эта труба извещала и трубила на весь посёлок: «Я всех... кто ниже меня ростом!!!» Но мы с ним всё же по-соседски ладили, когда он летал, такого себе не позволял. Я брал его с собой на рыбалку. Там было позволительно только одну бутылочку на двоих, после того, как поставим сети, перед сном. Однажды поплыли с ним ставить сети. Купил я бутылку, он потихоньку тоже купил, я нашёл у него, забрал, закрыл в бардачок под ключ. Сказал, что будет «табу» до того, пока не поставим сети и не придём в избушку на ночёвку. Плыть оставалось ещё пять километров, была осень, пробрасывало снежок. Он всё время нудил и просил, чтобы я ему налил рюмку, я отказывал. На лодке на скорости холодно, одеты мы были в меховые куртки и меховые ползунки. Заплыли в курью (заводь), чтобы поставить очередную сеть.

Иван встал на нос лодки «Казанки» и с криком «теперь ты всё равно нальёшь!» прыгнул в воду, пришлось помогать, вытаскивать его из ледяной воды,

срочно заводить мотор, наливать ему стакан водки, плыть в избушку, затапливать печь, раздевать его и наливать ему снова водки. А он даже запел, хоть и не обладал сольными данными, и между пением повторял: «Ещё одну для сну, ещё одну для сну!» И так до тех пор, пока действительно не уснул. Но утром, проспавшись, он работал «как вол», работоспособность и сила у него была страшная.

Были моменты, когда рыба не ловилась из-за погоды. Мы с ним ловили неводом. В каждую тонь, т. е. заводь или заброс, попадает одна-две рыбки, нужно бросать, собирать снасть и домой. Иван же не соглашается, просит продолжать и может один грести на вёслах до самого утра. Говорит: «Если 30 раз забросим, то будет 30 рыбок. А это уже полное ведро». Вот такой он был азартный и трудоспособный. Если бы не водка, которая уже без меня, но на моей лодке с Ваней сотворила пренеприятнейшую шутку, печальную историю.

Это было в августе, ход красной рыбы на Охотском побережье. Меня пригласил пилот Чудиновский Эдуард полететь с ним и бортмехаником Анатолием Пыхтеевым в Нелькан на два дня «неводнуть кеты или горбуши в речке на Охотском побережье». Предложение заманчивое, на такой рыбалке я ранее не был, согласился. А в этот день из Алдана прилетел ко мне свояк на рыбалку, не согласовав со мной. Что делать? Очень не хотелось доверять им лодку с мотором, зная «слабость» Ивана к «зелью». Но свояк Александр заверил, что всё будет хорошо, и Ваня бил себя в грудь тоже, обещал рыбалку «на сухую» или всего чуть-чуть, «с устатку». На том и порешили, ударив по рукам. Я полетел с Эдиком, а ребята должны были поплыть вечером на ночную

рыбалку, за тогунком. О своей рыбалке на Охотском побережье я написал в поэме «Челасин», где мы оказались из-за непогоды, ожидая вертолёт, «...который нас с Челасина возьмёт...» А когда нас привезли в Учур через десять дней, там меня ожидал сюрприз, страшный рассказ про рыбалку моего свояка Александра и соседа Вани Шумского.

А дело было так. С собой у них, конечно, было. И, наверное, немало. Из рассказа Александра: «Смеркалось, можно выплывать. Пока ожидали темноты, сидели у костра, «кушали» и не только, принимали понемногу «для аппетита». Стало совсем темно. Только тогда сказал Иван: «Ну, поехали». Сел за вёсла и поплыл в темноту. Я держал невод за верёвку на берегу и шёл по течению. И вдруг из темноты послышался истошный вопль Ивана: «Они идут из лесу, Сашка, убегай!» Сам он перерезал верёвку от невода и, не прекращая кричать, грёб вёслами, вылетел на берег, продолжал грести на сухом, повырывал уключины вёсел. Потом, наверно, его всё-таки «озарило», что на сухом, выскочил на берег, прибежал в дом к моему тестю, Константину Алексеевичу. Глаза навывкат от страха, смог только выговорить «Сашку убивают». Тесть позвал соседей, и на лодке все поплыли к месту рыбалки, на «пески». Уже начало светать. Когда подплыли к «пескам», там стоял Сашка, как часовой на посту, вытянув невод на берег. А у Ивана случилось «видение» по причине большого принятия «на грудь», а если проще – «белочка» посетила.

Вот такой у меня был «весёлый» сосед. Но в целом он был безобидный и кампанейский. Желаю тебе всего хорошего, Ваня! В мужской компании.

И вдруг я сам себе задаю вопрос: «А что это я всё про работу, рыбалку и мужиков?». Разве у нас

патриархат или мы вообще жили изолированно от женщин? Нет-нет, женщины вместе с нами, они вокруг нас и заполняют пустоту, ненужное пространство, которое называется «печаль», «хандра», неустроенность и неуверенность в себе. Женщины в посёлке Чагда и в аэропорту Учур, как амазонки в хорошем смысле этого слова.

Умеют всё, или вынуждены стремиться к этому из-за сложных климатических условий северной жизни. И они никогда не думали и не считали, что мужчина – это «существо» только для продолжения рода. Наоборот, они с удовольствием отдают мужчине право сильной стороны, незаметно своей любовью и уважением сглаживая острые углы порой нелёгкой повседневной жизненной рутины. Они, наши женщины, как «декабристки». Это может показаться пафосным, но я лично постоянно чувствовал это в нашей семье с дорогой и любимой женой Людочкой и с тёщей Полиной Назаровой. А также в семьях моих земляков, коллег по работе.

Женщины были постоянно готовы помогать нам, а порою направлять и вдохновлять своей уверенностью, надёжностью и любовью. А в нашем коллективе, в аэропорту Учур, среди женщин не было склок, все старались дружить, и своей дружбой создавали благоприятный климат общения, как внутри коллектива, так и в посёлке в целом. Как отзывчиво вы, мои дорогие женщины нашего очень дружного коллектива, отзывались на предложения отстаивать честь нашего коллектива.

Если бы не было этой дружбы, разве могли бы мы создать такой замечательный хор, прекрасную вокальную группу и, в целом, разносторонний коллектив художественной самодеятельности,

пользовавшийся популярностью и любовью зрителей? Разве это не ваша первостепенная заслуга, заслуга женщин, ставших примером для мужчин? Я благодарен вам!

А если вспомнить, как мы дружно отдыхали или на территории аэропорта, или на природе, какие столы накрывали, какие скатерти-самобранки были у каждой из вас... Вы успевали всё: вести семейное хозяйство, воспитывать детей, помогать нам, мужчинам, на реке, даже на рыбалке. Девочки не гнушались помогать отцам, там, где не было мальчиков в семье. Дорогие наши женщины, мы благодарны вам за всё! За то, что вы были всегда с нами, за вас, дорогие наши женщины посёлка Чагда и аэропорта Учур! Позвольте поднять бокал за ваше здоровье, долгих лет интересной жизни и семейного счастья тем, кто живёт в посёлке!

Светлая память женщинам, которых нет среди нас, которые покинули этот мир, но мы помним о вас всегда. Как говорится: «Царствия вам небесного». И пусть хорошие примеры старшего поколения женщин воспитают из наших подрастающих девочек замечательных, добрых и отзывчивых женщин. Я обращаюсь и к мужчинам, и к женщинам: «Жизнь продолжается. Будем жить в согласии, любви, взаимопонимании и взаимоуважении. Только это может быть ключом к счастью!»

Сергей Бойченко

Эхо смутного времени

Я почему не боялся идти при необходимости вразрез с мнениями сильных мира сего: как высоких чиновников, так и тех, кто рангом поменьше, – за моей спиной был закон. Жить по закону для меня – превыше всего. Впитал с молоком матери, так был воспитан родителями: человек должен жить по закону. И точка. И когда мне, так или иначе – намеком ли, исподволь, вскользь или напрямую рекомендовали закрыть глаза на то или иное нарушение – во мне всё восставало. Помните, в известном фильме Жеглов сказал: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Вот этот принцип я в своей работе и исповедовал. И дело касалось не только уголовных преступлений, это касалось любых поползновений против личности, против моральных принципов, против государственного права. Как небольшой пример, могу привести события, уже немного тронутые мхом. Хотя у многих они сохранились в памяти.

Август 1991-го, смута, в стране разброд и шатание, а тут по телевизору народная любовь: балет «Лебединое озеро». И пока балерины ножками свои «па» выделывают, пока все ошарашенно думают, что последует за действиями ГКЧП, в антрактах балета, показываемого на экране, ярые сторонники демократических перемен открыто заявляют свои права на, скажу так, право на всё. Утром раскрываю газету «Зейские огни», а там постановление ГКЧП, что власть переходит в руки этого Комитета, и что нужно подчиняться только его Указам. А ниже, на этой же странице, Указ Президента Ельцина, что самая высшая власть в стране – это он, и что органы прокуратуры

должны привлекать к уголовной ответственности всех, кто будет прямо или косвенно выполнять указы ГКЧП, и все, кто не соблюдает Указов Президента, подлежат уголовному преследованию! Понятно, что значит «косвенно» – значит, за мысли надо привлекать?!

Звоню в редакцию, разговариваю с ответственным секретарем. Нигде же этих документов нет, а тут вдруг в Амурской области, в небольшой газете «Зейские огни» такая категоричная информация. Мне интересно, почему редактор газеты, а она в то время была и членом бюро горкома КПСС, и депутатом городского Совета народных депутатов, и членом комитета по гласности, и членом т. н. Малого Совета, в общем, почему она очень активна была. И, прямо скажу, кровь многим тогда попортила. Ярлыков всем успела повешать. Спрашиваю у того, с кем разговаривал, не как прокурор, а просто, как читатель, мол, откуда тексты, можно ли им доверять, по какому каналу пришли – ведь, согласитесь, такие вещи должны быть строго документированы, прийти только курьерской почтой по правительственным каналам. Ответсек толком ничего ответить не может, лепечет что-то насчёт того, что тексты пришли по факсу от Альберта Кривченко. Тот в ту пору был народным депутатом РСФСР, ярым сторонником демократических преобразований.

А мне в это время в прокуратуру из разных мест звонят – сами же понимаете, началась самая натуральная анархия! Люди в полнейшей дезориентации: кого слушать, кому верить, чьи указания воспринимать. Попутно отмечу, что к так называемым демократам в мгновение ока прилипли всякие сутяжники, любители половить рыбку в мутной воде и прочая нечисть. В общем, кто во что горазд, кто за

Ленина, кто за Ельцина, как говорится. Я всем коротко отвечаю: поступайте строго по закону. А кто будет нарушать законы, которые никто не отменял – буду привлекать к ответственности.

Звонит мне Первый секретарь горкома КПСС Бондарь и говорит:

– Сергей Максимович, меня и председателя горисполкома Ярославцева арестовали.

– Как арестовали? Почему?

– Не знаем. Вот у дверей сидит автоматчик, не выпускает.

Я – в горком. Взял табельное оружие, время-то тревожное. Вижу – точно, у дверей кабинета Первого секретаря горкома сидит милиционер, в руках короткоствольный автомат, всё как в плохом фильме. Говорю ему, мне нужно встретиться с секретарем горкома. Отвечает, что не положено, у него приказ.

– Чей приказ? – спрашиваю.

– Начальника отдела милиции.

Показываю ему удостоверение, разъясняю, что я прокурор города и не подчиняюсь приказам начальника горотдела милиции, зато со своей стороны, имею право привлечь и самого начальника, и его, временного охранника, к ответственности за препятствие в работе прокуратуры и за незаконное лишение свободы граждан страны. За что, между прочим, грозит приличный срок. Поставил его, таким образом, перед выбором: правильное решение вопроса или несвобода. Благо, молоденький милиционер оказался вполне разумным.

Это был первый мой шаг. Он потом мне аукнулся. Я объяснил «арестантам», что для их задержания ни у кого нет никаких оснований, кроме, на ту пору, туманного (и, заметьте, не подтвержденного) Указа Ельцина. А дальше приезжает ко мне редактор

газеты «Зейские огни» с просьбой привлечь к ответственности директора завода «Автозапчасть» Лёвкина. А тот только перенес инсульт, – отлежался в больнице, немного восстановился – и снова с головой в работу, хоть и здоровье – чего уж душой кривить – плохое. Понимая это, болея душой и телом за производство, он готовил себе в преемники молодого специалиста, вполне толкового парня, который и внешне выглядел вполне прилично.

И вот этот перспективный хлопчик накатал нашему активисту-демократу на своего благодетеля «телегу», где говорилось, что Лёвкин поддержал ГКЧП, что издал приказ, запрещающий ответственным работникам уходить в отпуск. В принципе, это было правильное решение руководителя: только железная дисциплина и порядок могли тогда, в смутное время, удержать крупное предприятие на плаву. Но разгул так называемой демократии начался! Любые решения подвергались сомнениям и оспариваниям, особенно, теми, кто работать и не хотел!

Поехал я к Лёвкину, а он ногу подволакивает, видно, нездоровится мужику, но бодрится, молодец. Я ему:

– Владимир Николаевич, ничего против тебя не имею, только помочь хочу. Приказ издавали?

– Издавал.

– Кто видел?

– Секретарь, она печатала.

– А еще кто?

Он называет своего преемника. Я ему показываю бумагу, мол, смотрите, читайте! Он за голову схватился: вот кого пригрел на груди! Спрашивает:

– Что делать?

– Вызывайте секретаря, – говорю. – Вы доверяете ей?

– Доверяю.

Пригласил он ее, обсудили они все вопросы, порвали копии приказа, который еще не был вывешен на доске приказов, и который по существу никто еще не видел и не читал, внесли исправления в Книгу приказов. В общем, подчистили абсолютно все, комар носу не подточит!

Наверное, сегодня это выглядит смешно, но в то время начинался чуть ли не 37-й год! Все друг за другом следили, подглядывали, любое неосторожное слово, действие могли повлечь за собой ужасающие последствия! Страна рушилась, до личностей ли было! После всего этого я написал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – ведь ничего не было. Вот сейчас можете рассказать редактору газеты – она и поныне здравствует – как я нарушил Указ самого Ельцина!

Но если по совести... Вы же понимаете, если б я слепо выполнял непродуманные приказы и указы, я просто убил бы того человека! Достойного человека! Или вот еще один эпизод из того смутного времени. Вахтер райкома партии написал на имя того самого редактора (повторяю, она в одночасье стала чуть ли не самым главным демократом) донос, где указал, что во дворе райкома партии работники аппарата уничтожают какие-то документы. То есть, на своих же и «настучал»! Гадко, согласитесь. И ведь написал-то так, будто в жандармском управлении филером подрабатывал: «Сим доношу...» Каково, а? Вот такое мерзкое «симдоносительство»!

Приезжаю туда, вижу, точно жгут, но ничего особенного, ни от кого не прячась, простой мусор

выкидывают, зная, что из здания им уходить. И вот заседание Малого Совета. И редактор газеты, член и председатель самых разных демократических образований – комитетов, подкомитетов и прочих комиссий – на коне, ярко и образно выступает, раздаёт «всем сестрам по серьгам», обрушивается на всех, кто, по ее мнению, не исполняет Указов Ельцина. В том числе и на меня – оказывается, самого ярого саботажника, не исполнителя воли Президента! Не могу молчать, попросил слово и рубанул сплеча, открытым текстом спросил, что это она ведет себя, как политическая проститутка? Прямо так – дословно. Это зафиксировано в протоколах.

– Как это? – удивленно поднимает она бровь.

–А вы опубликовали это постановление исподтишка. Где-то нашли подпольное послание Кривченко, опубликовали, а сами не высказали своей гражданской позиции, получается, при случае, с вас взятки гладки! При любом исходе дела – вы ни в чем не повинны, белые ли придут, красные ли...

И надо сказать, моё выступление было поддержано в основном всеми членами Малого Совета, поскольку оно полностью соответствовало требованиям и закона, и отвечало нормам человеческой морали, во всяком случае, еще тогда существовавшим. Так вот, мои действия, повторяюсь, мне аукнулись: демократы тут же написали на меня жалобы сразу в несколько адресов. В первую очередь – самому Президенту страны и в Генеральную прокуратуру.

Борису-то Николаевичу вряд ли удалось прочесть свидетельства моей подрывной деятельности, а в Генеральной прокуратуре привыкли к жалобам относиться внимательно. Возможно, и не ко всем. Но на ту, что касалась «антидемократической» деятельности,

сам Бог велел отреагировать в самом быстром темпе! И вот к нам приехали проверяющие, в числе которых представитель Президента в Амурской области Захаров, и целую неделю выверяли, изучали, анализировали (написал бы «шмонали», да уж слишком грубо звучит, хотя по сути – именно так, нашу прокуратуру); проверяли законность принимаемых решений, действия сотрудников, их высказывания, мою позицию по разным вопросам, высказанную на тех или иных собраниях, читали протоколы, смотрели массу документов, работали с новоявленной демократической общественностью, которая нежданно-негаданно появилась в Свободном. «Ковыряли», где только можно и что только можно, вывернули всю прокуратуру наизнанку, как консервную банку. Выясняли, как вел себя на заседаниях Малого Совета, какие цели и задачи ставил сотрудникам милиции на совещаниях. А я, понятно, говорил только о соблюдении законности, настраивал на то, чтобы оперативная обстановка в городе была на высоте. Кстати, многие мои слова были истолкованы против меня, и некоторые милицейские товарищи присоединились к подписантам жалоб на прокурора.

Они думали, что это мой конец и смело поставили свои подписи. По окончании проверки меня пригласил руководитель бригады проверяющих Захаров, показал этот пасквиль, иначе и не назовешь. Что могу сказать? Неприятно читать такие письма. Неприятно и больно во многом потому, что увидел фамилии тех, кому доверял, с кем смог, как мне казалось, наладить нормальные рабочие отношения, на кого, как я полагал, можно было надеяться. А оказалось, что рядом были люди, готовые подставить подножку. И самое-то противное, что я ни в чем предосудительном

не был замешан. Ну, был бы в моральном плане отщепенцем, нарушал бы законность и, если б эти люди отстаивали правду, – тогда можно было б их понять. Но Бог им судья.

Показали мне и справку о проверке. Вывод был сделан такой. Прокуратура в исследуемый период действовала в соответствии с Положением о прокурорском надзоре, с полным соблюдением законов Российской Федерации, прокурор действовал в рамках своих полномочий, нарушений конституционных прав граждан ни со стороны работников, ни со стороны прокурора не выявлено. На территории города не произошло ни одного преступления и ни одного административного правонарушения.

И в самом конце документа – пометка, что я заслуживаю поощрения. Так что, когда писал, что мне мои действия аукнулись, вкладывал вполне позитивный смысл: через некоторое время, так совпало – к дню рождения был представлен к внеочередному званию, получил чин старшего советника юстиции.

Конечно, это не было связано только с событиями того памятного августа 1991 года, скорее всего были учтены все мои заслуги в комплексе: и строительство нового здания прокуратуры в г. Свободном, и оперативная обстановка в городе, и моя профессиональная компетенция, и принципиальная позиция по многим вопросам.

Так закончилась история моего противостояния ГКЧП и новым демократам. Часть из них потом отметилась во власти, по некоторым потом пришлось вести уголовные дела – но это уже другая, совсем не демократическая история...

Часть 3 Художественная проза

Татьяна Эхо

19 августа 1991 года

Знойный августовский вечер. Мерцают в окне оранжевые лучи заходящего солнца. Ната с мамой застыли у радиоприёмника.

Тревожно, по-военному звучит голос: «Товарищи!» Боже, как давно не слышали этого родного слова. Обращение «господа» – просто насмешка.

Затаив дыхание, прослушали сообщение от ГКЧП. Оно прозвучало, как гром среди ясного неба: наши в эфире! Горбачёв арестован!

– Мама! Скорее к тёте Вере! У неё телевизор работает!

– Вот и настало время бороться, – медленно произнесла Алина Ивановна, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

Глаза Наты стали грустными.

– Как бы хотелось помочь им, но это невозможно... Пойми, они же, как декабристы, не смогут без поддержки народа. Они выступили одни. У Ленина революция была продуманна, организована. И всё же, идём!

Солнце зашло, на небе появились первые звёздочки. Калитка отперта, ну, вот и порог. Тётя Вера с подругой сидят у телевизора.

Когда-то они работали вместе в школе, но приехала Галина в Благовещенск «челночницей». Ната с мамой сели рядом.

Вот они, пятеро, бросившие вызов. Звучат правдивые, мужественные слова о том страшном, что

произошло за последние годы. Впервые с экрана вещи названы своими именами. Понимают ли эти люди, что обречены? Конечно!

И всё же твёрдо говорят своё последнее слово. Победить сейчас невозможно, но останется искра в сердцах людей, пусть небольшая... Да... Много времени пройдёт, пока люди поймут, осознают. Но когда-нибудь всё равно это пламя вспыхнет в их душах...

Истошно орёт спекулянтка Галина: «Конец! Всему конец! Была демократия, а теперь ужас, гражданская война! Мы так ждали приватизации!» Её слова подтверждала груда баулов в сенях.

Тётя Вера стояла белая, как мел. Руки её тряслись...

Домой, на воздух! Вот и родной садик...

– Как они мечутся! Как крысы! Да ничего ведь не будет! – голос мамы дрогнул.

– Жаль! Сейчас не так, как тогда. Не мы, а они завладели душами. Помнишь, что сказал Лахновский в «Вечном зове»? «Мы разовьём в людях звериную жадность».

Через несколько дней Ната сидела на крыльце и пыталась учить билеты к экзаменам. Нет, ничего не лезет в голову! Она вынесла тазик с картошкой. Надо же было что-то делать. Слезы капали в чашку, в кастрюлю, в очистки. Ну, ведь всё было заранее известно. Почему же ты плачешь?

Мама вышла в сени на звуки тихой песни. Сердце её встрепенулось. Ната пела: «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Тамара Коваль

Кукушечка-кукушечка

Сельские парни дожидались схода. Они хоронились от взрослых, раскуривая самокрутку на четверых.

Володька, самый старший среди ребят, расспрашивал, видимо не в первый раз Фильку Чередниченко:

– Так ты говоришь, когда самолет сбили над нашим селом, ты в хате был?

– Ну да...

– А как же ты, дурья башка, видел, как он на березе повис?

– Так маманька сказывала...

– Другое дело. А чё об этом только сейчас стало известно?

– Так маманька пугалась, думала, что немцы как бы ни воротились...

– Да, это так. Ну а дальше что?

– Маманька в поле была, увидела летчика, подбегла к нему, сняла...

– Да что я с тебя слова клещами тяну? Дальше.

– А потом к нашему дому на мотоциклете немцы с ихней бабой подъехали...

– Ну!..

– А мамка успела на клочке бумаги карандашом написать слово «тиф» и приколола на двери.

– А немцы?

– А мамка постригла меня наголо и показала им меня в окно. Они и уехали...

– Повезло вам, живого летчика спасли. Хорошо, что дом у самого леса стоит.

– Ага, повезло, только мы все тряслись...

– Айда, робя, сход начинается.

На сельской сходке собралось все село: и стар, и млад.

Слово держал председатель колхоза «Чапаев» Кондрат Анисимович. Хромая, он подошел к трибуне и стал держать речь:

– Сельчане! Земляки! Совсем недавно вернулись наши хлопцы с войны, а многие навсегда полегли на поле боя. Я без руки воротился. Но жизнь надо налаживать. Я нонече был в районе, дают нам зерно для посадки и трохи семенного картофеля. Срока поджимают, сеять надо, заканчивается месяц май. Что еще хочу сказать? А вернее поклониться и солдатам, и нашим бабам. Вместо лошадей впрягались и пахали. Вся тяжелая работа, почитай, на них была. Да на робятах, что детство так и не увидали. Год пожить под немцами – страшное дело. Вытерпели, дождались освобождения. Тебе, Аграфена, письмо передали из центра. Догадалась? Что ты заревела? Вот бабы – глупый народ. Нет, не от твоего Петра, жди, скоро он возвернется, на Японскую послали. Супостата надо прикончить окончательно, чтоб неповадно было. Письмо от летчика, что ты спасла от немцев. Не серчай, что письмо вскрыто, так положено. На, почитай-ка нам, небось, секретов нет.

Письмо стал читать старший сын Аграфены Филька:

«Дорогая Аграфена Пантелеймоновна! Сообщаю, что дошел до Берлина. Жив и здоров. Если бы вы тогда не спрятали меня от карателей, не стал бы я героем. Низко кланяюсь, шлю горячий привет всем вашим

домашним. Буду в ваших краях, обязательно ждите с подарочками. Ваш Николай Сковородин».

Когда все уgomонились, Кондрат Анисимович продолжил свою речь:

– Еще отдельно хочу вручить всем женщинам отрезы из ситца. Платья себе, детям сошьете. Заслужили. А теперь собирайте в кулак всю силушку, да на поля. После заvтрева все на посевную.

Взрослые поспешили к себе по хатам, а ватага ребят и девчат устремилась за околицу.

Впереди шел Володька с трехрядкой, поправляя чуб и хитро поглядывая на Валентину.

Вот-вот солнышко скроется за сопочкой.

И тут начала куковать кукушка, да так громко, без остановки. Все стали загадывать желания. Нюрка первая испросила желание:

– Кукушечка-кукушка, скажи, выучусь я на агронома?

Кукушка прокуковала несколько раз и замолчала. Вовка подмигнул Валухе:

– А ты, соседка, кем хочешь стать?

Валька застеснялась и тихо ответила:

– Мамой...

Все засмеялись. Володька прикрикнул:

– Чё ржете? Дело она говорит. Женщина должна детей рожать и мужа ждать...

– Рассуждаешь, как взрослый, – засмеялась Нюрка.

– А я и есть взрослый. Меня председатель на завтра определил помощником бригадира.

Филька набрал воздух в легкие и крикнул:

– Кукушечка-кукушка! Подтверди, что я стану летчиком!

Кукушка молчала.

Загадал желание Володька:

– Кукушечка-кукушка, а я стану трактористом, как мой батя?

Кукушка запнулась и замолчала. Володька не унимался:

– Кукушечка, а сколько мне жить годков осталось?

Кукушка больше не подавала голоса. Видимо, улетела подальше в лес.

Володька не унывал, поднял с земли трехрядку и заиграл, да так ловко, складно, что девчата постарше в пляс пустились.

Володька подмигнул Вальке:

– Валюха, выучусь на тракториста, замуж за меня пойдешь?

Валька вся зарделась, смахнула набежавшую слезу и пустилась бежать.

Конечно, ей нравился веселый разудалый парень Володька.

Ну, почему он смотрит на нее таким взрослым мужским взглядом?

Валюха, запыхавшись, вбежала в летнюю кухню.

Там за самоваром сидела мать, старшая сестра Груня и тетка Евфросинья, мать Володьки.

Фрося отставила в сторону чашку с чаем:

– Вот и невестушка наша явилась, не запыхалась. О тебе, Валюша, толкуем. Люба ты моему Володьке, ему уже осьмнадцатый пошел, тебе исполнилось шестнадцать. Чем тебе Володька не пара?

Мать Валюхи отвечала:

– Да может, оно и так, да ишшо сильно молодые, погодить треба малехонько, там глядишь, уму-разуму наберутся, и свадебку справим.

И перевела разговор в другое русло:

– Не слыхали, как в соседнем селе одна дряхлая бабка впервые увидела лампочку. Плотник зажег свет, а бабке показалось, что в доме пожар занялся, ухватила куфайку, да давай ею махать: «Потуши», говорит, «етот свет». Смех, да и только, привыкла навертывать вату на спичку и вставлять в медную трубку с маслом. Ты, Фрося, у четверик пойдешь на базар?

– А ты?

– Я пойду, на яйца надо куплять соль, и масло закончилось...

Тетка Евфросинья ушла, и Валюха услышала, как в соседней комнате рыдает ее старшая сестра Груня. Мать ее утешала:

– Ну, будя, будя, чай, не маленькая. Думаешь, не поняла я, о чем плачешь? Смекнула уж, тебе приглянулся Володька, да только твой поезд уехал, когда увез на войну твоего жениха Пимена. Светлая ему память!

– Так что, мне всю жисть в вековушках проходить? Пришла сватать Вальку, а она еще мелюзга. Кто обо мне подумает? Я счастья хочу, ребеночка родить...

На следующее утро мать Валентины вместе с Груней ушли на раннюю дойку. Валюха в доме к обеду прибралась, сварила щи из лебеды.

Из окна увидела, как мальчишки вместе с Володькой отправились за околицу. Без гармоника.

Страсть, как захотелось ей узнать, зачем они пошли.

Подхватив младшую сестренку, Валюшка, таясь, пошла за околицу.

Вдруг Володька обернулся, увидел ее, замахал рукой.

Только издали было непонятно, то ли зовет, то ли гонит.

Валюшка остановилась, сердце заколотилось в горле. Какое-то предчувствие сжало ее грудь.

И вдруг она услышала, как грянул взрыв, будто вновь вернулась война.

Взрыв был такой силы, что качнулось небо, деревья. Валька повалила сестренку наземь и закрыла ее своим телом.

Она не знала, сколько пролежала на земле. Очнулась, когда мимо нее с криками и плачем бежали женщины, мужики.

Валька рванула на то место, откуда ей совсем недавно махал рукой Володька.

Подбежала и увидела глубокую воронку, а в ней были разбросаны изуродованные взрывом тела парнишек.

Было не узнать, кто из них кто.

Нюрка догадалась, что с широко открытыми голубыми глазами лежал ее Володька, как будто спрашивал:

– Кукушечка-кукушка, сколько мне жить...

Галина Пысина
Дождь начала 60-х...

Шёл дождь, заливал лицо и капал за воротник. Он тоже шёл – вчерашний прокурор одного крупного города края и всеми уважаемый вчера человек. Его ценили и как профессионала, тонкого психолога, способного быстро и правильно разобраться в хитросплетениях чужих судеб, и как человека честного, хозяина своего слова. Что же случилось, в какой момент вдруг всё переменялось? Переменялись не только люди, коллеги по работе и его подчиненные – переменялась вся природа. Собаки и те, поджавши хвост, прячут от него глаза и делают вид, что не замечают.

Он был уверен, что поступил честно по отношению к себе, своим детям, к жене, наконец. Ведь так жить, двойной жизнью, он не мог. Как же так получилось, что коллеги, товарищи по работе не приняли его поступка, не поняли его жеста. Выходит, он сделал вызов обществу, морали?

Прокурор края предложил написать заявление на увольнение. Конечно, он мог бы встать в позу и просто отказаться это сделать – законных оснований, уволить его с должности, у прокурора края нет. Но спорить не стал. Да и какой смысл, какой смысл спорить. Всеобщее моральное осуждение – вот оно, «наказание моралью» в действии. Теория права. Что может быть хуже? Только бы там, у неё, у своей Настёны не сорваться, не начать себя жалеть.

Надо немедленно спрятать подальше боль свою душевную. Он прекрасно понимал, что его увольнение – это проверка её чувств к нему.

Если погналась за высоким положением, то сразу всё и проявится. Сегодня уже будет всё ясно. Он

нисколько не сомневался, что она его любит верной, красивой любовью, такой, от которой захватывает дух. Он представил её руки, шею, глаза – всё в ней было притягательным.

Предчувствие встречи с любимой сгладило неприятные ощущения всепоглощающего позора и морального отчуждения. Он завернул в цветочную лавку и приобрел для своей Крошки (так он называл её наедине) букетик фиалок. Он никогда не чувствовал запаха фиалок. Ничего не изменилось и сейчас: он поднес цветы к носу, уткнулся в букетик. Затем пожал плечами и успокоился. Не пахнет, да и не пахнет. Настёна встретила его с радостью:

– Ты на пять минут или побудешь подольше?

Он знал, что спрашивала она его так не случайно. Она планировала их очередную встречу, и ей надо было знать, каким временем располагать.

– Я – насовсем, – ответил он.

– Как насовсем? – изумленно спросила Настя, и в ее голосе не было ноток радости, так ожидаемых им.

Он даже почувствовал осуждение, то самое – всеобщее. У него пропало желание что-либо объяснить Насте. Одиночество и безысходность полностью овладели им.

– Да я так, пошутил, – ответил он быстро, автоматом – Не на пять – на две минуты!

Он опять шел по улице и не знал, что его ожидает впереди, и где его истина.

Юлия Вебер

Лёпс или во власти установок

Отрывки из романа

Глава 2

3

Город встретил Лёпса дождливой сыпью и мерзкой слякотью. Погода вполне подходила к неприветливым серым улицам с рассеянными кляксами тусклых огней. Мелкий холодный дождь противно частил каплями, выцвечивал яркие краски лета и опустошал душу.

В ближайший воскресный вечер Лёпс направился к Фомичу. Там было весело и оживленно. Стоял дикий гвалт. Через две недели во многих университетах намечалось посвящение в первокурсники, ребята предлагали свои версии. Лёпс сначала внимательно слушал всех, потом заметил в углу на диване молодую девушку, казалось, что ее совершенно не интересовало все происходящее вокруг. Она рассеянно листала какой-то толстый красочный журнал. Черное облегающее платье, бледное лицо, обрамленное черными, аккуратно подстриженными волосами, яркие красные губы и огромные темные глаза, обведенные черными резкими стрелками. Ее лицо показалось Лёпсу маской, то ли равнодушной, какой-то отстраненной, то ли грустной и задумчивой...

Он поинтересовался у Виталика:

– Это что за птичка?

– Это Анна, странная дамочка. Интересная, но фригидная, для нее компьютер – самый лучший собеседник. Так что, время зря на нее не трать. Пойдем на кухню и посмотрим лучше на ту куколку, что с Тимурием пришла. Ее Леночкой зовут.

Лёпс скользнул взглядом по хрупкой фигурке в черном облегающем свитерке и черных джинсах со множеством вертикальных замочков на талии. Типичная голубоглазая блондинка, только почему-то в черном. Он повернулся к Виталику и стал рассказывать очередной анекдот про блондинок, но Леночка никак не отреагировала на это, она продолжала о чем-то беседовать с Фомичом и Тимуром. Тогда Лёпс сел прямо на пол, оперся спиной на стену и стал внимательно слушать.

– Человек, который чувствует себя проклятым, разрушителен для всех окружающих. Опустошенность и безразличие к окружающим – вот что он чувствует. Ему чужды интересы общества, он заиклен на самом себе. Им движет страх, – Леночка перевела взгляд с Тимура на Фомича.

Тимур тут же стал развивать встречную мысль:

– Зачастую эта карма, один нагреб на себя и всех своих близких кучу дерьма и тащит всю жизнь. А другой слишком мнителен и начинает во всем искать знаки своего «проклятия». Подобное тянется к подобному, – естественно, что на него обрушивается целая лавина неприятностей. А он своей мнительностью только подпитывает свою убежденность.

Леночка покачала головой в знак несогласия:

– На самом деле это подарок, который больные душой родители передали своему ребенку по наследству. Благодаря маме с папой в раннем детстве несчастный ребенок приобрел внутреннюю уверенность, что он не в силах что-то изменить и все в его жизни зависит от какого-то нелепого стечения обстоятельств. А он – всего лишь пешка, живущая в страхе.

– Предопределенность тут только в том, – наконец, подал голос Фомич, – что человек сам для себя так решил. Сам выбрал этот путь самоуничтожения для себя и своих потомков, и ничего не хочет знать о других путях. Он уже ограничил себя и свой выбор. Главное, ему не мешать. Пусть идет своей дорогой. Ему суждено либо вытерпеть все до конца и выжить, либо претерпеть и погибнуть, потому что сам отвечает за свою жизнь.

Леночка удивленно вскинула брови, а Тимур помолчал и грустно добавил:

– Удобно, живешь Фомич. «Главное – не мешать»

– Просто живу, ничего не усложняя. Главное, не мешать человеку идти своей дорогой. Пусть сам делает выводы. Если умный, то будет учиться на чужих ошибках, а если дурак, то на своих.

Фомич испытующе посмотрел на Тимура, вздохнул и неторопливо добавил:

– Знаешь, Тимка, всё с человеком происходит только однажды и никогда больше не повторяется. Каждый хочет стать человеком, каждый стремится к себе, каждый пытается быть самым собой, только одни стремятся к этому осознанно, а другие бессознательно.

Фомич обвел печальным взглядом собравшуюся тусовку:

– И кто-то станет человеком, а кто-то так и останется непроявленным до момента своей смерти.

– Интересно, от чего это зависит? – тихо спросила Леночка, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тимур резким движением потянул волосы вверх и отрывисто сказал:

– «Человек думает, что сам творит свою жизнь, что им руководит собственная воля, а на деле сокровенные силы в нём заложенные, неудержимо ведут

его навстречу судьбе». Сдается, прав был все-таки Гете, что-то иное руководит нашими поступками, потому что я иной раз не понимаю, почему поступил так, а не этак, словно что-то внутри меня сработало, как пусковой механизм.

Фомич внимательно посмотрел на Леночку, на Тимура и, улыбнувшись, спокойно заметил:

– Каждый из нас несёт в себе наследие своих предков, того, что его род накопил за всю историю своего существования, несет что-то глубинное, инстинктивное, несет какое-то первобытное стремление к самому себе. Несет до самой своей смерти. Разница только в том, что одни это осознают и пытаются хоть как-то изменить происходящее с ними. А другие продолжают следовать запущенному предками механизму, пока ружье не выстрелит. Поэтому, живи, как хочешь. Но свой путь ты должна выбрать сама и ответственность за это взять на себя, а не перекладывать ее на своих потомков.

– В любом случае, человек должен делать выбор между добром и злом, – продолжала насаждать на Фомича Леночка. – Ведь, если он от хорошего к плохому идет, он сломается. Не разрушая себя можно идти только от плохого к хорошему.

– Для этого он должен точно знать, где добро, где зло. И что плохо и хорошо конкретно для него. И жить своей жизнью. А люди привыкли к ссылкам на авторитеты,

Фомич покусал губы, и, посмотрев в упор на Леночку, сказал:

– Быть в духовном рабстве легче. Когда тебе диктуют, указывают, ты не несешь ответственности за то, что делаешь. Ты только притворяешься, что послушен, свыкаешься с общественными нормами,

просто пытаешься ужитья в обществе, сначала закрываешь глаза на все плохое, грубое, губительное вокруг тебя, потом перестаешь замечать неправильное, изменять его и влиять на него, затем перестаешь действовать, потому что смиряешься. Постепенно теряешь себя, приспособливаясь к добру или злу.

– Интересно, Фомич, ты о чем-нибудь другом думать умеешь или мечтать, – влез в разговор Лёпс.

– И думать и мечтать умею. О разном, – пристально глядя на Лёпса, Фомич продолжал все так же размеренно, не торопясь. – И есть у меня, Лёпс, сокровенная мечта: прожить все то, о чем я рассуждаю. Ценно только то, что сам пережил. Почему бы не стать для самого себя подопытным кроликом? Учиться жить и создавать жизнь своими руками.

– А я думал, что ты хочешь быть образцом для подражания или стремишься стать божком в своей квартире, – продолжал подначивать Фомича Лёпс.

– Этот путь не для меня.

Немного подумав, Фомич добавил:

– Не хочу возвращаться назад к идеалам толпы, не хочу быть чьим-то божком или кумиром. Я мечтаю прожить свою жизнь целиком, без остатка, найти самого себя, не солгать себе, не пощадить себя, не пожалеть, не обидеться, не поверить, что мое знание обо мне и мире окончательно.

– Зачем тебе одиночество? – вдруг спросила Леночка. – Оно такое мучительное. Разве ты не хочешь, чтобы рядом с тобой был любящий тебя человек, были собственные дети?

Фомич ничего не ответил, молча, подошел к Леночке, и, поцеловав ее в лоб, вышел из комнаты. Споры Фомич любил не потому, что в них рождалась

истина, а потому, что верил в свое умение утвердить ему известную истину в умах собеседников.

— Один человек в мир приходит и в одиночестве умирает. Это только кажется, что он среди людей живет, но по сути своей он один, никто со стороны не может ему помочь. — почему-то медленно, не поднимая ни на кого глаз, произнес Тимур.

Разговаривать больше ни о чем не хотелось. Толпа в комнате постепенно рассосалась, осталась только Анна, продолжавшая в углу на диване в одиночестве листать свой журнал. Фомич попрощался. Тимур, Леночка, Лёпс и Анна вышли из подъезда.

4

Дождь прекратился. Ярko горели фонари, мокла в лужах опавшая листва. Печальная, нежная, зовущая в неизведанное, играла в чьих-то окнах музыка. Ребята решили пройти пешком до «Панорамы». Это было любимое кафе Тимура, уютное, тихое, с живой музыкой. Оно находилось на последнем этаже пятнадцатизэтажного дома. Тимур снова оживился, стал расспрашивать Леночку и Анну об их увлечениях, интересах, рассказывал о превратностях судьбы. Лёпс шел молча, поочередно рассматривая то Анну, то Леночку. Высокая, стройная, с умным и строгим лицом Анна одновременно пленяла и раздражала Лёпса. Холодная мимолетность взгляда неулыбчивой Анны втайне уязвила его. Лёпсу показалось, что в глубине своей души она его презирает. И он внутренне напрягся, чтобы защититься от нахлынувших на него детских воспоминаний. Лёпсу захотелось узнать ее поближе, доказать, что он не тот человек, на которого можно смотреть с пренебрежением и презрением. Леночка

тоже волновала его воображение. Лёпса завораживали ее фигура, походка, тихий мелодичный голос, необычайно мягкая проникновенная улыбка. Улыбающаяся Леночка казалась ему светящейся изнутри от собственной радости.

Лёпсу захотелось понять обеих: невозмутимо-строгую Анну и трепетную Леночку, проникнуть в их мысли, узнать, что их привлекает в жизни, чего они боятся, в чем тайна и слабость этих так внешне непохожих девушек.

В кафе он сел между Анной и Леночкой. Вежливая строгая холодность Анны не смутила Лёпса, он первым начал разговор. Ее темные зеленые настороженные глаза оценивающе-высокомерно скользнули по лицу Лёпса. Он хотел отстоять себя перед этим взглядом любым способом, любыми средствами. Пришли во множестве воспоминания. Одно время он играл в поселковой рок-группе со смешным названием «Оба-на». Лёпс любил гитару, но гитаристов было много, и его взяли ударником. Тогда он и подсел на тяжелый рок. И теперь он с увлечением рассказывал о Брендоне Ли, перечислял все достоинства и недостатки нашумевшего в свое время альбома Лакримозы «Инферно». Тимура перекосило от отвращения:

– Я один раз только у приятеля слышал. Такое ощущение, что все живое, насыщенное эмоциями, радостью и энергией им чуждо и неприятно. И они все хотят уничтожить. Психически здоровые люди такое слушать не могут.

– Зря ты так. Это просто показное презрение к миру, – снисходительно улыбнувшись, произнес Лёпс. – Когда плевать на смысл и все становится нипочем, жизнь делается наиболее осмысленной.

– О чем ты, Лёпс, вообще, говоришь? – возмущаясь, скороговоркой частила Леночка. – Их музыка – убийственна, разрушительна. А их пресловутое показное презрение к миру приводит к непоказному презрению человеческой жизни. Их фанаты идут на убийство. Разве это осмысленный поступок: сначала убить, а потом съесть свою маленькую сестру? Это какой-то современный изощренный каннибализм.

Лёпс удивленно приподнял брови, оказывается эта цыпочка и про такие события из их творчества знает.

– «И накормлю их плотью сыновей и плотью дочерей их, и будет каждый есть плоть своего ближнего, находясь в осаде и тесноте, когда стеснят их враги и ищущие души их», – с пафосом процитировал он: – Между прочим, Третья Книга Моисея. «Съесть печень своего убитого ребенка или любимой девушки, или в худшем случае врага».

От этой мысли Лёпс поморщился. К подобному поступку он еще был не готов. Но, тем не менее, мысль эта плохой ему давно не казалась, и он мог думать об этом без содрогания. Существует же в Китае ресторанчик под названием «какое-то там ребрышко», и ходят туда не только из праздного любопытства.

– Лёпс, ты с каждым разом меня все больше поражаешь, – сделал ему комплимент Тимур. – Внутри себя я ношу всё то, что значимо для меня.

Высокопарность собственных слов изумила его. А Леночку, Анну и Тимура, заставила посмотреть на него с интересом.

Слова сами срывались с его языка, теперь его мучила потребность высказаться, перевести свои ощущения на язык слов:

– Почти все люди живут в разладе с самим собой, в темноте, в отрыве от реальности и в непонимании того, для чего вообще они живут и чего хотят от жизни. Словно автоматы, бездумные, бездушные. Пустые человеческие оболочки. Страшно. А музыка «Лакримозы» дает ощущение того, что ты живешь совершенно иначе. Появляется чувство, что ты один в мире, что можешь сегодня или завтра умереть. И тогда из тебя лезет все то, что ты собой представляешь на самом деле. Как у парня, что сестру замочил. А до остального мира тебе совершенно нет никакого дела, потому что ты один. Ты чувствуешь себя. Это в тебе сейчас бушуют страх, радость, ярость, ненависть, гнев. И это чувство не просто живет. Оно пробуждается, оно растет в глубине разорванной души, и душа бушует, бунтует, требует выплеска адреналина. Убийство и агрессия никак не связаны с каким-то реальным объектом. Он случайно подвернулся под руку.

– Тебе бы в адвокаты податься, любого маньяка оправдаешь, – иронично заметила Леночка. – А как же мораль, как нормы этики? Ты ведь среди людей живешь, а не среди леса.

– Мораль разная бывает, – пришел на помощь Лёпсу Тимур. – Есть, которая от сердца идет, а есть, которая от ума. А еще есть идейная, ее-то общество и хочет сделать «совестью» своих граждан. Такой своеобразный путь к всеобщему раю, для всех вместе и каждого по отдельности. Посмотрите, что по телевизору насаждается.

– Обществу без морали нельзя, – снова заговорила Анна: – Мораль хранит его устои, служит его цельности. А «Лакримоза» – это бессовестная, бесстыжая, безнравственная, разрушительная мораль. Это просто смесь тупости, упрямства и

демонстративности в правоте первобытных моральных догм. Как мораль фашизма. Человеком движет страх. Страх жгучий, губительный. И он, испытывая ненависть к себе, преследуемый своими чувствами, готов уничтожить весь мир, взорвать его ядерными бомбами, чтобы все пропало, рассыпалось пеплом... И в первую очередь, чтоб закончились его мучения. Поэтому, Лёпс прав, объект случаен. Не подвернись объект, пострадает субъект. Но парадоксально то, что обществом подобное не осуждается. Потому что общество проповедует мораль, а не нравственность. Любить и сострадать, испытывать нежность, благоговение мало кто может в современном мире, потому что это не мораль, а нравственность. А нравственности в школе не учат, ей учат в семье.

Лёпса взволновали ее слова, он с любопытством посмотрел на Анну. Она сидела прямо. Ее лицо при ярком свете казалось спокойным и умным, настороженные зеленые глаза в упор смотрели на Тимура. Что-то Лёпса в ней манило, завораживало, притягивало, а что-то казалось неправильным, отталкивающим.

Он услышал мягкий голос Леночки:

– У меня в голове промелькнула такая картинка: эмоции в облике гаденышей пробивают яичную скорлупу. Они долго бились, чтобы ее взломать, ведь яйцо было душой, которую им надо разрушить, а разрушив ее, оглядываются: куда они поползут дальше, кого будут жалить и кого плодить и разрушать.

Анна с пониманием смотрела на нее, ее глаза заблестели:

– А мне больше всего нравится «Апокалиптика», особенно, контрабасное соло «Мастер кукол». Там ритм, жизнь, движение, борьба, смерть и

новое рождение. То чувствуешь себя первобытной дикаркой, убегаящей от стаи голодных волков, то языческой жрицей, повелевающей духами огня, то поселянкой, защищающей своих детей от захватчика-варвара, вокруг тебя горящие селенья и связанные скорбящие пленники. То вдруг оказываешься в средневековом английском замке с его серенадами, менестрелями, пажами и утонченными дамами. И тут же видишь себя в центре все сметающего на своем пути татаро-монгольского полчища. Вокруг лошадиные морды в пене, слышатся гортанные крики кочевников, и, кажется, что тебя, маленькую, беззащитную девочку, вот-вот затопчут бешено мчащиеся кони. То ты становишься на время ветром, а потом оказываешься в огромном кишашем людьми и машинами мегаполисе, где никому нет до тебя никакого дела.

Лёпс с интересом смотрел на Анну. В этой неприступной, гордой, холодной и какой-то самоуверенной, на первый взгляд, девушке, горели и желание, и страсть, бушевали эмоции. Детская, странно красивая улыбка, преобразила ее прежде равнодушное, похожее на маску, лицо.

Он вдруг поймал себя на мысли, интересно, как выглядит она, когда целуется и занимается сексом. Лёпс перехватил взгляд Леночки и посмотрел туда же, куда и она – вниз.

По обеим сторонам ярко освещенной улицы спешили люди. словно муравьи, они меняли свое направление, разбегались в разные стороны. Машины торопливо, чуть ли не цепляя друг друга за бока, скользили по переполненной трассе. Сверху из «Панорамы» казалось, что многоэтажка стоит. А вокруг нее медленно вращается город: улицы, дома, дороги, машины, люди. Даже казалось, что звездное небо тоже

вращается медленно над головой, вращается вокруг «Панорамы».

Неожиданно для себя Лёпс сказал задумчиво:

– Человек – это как бы точка пересечения во времени и пространстве разных явлений мира, разных мнений, разных людей. Такой уникальный и бесценный эксперимент природы. Каждый ищет свой путь. Каждый идет своей дорогой.

– Всё целесообразно и гармонично, – подхватила разговор Анна.

Но Леночка неожиданно возразила:

– Разве может гармония состоять в том, что сильные пожирают слабого? Как могут быть целесообразными войны, унижение, убийства, всякое насилие?

– Ты, прямо, как школьница рассуждаешь, – бросил беглый взгляд на Леночку Лёпс. – Обычные законы природы. В человеческом обществе, как и в животном мире, происходит естественный отбор. Выживает сильнейший.

– Чаще – подлейший, – заметил Тимур. – Просто, Леночка, в мире сейчас царит гармония низшего порядка. Она не такая совершенная и не такая прекрасная, какой была задумана первоначально. Всё испортило грехопадение человека. Если Бога нет в душе, то всё дозволено. Отсюда и вывод: каждый идет своим путем, и каждый ищет свой путь к себе.

– Только если пользы он приносит много, а сам при этом лучше не становится, то грош цена его жизни и его талантам, и ему самому, – ни на кого не глядя, словно обращаясь к самой себе, сказала Леночка.

Вскоре Леночка с Тимуром ушли. Лёпсу не хотелось уходить из кафе, он заранее знал, что ночь будет мучительно долгой, бессонной, безнадёжной. Он

боялся сегодня, как никогда, своего одиночества. К тому же его сильно волновала Анна. Слабый аромат ее волос, ее манера сидеть, ее движения, красивые плечи, длинные тонкие пальцы, вспыхивающие огоньки в ее настороженных глазах и тонкая пульсирующая жилка на ее нежной шее занимали его воображение.

Ранимая, впечатлительная, немного капризная Анна была старше Лёпса на пять лет, она окончила математический факультет, училась на программиста. Лёпс тоже хорошо знал компьютер. Он даже после школы поступил в педагогический на отделение информационных технологий, да вмешалась маменька.

Лёпс судорожно сглотнул, вспоминая момент зачисления на математический факультет. Почему он тогда послушал сестру и маменьку?

Воспитывавшийся маменькой и сестрой, Лёпс был убежден в своей талантливости и гениальности. В семь лет папенька на каратэ привел, да только скоро нос там Лёпсу расквасили. И маменька в секцию больше не пускала: «кровь у нас дорогая, нечего ее задаром другим показывать». Он и на гитаре играл, и стихи писал, и в баскетбольной команде лучшим нападающим был, пока лодыжку не сломал. В 13 лет первое место по шахматам в районе занял среди школьников. Ни один школьный вечер не обходился без Лёпса, ни один концерт. А когда в четырнадцать лет руку сломал, и она долго срасталась, маменька его к физику и пристроила. За год компьютер освоил, как свои пять пальцев, и все системы операционные и языки программирования.

Физик тогда сказал «Все! Можешь больше не ходить ко мне, все что знал – тебе показал и всему научил. В жизни тебе это все пригодится, вспомнишь еще не раз меня добрым словом».

Лёпс вспомнил себя в том возрасте и усмехнулся. Прав был физик, многого тогда Лёпс не понимал. Учил его физик, а Лёпс думал тогда «когда же я играть начну в компьютерные игры. Димон-то на своем «Денди» уже шестой уровень осваивает, а я какие-то окошечки да файлики туда-сюда переставляю, да разномастные рисунки в программах делаю». В десятом классе Лёпс сам программу по литературе написал. Из областного центра приезжали, предлагали на программиста в Москве учиться. Только маменька с Ежовикой возмущаться стали, доказывать всем, что он по природе своей гуманитарий. Какой из него программист, если у нас в роду все гуманитарии. И что это за профессия такая – программист. Ему, мол, не за компьютером с железными внутренностями сидеть надо, а с живыми людьми общаться. Разве без людей чего-то в жизни добьешься? Вон, Ежовика машиностроительный техникум закончила, а пять лет по специальности устроиться не могла. Хорошо хоть вакансии новые в школе открылись, и маменька ее в педагогический институт пристроила вовремя, и, пользуясь своим положением, ставку приличную и зарплату достойную для нее выбила. И Лёпсу тоже надо что-то достойное, пусть с людьми работает. Люди заметят его усердие, в начальники выдвинут. А лучше сразу после института в начальники идти. И зачем в Москву, когда в Башкирии институтов и родственников полно?

Лёпс подал документы сразу в два института, но маменька убедила всех, что филиал Московского института, да еще и профессия, связанная с международными отношениями – это круто, это значимо. И что они с папенькой могут позволить себе оплатить самое лучшее, самое престижное образование

для своего единственного сыночка – своей надежды и опоры...

Документы из педагогического ему пришлось забрать, хотя его уже там зачислили на бюджет. Лёпс думал про себя, рассказывал о себе. Слушал внимательно Анну, просто и уверенно глядя ей в лицо, вовремя улыбался, вовремя кивал, вовремя задавал вопросы, вовремя высказывал свои замечания. Он поймал себя на мысли, что Анна по сути своей такая же одинокая, как он. Так же как и он, она боится своего одиночества и ощущает себя чужой и в этом огромном городе. И также как и ему, Анне хочется казаться искушенной в жизни. И Анна казалась ему очень красивой. Лёпс растерянно взял ее за руку, поиграл с ее дрожащими пальцами. Вспомнил Виталика с его безапелляционным суждением о ней, и неожиданно для нее и для себя сказал:

– Поехали ко мне.

В такси он рывком прижал к себе Анну и обдал ее внезапным огнем поцелуев.

5

Утром, наливая Анне крепкий кофе в свою любимую кружку, Лёпс сказал:

– Ты – странная девушка, тебе действительно безразлично, что будет с нами?

– Хочешь, я расскажу тебе о своем сегодняшнем сне? – неторопливо помешивая ложечкой сахар, не поднимая на него глаз, сказала Анна.

Лёпс, кивнув головой, выжидающе уставился на нее. Она настороженно посмотрела ему в глаза и стала медленно читать свои стихи:

Во сне был звон...
Пространство разделилось на две части,
Две половины.
Или на два мира, или на двух меня?
Одна – все то, что можно назвать любовью,
Светом, радостью и счастьем.
Другая – тьма, тягучая и злобная,
Засасывала цветом, пустотой.
И в понимании моём казалась черною дырой,
Воронкой липкой и стремительной.
В ней, на дне – вся мерзость бытия.
А я – пылинка между двух миров,
Как между молотом и наковальней,
Не телом, а душой. Не разумом, а чувствами.
Душа в горниле между двух стихий металась,
В испуге судорожно сжалась в какой-то точке
В облике Вселенной
И чувствовала всю боль страданий и разлуки,
И нежность, и любовь, и оцепенелость скуки.
Ее пытались вобрать в себя и свет, и тьма,
То растворив в себе, объять, то поглотить.
Душа сопротивлялась:
уплотнялась, как скатный жемчуг
или растекаясь, дробилась, словно капля ртути,
И вновь слипалась, превращаясь в паутину
Или рыбачью сеть,
Чтоб пропустить пространство сквозь себя...
Но тьма и свет не смешивались меж собою...
Воронка чувств, сменяющих друг друга,
Мятый ворох забытых ощущений.
Где я? Что я? Кто я?
Два мира сжались, выплюнув меня.
И я проснулась...
И снова тайна Бытия...

Лёпс не знал, что и сказать, Он ожидал чего угодно, какого угодно ответа на свой вопрос, а вместо этого получил откровение. Сейчас его правда заключалась в том, что ему нравится Анна. И умом, и внешностью, и интеллигентностью, и, главное, тем, что одна-одинешенька она на свете, в роддоме брошенная, в детдоме воспитанная. «А характер, а характер, – улыбнулся он про себя, – и поменять ей можно, если вдруг не сойдемся». Но Анна через неделю уехала в Самару, там ждала ее работа. И Лёпс снова остался один.

Он в очередной раз изменил свой имидж, в его гардеробе появились черные рубашки, водолазки и футболки, он стал увлекаться теологией, мистикой, с упоением читал Шарля Бодлера, Гаутмана, Шопенгауера, Ницше, Гурджиева. Стал меньше ходить вечерами в кафе и пивнушки, сидел либо у Фомича, либо дома, читал книги и слушал музыку.

Ежедневно он получал по электронной почте длинные письма от Ани, перечитывал их по несколько раз. Анна делилась своими переживаниями, писала длинные стихи о том, что чувствует, рассказывала о своих снах. Лёпс завел записную книжку, куда записывал стихи Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Анины стихи и свои. Жизнь полна была ожиданий и надежд. Он начинал задумываться о смысле жизни, о своем месте в этой жизни, пытался определить свои способности, разобраться в себе.

Ольга Суслова

Встреча с тигром

Затяжные летние муссоны наконец-то прекратились, тяжёлые серые тучи, захватившие верхушки сопок, разбежались. Задышали и ожили вершины от сырого плена. Пришло благодатное время бабьего лета – самая прекрасная пора Приморья. Закружилась осень в пёстрых хороводах. Сентябрь, со свойственной ему щедростью, приодел природу в яркий наряд.

Все лиственные деревья запылали тепло-оранжевым окрасом, а вот пение птиц стало редким и почти не оглашало лес. Умеренное и ласковое солнце, греющее склоны сопки, радовало жителей тайги, в свою очередь, нагулявшие жир, они стали готовятся к зимовке...

По сопкам дядька Тимофей ходил, не чувствуя усталости, хотя ему было под семьдесят. Высокий и худощавый, с улыбочивым и добрым лицом, он был человеком внутренне собранным и спокойным. Тайгу дядька любил, она увлекала его ещё с юности. Как бывший военный, он неплохо стрелял, на десятки километров окрест знал все берлоги и тропы лесных жителей. И, как охотнику, ему было известно, где чаще обитает зверь, и где растёт женьшень.

Зная законы тайги, редко убивал животных, лишь только тогда, когда была угроза для его жизни, чаще всего ставил ловушки на зайцев или силки на фазанов. Как опытный охотник, всегда ходил по тайге мягко, без шума. Больше всего его увлекала тихая охота, осторожно, не спеша, он собирал грибы и орехи. Товарищи по охоте подарили другу пса по кличке Верный, ещё молодого и не опытного в промысловых

делах. Дядька Тимофей старался не брать его с собой, чтобы не шумел «почём зря», уж очень беспокойный пёс на охоте - гоняясь за мелкими животными, громко лаял, а тайга этого не любит...

Вечером из Находки, на выходные дни, к нему приехала дочь с мужем. Зятю очень хотелось побродить по сопкам, показать свою удасть, а, главное, себя, атлетически сложенного молодого моряка. Если ему и море нипочём, то тайга тем более.

Тесть пообещал гостя взять утром в тайгу:

– Виктор, мы далеко не пойдём, устанешь, проверим ловушки, затем я покажу, где растёт женьшень, думаю, нам и этого хватит.

– Тимофей Арефьевич, хотелось бы на Крутую сопку заглянуть, там, говорят, грибов много и кабаны появились. Нам ведь море по колено, не правда ли? – посмеиваясь, ответил зять.

Он называл тестя по имени и отчеству, когда ёрничал, а в остальных случаях, называл батей.

– Говорят, «в Москве кур доят». Крутая сопка – это начало горного хребта. Он сложный для восхождения, одолеть Сосновую сначала надо. В следующий раз, я думаю, сил поднаберёшься, тогда и будем её брать. Да, ещё скажу – ведь на Крутой сейчас хозяйничает тигр, – возразил тесть...

Проснулись мужчины рано – петухи только что стали оповещать хозяев о начале рассвета. Умывальник, наполненный водой с вечера, всё еще стоял во дворе. За ночь вода остыла, своей прохладой она взбудрила мужчин. Сытно позавтракав, они взяли два короба, а вот ружьё брать не стали, ссылаясь на то, что звери в этот период сытые. И только охотники хотели выйти за калитку, как разлаялся Верный, набиваясь в провожатые.

– Ну, что делать? Придётся его брать, с собой, благо, не так далеко идём. Виктор, снимай Верного с цепи.

Пёс обрадовался, что его освободили, стал ещё громче лаять и прыгать возле хозяина.

– Я так и знал, что будет шуметь, ну да ладно – вперёд, будем покорять вершину. Нам надо с часик побродить, чтобы выйти на тропу...

Солнце выглянуло из-за хребта, растекаясь золотой лавой по макушкам сосен. Подход к сопке был крутой, склон по которому они поднимались, зарос смешанным лесом. Настало время листопада, кроны деревьев заметно поредели.

– Мне нравится этот шелест – как будто со мной разговаривает лес. А ты знаешь, Виктор, ведь он показывает нам свои сокровища. Посмотри, какой одарённый лимонник. Его рубиновые кисти так и просятся на холст.

Амурский бархат, маньчжурский орех, дикая груша стояли вместе с кедром, кроны этих могучих деревьев надёжно сохраняли прохладу, смыкаясь кронами над головой. В низу, под резными листьями папоротника, потягивало сыростью и пахло грибами. Изредка, из глубины леса, слышался голос совы, к осени он ослаб и стал похожим на мяуканье кошки.

Поначалу идти было легко, почва под ногами, была каменистая и гладкая, но в некоторых местах путь преграждали небольшие валуны, обросшие зелёным мхом. Встречались и старые дуплистые липы - любимое зимовье гималайских мишек. Почти вся сопка была напигована колючей аралией и обвита лианами дикого винограда и кишмиша. Постепенно тайга наполнялась голосами соек и синиц, иногда доносилась дробь трудяги дятла. По едва заметной тропке путники

медленно поднимались вверх. Вдруг Виктор резко остановился.

– Батя, змея ползучая! – взволновано крикнул зять, не видевший этих тварей.

– Это полоз, он безвредный, видишь, направляется в овраг, жарко будет, однако, роса сегодня выпала обильная, – успокоил парня тесть.

Огромное четырёхметровое змееподобное существо, с ярко оранжевым орнаментом, проползло мимо Виктора, еще трясущегося от страха. Пёс Верный старался бежать рядом, виляя хвостом, часто подавал голос, пугая птиц и мелких животных. Колючки аралии больно царапали его шкуру, выдирая клочки шерсти. Иногда путь преграждал бурелом, приходилось его обходить. Хорошо, что тесть заставил строптивного зятя надеть ветровку, чтоб не пораниться. Поначалу, Виктору нравилось идти по лесу, он наслаждался дикой красотой тайги, но постоянные препятствия и восхождения его измотали. Наткнувшись на очередную толстую корягу, обросшую мхом, он присел, почувствовав сильную усталость. Пот лился градом по телу, рубашка и ветровка промокли насквозь, зять стал заметно отставать от тестя. Молодой пёс тоже, от такой нагрузки, перестал шуметь, высунув язык, он еле плелся за Виктором. Один только дядька Тимофей чувствовал себя прекрасно, шёл он легко, что-то напевая.

– Батя, я дальше идти не могу, дышалка отказывает. Долго ещё идти?

– Столько же, мы только подошли к месту, где растёт женьшень.

Охотник раздвинул густую траву, и тут зять впервые увидел чудо жизни. На них смотрело тоненькое, двадцатисантиметровое растение с пальчатосложными листьями.

– Здесь, на этой сопке, таких мест немного. Его трогать нельзя, ему только два года, у него ещё нет розетки.

– Тимофей Арефьевич, может, дальше не пойдём? – тяжело дыша, Виктор умоляюще посмотрел на тестя, ему было не до женьшеня.

– А где Верный? – вдруг спросил охотник, не видя рядом собаки.

– Растянулся в кустах, метров пять от нас, бежать он не в силах.

– Да, молодой пёс, выдохся, не хотел я его брать, крутовата сопка. Ладно, привал на десять минут, нам надо ещё посмотреть силки, а ловушки проверять не будем, повернём домой.

Вдруг тесть напрягся, как струна и побледнел, по еле заметному движению в просвете кустарника колючей аралии, он увидел рыжее пятно тигра, в какой-то миг сверкнули его янтарные глаза. Хозяин тайги прошёл мимо них крадучись, опираясь мягко и бесшумно на мощные лапы. Следом послышался громкий визг Верного, который резко прекратился. Хозяин тайги мигом его разорвал. Он давно хотел убрать эту шумную собаку и сделал это.

– Не шевелись, – тихо сказал дядька Тимофей, сжимая с силой руку зятя. Не тронет он нас, если мы будем вести себя спокойно, в это время тигр сытый. Это он отомстил псу за шум.

Виктора сковал страх, он стоял комом, где-то в груди, перехватывая дыхание...

Проверять силки мужчины не стали, как они очутились возле своей калитки, Виктор не помнил. Больше зять никогда не просил тестя взять его побродить по сопкам.

Валерий Григорьевич сидел за компьютерным столом и нервно барабанил пальцами. Компьютер «Алиса» немигающим взглядом смотрела на него. Сроки поджимали, а он был ответственным за выпуск очередного журнала «Наследие». Не зря нервничал Валерий Григорьевич.

Во-первых, в отделе он остался один – один из сотрудников срочно улетел по семейным обстоятельствам, а другой по заданию редакции находился в затяжной командировке.

Во-вторых, «Алиса», самый продвинутый компьютер, никак не хотела идти на уступки. Выдавала такой набор строк, что он не мог с этим согласиться, слова не отвечали задумке редактора, не волновали душу.

Пытаясь найти компромисс, Валерий Григорьевич продвигал интеллект «Алисы» в нужном ему направлении, но на мониторе лаконично высвечивалось: «Не положено».

На столах стояли ещё два компьютера – «Борис» и «Архип». Но «Борис» в ответственный момент вообще упрямылся – зависал на одной фразе и не реагировал ни на какие манипуляции. Ну, а если говорить об «Архипе», то его давно нужно было списать.

Собственно главный редактор, видимо, так и сделал, вручив однажды его насовсем со словами: «Может у тебя, Григорыч, он начнёт писать созвучно с сердцем владельца – это у него фишка такая». «Архип», якобы, израсходовал время, отпущенное ему на интеллектуальную жизнь, и, как издевательство, на его мониторе светилась одна фраза: «Пиши сам».

Робкие лучи солнца несмело через щели жалюзи стали заполнять небольшую комнату. Вот лучик коснулся стола «Алисы», поиграл металлическим обрамлением очков, задержался на хмуром лице редактора и заструился дальше, всё больше захватывая пространство.

По мере того, как солнце поднималось всё выше и выше, жалюзи, реагируя на солнечные лучи, постепенно собирались в одну сторону. Это были очень послушные шторы. Достаточно было жестом руки показать знак и направление, как прекращалось всякое движение или возобновлялось.

И в этот раз жалюзи чуть-чуть скосились, но потом полностью собрались. Валерий Григорьевич поднялся и подошёл к окну, задержал взгляд на ребятне, что возились у соседнего подъезда. Дети что-то возбуждённо обсуждали, то садились, то вскакивали, вертя в руках коробочку или пластину.

По все вероятности это и был предмет горячего спора. «Нет. «Архипушка», конечно, в чём-то и прав», – сказал в задумчивости Валерий Григорьевич, поправляя послушную штору, – «пиши сам», но в чём тогда хваленая фишка?» Пропитанная лучами штора, и играющие ребятишки всколыхнули в душе редактора воспоминания радостные и светлые.

Дело в том, что у Валерия Григорьевича было два очень сильных увлечения: техника и литература. Докопаться до истины он стремился, будучи ещё ребёнком. Часами мог что-то собирать, конструировать. А началось всё с часов.

У деда были старинные ручные часы, которые никогда не носились.

В особо торжественных случаях дед вынимал из коробочки эту реликвию, крутил сбоку колёсико,

бережно прикладывал к уху, подносил и к уху внучонка: «Валик, ты слышишь?» – оба замирали. Валик слышал. Обнаружив как-то незапертый ящик, маленький Валерий Григорьевич решил узнать секрет часов и, конечно, сломал их.

Часы починили и никто nibудь, а он с дедом, который был и первым учителем, и наставником. Взглянув ещё раз на мальчишек, Валерий Григорьевич решительно подошёл к старому компьютеру, щелчком сдвинул заднюю стенку. «Архип» чем-то радостно щёлкнул и начал писать, писать, писать про какие-то часы, коробочки, солнечные шторы... Строчки как будто выплывали сами...

Бабушка подошла к верстаку, с аккуратно расположенными мультяшными «фиксиками», ласково погладила внучка по головке. «Валик, я тебе занавески закрою, чтобы глазки не лепило...» «Валерий Григорьевич устался в движущийся текст. Прошла не одна пауза.» Валик, ты что завис? – спросил «Архип». Рука Валерия Григорьевича дрогнула.

– Валик? Ты назвал меня Валик?

– Ну, да, – чётко отпечатал компьютер, – а кто же ты ещё?

– Убери, это моё личное!

– Может ещё и занавески снять?

Валерий Григорьевич почувствовал недовольство соавтора:

– Нет, шторы оставить. Я всё помню: зелёное поле, а на нём цветочки сине-бело-голубые, во дворе такие росли. Бабушка их называла «Анюткины глазки».

Компьютер тут же поправил: «анютины глазки».

– У бабушки росли «Анюткины», заступился Валерий Григорьевич.

«Архип» продолжил повествование. После гибели зятя Григория и дочери Кати, старики взяли двухлетнего малыша к себе. Валерий Григорьевич всю свою жизнь вспоминал добрым словом деда Егора Макарыча, но память о бабушке, Акулине Павловне, была какой-то особенной.

И эта память стала для него как бы пропуском в сердце. Свою любимую Оленьку Валерий встретил на автобусной остановке. Боже, что он увидел! Выше колен зеленело поле бабушкиной занавески, те же «анютки», а выше рукавички-фонарики и на них сине-бело-голубое... И глаза, а ноги, – но это уже как бы само собой попутно.

– Ах, Валик, Валик, как я тебе завидую, – остановился «Архип». Валерий Григорьевич встрепенулся, поспешил нажать клавишу.

– Извини, «Архип», но вместо того, чтобы завидовать, ты бы объяснился с «Алисой», намекнул на свои чувства! Компьютер молчал.

– И «Борис» тебе не соперник! Он двух слов связать не может.

– Но он моложе! – «Архип» поставил два восклицательных знака (!!).

– А это её – «Не положено!» Тебе кто-нибудь так отвечал, когда ждёшь взаимности? Валерий Григорьевич такого не припомнил, а потому возразил:

– Может она в душе одинокая! Или у неё не было бабушки и дедушки! А может это ты трус?

Наступившая пауза показалась соредактору немного зловещей.

– Ах, ты Т-А-А-А-К! Появились буквы с большими пробелами, не оставляя и сомнения о намерениях... Дальше больше.

– Ты уж, Валик, пиши теперь сам про свои занавески. Точка.

– А ты тогда убери своё: Эх, Валик, Валик... Это моё личное, – и он поставил два восклицательных знака (!!), потом ещё один(!).

– Щас, шнурки поглажу.

– Погладь и удали. Я – редактор!

Наступила пауза, в которой оба остывали. Первым откликнулся компьютер. Мудрый «Архип», похоже, решил сгладить обстановку.

– Григорьич! – пропечталось мягко-мягко. Мы ведь с тобой одной крови!

Григорьич кивнул в знак согласия.

– Ну вот, и я о том же! – продолжал «Архип». – Ты – редактор, но ты был, есть и будешь Валик Григорьевич! Ты – Валик, а я – «Архип». Я – «Архип», а ты – Валик.

– Совсем «Архипушка» заигрался, – подумал Валерий Григорьевич и ласково погладил головку мышки. А старенький компьютер с увлечением продолжал своё повествование о часиках и занавесках, о чудесных цветочках на зелёных сине-голубых просторах нашей любимой Родины.

По коридору шёл главный, в руках держал свежий номер журнала «Наследие».

Похоже, он был доволен. Однако Валерий Григорьевич почувствовал какое-то смущение в его глазах. Главный как будто пожалел, что когда-то спихнул своему сотруднику старенький, отживший своё, капризный компьютер, который мог работать только в созвучии с сердцем своего владельца.

Георгий Разумов
Воробьиная ночь

Как-то летней порой валялись мы с дружкой Вовкой у него дома на сеновале.

Болтали, как водится, о всякой всячине, хрумкая ворованными яблочками. Естественно, дело было ночью, мы только что вернулись с очередного набега на чей-то сад с набитыми яблоками рубашками.

Само собой разумеется, что почти у каждого в городке был свой сад, но ни один уважающий себя парень со своего сада яблоки есть не станет, для этого есть чужие сады.

Так вот, болтали мы болтали о том, о сем, и уж не помню, кому из нас в голову взбрела бредовая гениальная идея съездить в Арзамас на велосипедах. Арзамас – это город, до которого от нас было чуток больше шестидесяти километров езды по мощеному булыжником шоссе.

Идея была с восторгом принята на ура. Дело оставалось за малым, то есть, собраться и поехать.

На следующий день мы подготовили велики, собрали кое-какие вещички типа полотенец, мыльно-рыльных принадлежностей, кое-какой провиант, уложили все это в заплечные сидоры и рано-ранёхонько утром уже третьего дня по холодку тронулись в путь.

Ехали не торопясь, весь путь справа нас сопровождала наша родная речка Теша, и мы время от времени сворачивали с дороги, подъезжали к воде и купались.

Где-то к обеду мы уже въезжали в Арзамас. В городе все улицы были покрыты асфальтом, и нам, жителям городка, где кроме булыжной мостовой и травяного покрова на улицах со времен царя Гороха,

ничего не водилось, это обстоятельство сильно понравилось: езда по асфальту на великах разительно отличалась от тряски по округлым камням, которая за весь путь нам изрядно надоела.

Покатались по городу, немного посмотрели достопримечательности, даже в музей Гайдара сходили. Собирались, было, уже возвращаться назад, рассчитывая переночевать где-нибудь по дороге на берегу реки у костра, но нашим планам не суждено было сбыться: спускаясь по одной улочке, мы достаточно быстро разогнались, и я не заметил вовремя торчащую из асфальта какую-то острую железяку, что-то типа арматурины.

Переднее колесо моего велика, точнее его шина, приказали долго жить. Вовка ехал слегка в стороне, и его велосипед остался цел, а колесо моего превратилось в жалкое зрелище.

Остановились, посмотрели.

Ситуация складывалась весьма печальная: покрышка получила по беговой части порез размером около семи-восьми сантиметров, а камера просто порвалась пополам. Ни о каком ремонте речи даже и быть не могло. Стали соображать, что же делать?

Магазины, естественно, закрыты, да и купить там камеру было в те годы задачей практически нереальной.

Решили проситься к кому-нибудь ночевать, но все попытки наши на этом попроще оказались тщетными: сердобольные на вид тетушки никак свою сердобольность и радушие на деле не проявляли.

Нам везде было вежливо по-христиански отказано. Уже темнело, ночь ждать себя не заставляла, как какая-нибудь капризная девушка, которой нравится опаздывать на свиданку...

Кто бывал в Арзамасе, тот знает, что в центре города стоит знаменитый на всю Россию собор необыкновенной красоты, величественности, и мощи.

Это практически копия Исаакия в Питере, только нет колонн вокруг купола. Вот мы и порешили с Вовкой ночевать на паперти этого собора. Тремя сторонами он выходит на оживленную часть города, а западная сторона его обращена к обрывистому берегу упомянутой выше Теши. Там росли деревья, кустарник, далее шли безлюдные заливные луга.

Короче говоря, местечко получилось у нас достаточно укромное.

Уже прилично стемнело, мы забрались прямо с велосипедами на паперть, сместились в самый дальний уголок, и приготовились спокойно и безропотно ждать утра.

В голове и у меня, и у Вовки, естественно, вертелись мысли вокруг злополучного колеса, мы и так, и сяк ломали голову, что придумать. Голова ломалась, а выхода не находилось.

Наконец, сказав сакраментальное: «Утро вечера мудренее», мы улеглись прямо на каменный пол паперти, и решили вздремнуть.

Около меня в стенке расположилось некое подобие узкого подвального окна, оттуда нет-нет, да потягивало запахом вековой сырости, ладанной гнили и еще Бог знает чего.

Наше благое намерение вздремнуть тоже оказалось под угрозой.

Как вы помните, мы расположились на западной стороне собора. На горизонте уже практически догорала закатная полоска, край неба помаленечку голубел, синел темнел, а с юго-западной стороны из-за горизонта вылезала свинцово-черная туча.

Она ползла почти незаметно, почти нехотя, плотно закрывая темно-синее небо. Вот она поглотила уже и весь остаток закатной полосы, край тучи повис над рекой рваными зловеще-черными языками.

Со стороны реки потянуло ветерком. Вот он стих, вроде, как затаился, потом налетел с утроенной силой, стало холодно, и я предложил другу перебраться на заветренную восточную сторону собора, выходившую на оживленную обширную площадь.

К этой поре уже окончательно стемнело, люди разошлись по домам, город практически обезлюдел. Не успели мы переместиться, как ветер рванул с новой, неистовой силой, порывы его налетали со всех сторон, деревья в соседнем парк качались, гнулись, шумели, слышался треск ломающихся сучьев и веток.

К этой поре туча, как черный дракон, нависла всей своей мощью над городом, скорость её движения увеличилась, ее рваные клочья стремительно перемещались куда-то на северо-восток, в сторону Волги. Ветер свирепствовал, рвал все, что попадалось на пути, и вдруг мгновенно стих...

Наступило некое тревожное затишье: не было слышно ни звука...

Нестерпимо яркий свет огромного зигзага молнии пересек всё небо от края до края, и сейчас же раздался оглушительный треск и грохот, словно скалы обрушились с большой высоты.

Новый сильнейший разряд молнии и еще более оглушительный грохот грома! Потом послышался сильный шум дождя.

Через минуту на нас обрушился ураганный ливень. Мне показалось, что кто-то там, наверху, опрокинул на землю громадный водоем и потоки воды хлынули, утопив в себе весь мир...

Картина в точности напоминала библейское «разверзлись хляби небесные». Все утонуло во мраке, и только, когда сверкали молнии, в их мертвенно бледном свете можно было увидеть стоящие в воздухе струи воды и застывшие волны образовавшегося на асфальте прилегающей площади озера.

Такая вакханалия водной стихии и буйство электрических сил продолжались довольно долгое время, потом сила дождя несколько ослабла.

Молнии сверкали, но уже не над головой, а где-то дальше, по ходу тучи, раскаты грома теряли свою силу, и раздавались уже значительно позже того, как сверкала молния. По всему чувствовалось, что гроза уходила, уходила в сторону Волги.

Дождь, однако, продолжал хлестать еще очень сильно, слышно было, как шумят водопады в образовавшихся потоках воды, устремивших свой бег в сторону реки.

Мы очень мудро поступили, несмотря на нашу молодость и глупость, что переместились на восточную паперть.

Струи дождя хлестали с запада, так что и западное крыло паперти, где мы первоначально расположились, и другие части ее, получили изрядные порции воды, наше же убежище практически не пострадало: чуть-чуть намочило начало ступенек, и отдельные брызги изредка долетали до нас, так что мы остались сухими, у нас было даже относительно тепло и уютно.

Вот так, лежа на гранитных плитах, и глядя на разгул стихий, мы незаметно, под шум стихающего дождя, задремали...

Утро выдалось изумительное. Солнышко, стремительно поднявшись из-за горизонта, осветило

мир, и он расцвел мириадами изумрудов, топазов, яхонтов и бриллиантов в каплях дождя, на листьях деревьев, на траве.

Мы с Вовкой неспешно завтракали остатками своей снеди, смотрели на это буйство красок, и на какое-то время забыли о прозе жизни. Однако время шло, город просыпался, появились прохожие, поехали автобусы. Рваная крышка вернула нас в реальный мир.

Начался рабочий день, возобновили и мы свои поиски решения проблемы.

В одном магазине увидели моток матерчатой грубой изоленты, купили его, стали шариться по мусоросборникам, разыскивали кусок велопокрышки.

Принялись что-то изобретать и делать. Мимо шел мужичок, пригляделся к нам, спрашивает:

– Чего вы тут бедуете, парни?

Рассказали. Человек оказался отзывчивый и понимающий. Выяснилось, живет неподалеку, дал он нам старую камеру. Остальное – дело техники и рук. Заборттовались, подложили бандаж, обмотали все изолентой и тронулись в путь.

Нашего рационализаторства хватило почти на весь путь, оставшиеся пару километров прошагали пешком.

Вот так и запомнилась эта поездка тем, что довелось увидеть самую буйную в моей жизни воробьиною ночь.

Ни раньше, ни потом мне не довелось видеть грозы такой неистовой силы

Людмила Скрипченко

Первая копна

Отец, уходя на работу, велел двенадцатилетнему сыну идти на покос и сгрести сено к остожью, чтобы вечером они могли сложить его в копну. Покос был от села за шесть километров.

Прихватив еду, подросток, гордый доверием отца, отправился на покос и принялся за работу. Он неторопливо и основательно работал, нагреб большую кучу сена, перекусил и снова принялся за дело.

Но тут налетел сильный ветер, нагнал тучи. Надвигалась гроза.

Все сено могло быть испорчено дождем. И тогда парнишка решил сам сложить копну, спасая сено и свой труд.

Невысокий подросток набирал полные навильники сена и, теперь уже торопясь, укладывал его. А ветер, словно забавляясь, взъерошивал сено торчком и отбрасывал в сторону.

Мальчик бегом подхватывал клочья и снова пытался уложить их на место.

Ветер же, шутя, повторял все сначала. Но мальчишка не хотел уступать. Он бегал, подхватывал, укладывал снова и снова. Ведь он был один, за взрослого!

Однако борьба ребенка с ветром была неравной. Злые слезы обиды выступили у него на глазах, пот катился градом, перемешиваясь со слезами, сено кололо лицо, шею, руки...

Но паренек решил не отступать ни за что.

Неизвестно, чем бы закончилась эта битва, но, к счастью, мимо шли трое взрослых селян, закончивших

свою работу. Они помогли сложить и завершить копну, придавили ее жердями. А парня похвалили за упорство:

– Молодец, настоящий мужик растет!

И действительно, из него вырос работающий и достойный человек.

А свою первую копну и взаимовыручку он запомнил на всю жизнь, и сам всегда помогал людям в трудную минуту.

Присказки для детей и взрослых

Бабочка и цветок

Цветок вырос очень красивым. Многие заглядывались на него. Как-то раз прилетела Бабочка и присела на край Цветка. Она тоже была очень хороша собой

– Ах! – сказал Цветок, – улетай отсюда скорее! Ты заслоняешь крыльями мои чудесные лепестки!

– Я возьму у тебя немного нектара, а взамен дам тебе пыльцу. Зато, когда нас с тобой уже не будет, на свете появятся новые Бабочки и вырастут новые Цветы, – отвечала ему Бабочка. – Ведь мы с тобой очень нужны друг другу.

– Все равно, улетай, – капризно твердил Цветок, – не мешай мне красоваться! Жизнь так коротка!

Бабочка вспорхнула крыльями и улетела. Через некоторое время от Цветка осталась лишь сухая былинка.

А бабочка нашла себе другой Прекрасный Цветок, которому отдала свою пыльцу, а он поделился с ней нектаром.

Братья

Солнце и Огонь – братья. Солнце – Старший Брат, а Огонь – Младший. Как водится, возраст дает право на мудрость, а юность – на боевой задор.

Братья любили друг друга. Старший опекал Младшего, учил уму-разуму, а младший старался во всем походить на Старшего, подражал ему. Оба служили Природе, Человеку.

Но молодость часто брала свое, и Младший Брат нередко вместо пользы приносил вред, а потом горько раскаивался в том, что натворил.

– Ну, почему у меня получается все наоборот? – каждый раз с горечью спрашивал он.

На это Старший Брат отвечал:

– Ты – безрассуден. Никогда не теряй чувства меры – и тогда не придется каяться в содеянном.

Муравьи и Тля

То, что Муравьи – трудяги, известно всему Лесу. И многие завидуют их большой и дружной семье. Вместе и прокормиться, и от врагов защититься легче.

Но вот, некоторые особенности их поведения изумляют Лесной Народ. Это, как Муравьи обихаживают Тлю.

Они буквально носят Тлю на руках: лелеют в Муравейнике, рассаживают на деревьях, прячут от непогоды и зимой.

А Тля, знай, сосет себе сок из растений да катается на глупых Муравьях, выделяя после еды капельку сладкой жидкости на своем брюшке, которой так любят полакомиться Муравьи!

Стоит ли древним Муравьям воспитывать паразитов ради одной-единственной сладкой капельки?..

Росток

Жил-был Росток. Он был жизнерадостным и весело тянулся навстречу Солнышку и друзьям. И друзья любили его.

Дождь поил и умывал Росток своими струями, Солнечный Луч ласкал своим теплом, Ветер баюкал и напевал колыбельную песню.

Но вот однажды друзья поспорили: кто нужнее Ростку? Кто сильнее его любит?

Первым дождь принялся так поливать Росток, что залил его водой, обнажил слабые еще корешки. Росток едва удержался и не упал.

Потом Ветер стал разносить тучи и надломил тоненький стебелек...

А тут и Солнечный Луч направил весь свой жар на обессиленный Росток, у которого сразу завяли и опустились нежные листочки... Умирая, Росток успел прошептать своим друзьям:

– Любить тоже надо уметь...

Золотая Рыбка

В водоеме водилось много разных молодых Рыбок: сереньких, пестрых, полосатых и цветных. Они суетливо сновали в разные стороны – искали пищу, резвились.

Все они были по-своему красивы.

Но одна была красивее остальных. Ну, просто Золотая Рыбка! Она величественно проплывала среди

подруг, неторопливо поводя пышными, ажурными плавниками, и вся будто светилась изнутри. Другие рыбки втайне завидовали ее красоте и часто судачили между собой:

– Что толку в ее красоте? С таким хвостом и плавниками и плавать-то быстро невозможно! Она как будто неживая, а какая-то сказочная!

Услышав эти слова, Старая Рыба сказала:

– Хватит вам судачить! Лучше подумайте, разве можно прожить на Земле без Красоты и Сказки?

Гусеница и Червяк

Гусеница жила в кроне Дерева, где много света и воздуха, вкусных листьев и чистой хрустальной росы.

У нее были большие глаза, изящные ножки-присоски, а еще она носила модную пушистую шубку из цветного меха, которую обновляла каждую неделю.

Гусеница всю жизнь занималась тем, что объедала листья, грелась на солнышке да пряталась при опасности в укромные трещины коры. И толстела, толстела...

А Червяк жил в земле, где света нет совсем, воздуха порой не хватает, то дождь зальет, то солнце высушит.

И сам-то он был без глаз, без ног, одежды тоже не имел никакой, кроме собственной кожи.

Чтобы пропитаться, он должен был перерывать много земли, переработать прошлогодние листья, проложить ходы, по которым влага и воздух могли дойти до корней Дерева, где среди пышной листвы пиновала Гусеница.

И если бы Червяк не делал этого, то не было бы ни Дерева, ни Гусеницы, ни его самого.

Детеныши

Встретились как-то Волчонок, Лисенок и Зайчонок. Обнюхали друг друга, познакомились и стали играть. Они кувыркались, гонялись друг за дружкой, забыв обо всем.

Наигравшись, детеныши повалились на траву и стали хвастаться.

Волчонок сказал:

– У меня отличный дом – логово, в овраге, никто не найдет! А если найдет, я буду кусаться, рычать и позову маму!

– А я живу в глубокой норе и тоже могу кусаться и тявкать, пока не прибежит мама, – сказал Лисенок.

Зайчонок же грустно молчал и думал о том, что дома у него нет, кусаться он не умеет и пищит тоненьким голоском, который никого не напугает. Да и мама покормила его один раз молочком и убежала, наказав, чтобы ел травку и был самостоятельным, не ждал ее. И вообще, он не похож на своих друзей... Чуть не заплакал Зайчонок.

Но тут он услышал шорох и легко, как мячик, поскакал прочь. Все зверята знали, что любой шум, это опасность. А Волчонок и Лисенок, неловко переваливаясь, не успели добежать до своего дома. Охотник взял их за шиворот и опустил в мешок, хотя они и пробовали кусаться, рычать, тявкать и звать маму. Но мама была далеко. Зайчонок мчался по лесу, что было силы, и радовался:

– Как хорошо, что мама научила меня надеяться на самого себя, а не ждать, пока помощь придет со стороны.

Раздел 2 Авторские работы учеников

В 2018 году исполнилось 100 лет со дня официального учреждения пограничной охраны. Позднее учрежден праздник – День пограничника (28 мая), который объявлен в связи с учреждением в 1918 году пограничной охраны. По периметру СССР возвели пограничные заставы и пограничники несли службу по охране границ страны круглосуточно.

Виталий Захаров, журналист-пограничник, писал много о пограничниках, как в стихах, так и в прозе, является автором, который записал воспоминания знаменитого пограничника Н.Карацупа, отредактировал и подготовил в печать книгу о его подвигах.

Писал Виталий Захаров стихи и рассказы для детей, также уделяя особое внимание теме пограничной службы, охраны государственной границы, пограничной заставе. Например, для детей написал небольшую книжку «У меня зеленая фуражка». Мы решили, что учреждение конкурса в память о В.Захарове, будет уместным в юбилейный год Дня пограничника.

Ниже приводим творческие работы и стихи ребят, ставших победителями конкурса, объявленного ХРО РСП в 2018 году. Итоги Конкурса подведены 19 декабря 2018 года. Торжественные церемонии вручения дипломов и сувениров состоялись в феврале 2019 года в школе №29 во время проведения торжественных мероприятий по случаю Дня Защитника Отечества.

Девиз конкурса:

**«Любить Россию непреклонно,
Как любят верные сыны...
Солдаты первого заслона
Всегда на краешке войны»**

В.Захаров

Творческие работы

Арина Белёва

***МБОУ СОШ Кенайского поселения Комсомольского
района Хабаровского края,
педагог Кирьянова Марина Георгиевна***

***Диплом I степени в номинации
«ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА»,
конкурс памяти Виталия
Захарова***

Любимый край! Отцовский кров... [1]

– Останови машину, пожалуйста, дедуля, – попросила я своего дедушку, когда мы подъезжали к Аксакинскому перевалу.

Это место всегда проезжают те, кто едет из Кеная в Комсомольск-на-Амуре. Я выхожу из машины...

Трудно передать до конца впечатление от увиденной панорамы, которую создала природа. Дальневосточный Хабаровский край! Комсомольский район! Порой нас еще называют северным краем.

Я смотрю вниз, и передо мной расстилаются во всей своей мощи и величии огромные сопки. Синее-зеленое бархатное покрывало тайги протянулось на сотни километров.

Именно в этом месте всегда чувствую себя очень маленькой и беззащитной девочкой перед таким гигантским портретом северной природы!

Сопки, словно нарисованные огромной кистью художника, манят своей бесконечностью и красотой.

Внизу, среди этих гигантов, протекает река Гур. Ее очень хорошо видно отсюда, с перевала. Это

маленькая голубая лента, которая оживляет своими водами весь этот мощный пейзаж.

А недалеко – две сверкающие серебром ниточки рельсов. Это железная дорога из Владивостока до порта Ванино. Когда смотришь на все это, в душе растёт чувство гордости за то, что ты родился в этих местах, что душа твоя навеки слилась с этим удивительным краем.

Я родилась в Хабаровском крае, в городе юности Комсомольске-на-Амуре. Мои родители волею судьбы оказались в таежном поселке Кенае, здесь все и живём. Мне этот край очень дорог ещё и потому, что в этих местах родились и выросли мои родители. Здесь вся история моей семьи!

Пусть она не очень продолжительная, но это история *моей семьи*, и она тесно связана с дальневосточным краем. Это для меня очень важно, и все здесь имеет для меня ценность, так как это – часть меня.

Горжусь тем, что в этих местах можно встретить не только русских, но и нанайцев, орочей, нивхов, удэгейцев – людей разных национальностей. Это маленькие народности, но среди них много талантливых охотников, опытных рыболовов, и просто житейски мудрых людей. Порой удивляюсь, как они ловко справляются со своим нехитрым снаряжением в тайге или на рыбалке.

Когда человек долго живет в суровых условиях, он многому учится и знает много секретов выживания.

Вот такой мой дед. Он приехал с семьей в Кенай в ноябре 1979 года, в самый разгар строительства поселка. Строился красивый клуб, который считался самым лучшим по всему Комсомольскому району. Это

сейчас поселок значительно уменьшился, и многие люди уехали, и уже давно нет леспромхоза.

А как хочется, чтобы всё вновь было возвращено человеку! Нам, молодому поколению, нужно решать такие задачи и восстанавливать разрушенное, потому что нельзя, чтобы такие чудесные места нашей Родины становились дикими и непроходимыми.

Как жить без такой природы, без такого свежего воздуха, уникальных ягод и грибов, без наших рек: Удоми и Гур? Мы с дедом всё это очень любим.

Именно он привил мне любовь к красоте здешних мест. Когда дедушка приехал в поселок, единственное, о чем он жалел, что не смог приехать сюда раньше. Вот насколько запала ему в душу дальневосточная природа!

Он шофер, прекрасно водит машину, и за баранкой уже 43 года. Я горжусь своим дедом. Он настоящий северный старожил. Дед часто показывал зимние пейзажи, когда мы ездили в лес зимой. Это настоящая сказка! Сказка, которая существует в реальности, благодаря красоте нашей тайги. Словно Снежная Королева укрывает все сопки серебристо-белым и пушистым покрывалом, невозможно порой подобрать слова для описания всего этого чуда.

Нужно видеть, нужно жить в этих местах, быть рядом и ощущать великолепие дальневосточной тайги. Это та часть нашей жизни, без которой человеку трудно обрести себя в этом огромном мире.

Именно оставшись наедине с природой, человек осознает себя свободным, крепким, защищенным. Наша тайга живая, она лечит, сочувствует и, порой, даже помогает принять правильное решение.

Её невозможно купить за какие-то деньги. Это сильный мощный организм, который вечен и

непобедим! Как замечательно сказано поэтом Ф. Тютчевым:

*...Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

А сколько таких замечательных строк посвятили поэты и писатели Хабаровскому краю?!

Как-то принимала участие в литературном вечере, связанном с творчеством писателей, поэтов-дальневосточников, и неожиданно для себя открыла, что очень много прекрасных произведений не одним поколением уже написано о моем родном крае. Да как красиво они звучат, с любовью, со всей своей преданностью передают его величие! Так могли написать люди, судьба которых тесно переплелась и слилась с дальневосточным краем.

Чувство гордости и радости охватывает, когда читаешь эти строки.

*...Небеса с колдовскими закатами,
И тайги вековый покой,
И Амур с берегами покатыми,
И весенний туман над рекой... –*

напишет Петр Комаров о своем любимом Приамурье.

Невозможно не вспомнить и Николая Наволочкина, который очень точными словами выразит свое отношение к родным местам:

*Любимый край, отцовский кров!
Я не забуду эти годы –*

*Веселый говор у костров,
Мальчишек дальние походы.*

Часто задумываюсь над тем, что свой край не только нужно любить, но и беречь его.

Важно, чтобы каждый человек это осознавал и понимал: именно наша поддержка и опора – вот, что может сберечь всю эту красоту для будущих поколений. Это наша малая родина, и, если мы о ней не позаботимся, то никто этого не сделает.

Мне очень хочется побывать во всех местах огромной территории Дальнего Востока, насладиться и другими красотами, получить огромное удовольствие, испытать позитивные эмоции, которые еще крепче укрепят мою любовь и преданность дорогим сердцу просторам.

*Ерофей Пысин
школа №158 г. Москва
педагог Жмыхова Оксана Валерьевна*

*Диплом II степени в номинации
«ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА»,
конкурс памяти Виталия
Захарова*

Поэма «Путешествие» [2]

Однажды я поехал в путешествие по всей России с папой и дедушкой. Мы были в Архангельске. Там собрались. Мы взяли еду на 20 дней, котелок, палатку и многое другое. Мы поехали в Хабаровск и там были на Сосновке. У нас была бабушка. Мы ее отвезли туда. Остановились на 2-3 дня и поехали дальше. Мы поехали

на заставу. Там была граница и пограничный наряд, и собака. Она была хорошей.

Мне командир заставы показал оружие. Когда была ночь, поехал вдруг пограничный наряд, потому что там был нарушитель границы. Я волновался. Но вот наступило утро. Нарушителя поймали. И мы поехали в Шимановск. Там были пограничники. Мы им дали значки. Потом мы поехали в поле, и я сфотографировался в пшенице, мы разогрели борщ, поели и поехали в Улан-Удэ.

Мы нашли гостиницу. Она была – супер, «пять звезд». Поночевали и поехали в Читу. Там раньше жили декабристы. Спрашиваешь, кто такие декабристы? Это такие пленные были. В шахтах прикованы к цепям. И таскали по четыре тонны камней. Почему город грязный? Потому что в шахте было грязно. И в городе тоже. Мы там сходили в музей «Декабристов». Я видел камни, которые носили на спине.

Мы отправились на Байкал купаться. Байкал – это озеро, где пресная вода. Там была маленькая деревня. Мы взяли домик, средний. Сночевали. И пошли купаться на озеро. Мы взяли плавучую баню. Попарились в теплой баньке и нырнули в ледяную воду. После ледяной воды мы поехали в Кемерово.

Были в музее на улице. Я ложился за пулемет. Мы были на бухте, дышали свежим воздухом. Ветерок щекотно щекотал носы, и шебуршали листья на деревьях, и падая в воздухе, кружились над землёй.

Мы были в Новосибирске. Там ездили в метро. Всего одна ветка. Мы проехали станцию и сдали машину в ремонт. Машина была в ремонте 2-3 часа, и мы ее забрали.

Вот и мы: я – Ерофей, Сергей – мой папа, и Владимир – мой дедушка, поехали в Красноярск. А река там называлась Енисей.

Потом мы хотели поехать на камни. На картинах было красиво. Но не смогли побывать, потому что нельзя было проехать на машине, а пешком идти – очень далеко.

И мы поехали в Курган. В храме мы крестили моего троюродного брата Макара. Ночевали у деда Серёжи и провели там всю ночь.

Утром мы взяли Никиту и поехали в Екатеринбург. Мы заезжали в музей «древних камней» Там были камни: изумруды и малахиты, драгоценные камни.

Дальше мы поехали в Киров, где пошли в парк. Там было так, что у меня всё застыло. Было очень много маленьких деревьев в ряд, а в конце – огромный дуб. Мы его обняли и заговорили с ним о своих желаниях. Был слабый ветерок, также шуршали листья под ногами.

Потом поехали в Котлас. Были около разваленного храма. Было весело и даже чуть страшно.

Мы стояли на обрыве и думали: какие мы орлы! Мы заходили внутрь и на второй этаж, бежали туда-сюда, «фоткались» с флагом СВГБ.

Нам было очень весело. Дул холодный ветер. Кружились листья над землёй. Как это было красиво! Сам бы, читатель, видел – не устал бы под такой сказочной красотой. Да, там было очень красиво, что я рот открыл. Я видел чудное мгновение, я видел чудный вид.

Потом мы поехали в Архангельск на Северодвинскую крепость. Был ужасный ветер. Здесь Петр 1 разбил шведов, после чего шведы с нами воевать

перестали, потому что знали шведы: если будут с нами воевать, то мы ого-го.

Мы зашли в дом папы. Он несколько раз уезжал в тот дом. Мы его посмотрели. А ещё около дома – цирк, правда, заброшенный. Мы хотели открыть дверь цирка, вход для гостей. Дверь была открыта. Но мы не зашли. Страшно было.

Дальше у меня вот такие чувства – ого-го. В этом цирке было то, что я себе и представлял. В заброшенном цирке была паутина и пауки там везде всякие, валялись доски и трибуны.

Такое ощущение, как будто здесь были приведения. Жаль, что приведений не существует. Было бы в мире ещё веселей, если бы они были.

Я с папой пошел в магазин. Там были альбомы. Я выбрал себе с танком, такой: коричнево-серый. Мне очень понравилось, что мне его папа купил. В кафе мы поели суп и котлет и тем наелись. «Вкусно!» – сказал папа и дедушка. «Вкусно!» – повторил я.

Мы сели в машину и поехали в Вологду. Вологда – это очень старый город. Это родина почти всех писателей России.

Мы там в машине ночевали.

На следующее утро мы ехали в Москву день. Когда мы были совсем близко к дому, была пробка, но мы всё равно доехали до дома.

А мама была на море с дедушкой и бабушкой, и моей сестрой Лизой.

А на улице было 1 сентября.

И я пошёл в школу.

Меня встретил новый класс. И я пошел в помещение. В классе мне выдали учебники. Мы чуть-чуть поговорили и пошли домой.

На улице меня встретили папа, мама и все остальные. Я обрадовался. Спустился с лестницы, и мы пошли домой. А на следующий день я был просто без ума.

Моя бабушка сделала мне подарок. Она с гордостью вошла в класс и сказала: «Я – бабушка Ерофея, пришла сказать, что мой внук Пысин Ерофей Сергеевич, совершил очень-очень трудное и сложное путешествие по России. Я была с ним, потому что я писатель. И я сделала вам подарок – иллюстрации, но это больше для мальчиков подарок».

Бабушка вызвала меня к доске и сказала: «Ты ее заслужил» и дала мне в руки значок, а на нём было написано «Будущий защитник Отечества».

Мне это путешествие очень понравилось. А вам?

*Станислава Блажкевич
лицей «Ступени», г.Хабаровск
педагог Марина Викторвна*

*Диплом III степени в
номинации «ТВОРЧЕСКАЯ
РАБОТА», конкурс памяти
Виталия Захарова*

Музыка в моей жизни [3]

С самого раннего детства звучала музыка: играла на фортепьяно мама и пела свой любимый романс «Раннее утро», что-то нежное играл папа, а по вечерам мама с бабушкой пели тихо красивые песни.

Мне казалось, музыка живёт вместе с нами, потому что она волшебница.

Тогда я не знала о существовании музыки души, но чувствовала, что с ней мне становится то грустно, то хорошо, то хочется танцевать.

Я очень любила танцевать по-разному под разную музыку.

Позже поняла, что она слышна везде: в журчании ручейка, в шуме деревьев в лесу перед грозой, в колыбельных песнях, которые нам с братом до сих пор поют мама и бабушка перед сном, в пении птичек за окном по утрам, в смехе детей, играющих в снежки.

А ещё я сделала открытие: оказывается бутоны лилии раскрываются с лёгким щелчком, напоминающим нотки победного марша, с которым появляются на свет его лепестки.

Я научилась слышать и слушать многое вокруг себя после того, как стала учиться в самой лучшей музыкальной школе моего прекрасного, как музыка, города Хабаровска, у лучших педагогов.

Вот идёт дождь. Что слышно в нём? Фортопиано, флейта и кларнет исполняют немножко грустную, трогательную музыку, слушая её задумаешься и отдыхаешь.

Люблю музыку Баха за её нежность и силу. Когда играю менуэт, мне представляется огромный бальный зал, где танцуют в любимом вечернем, струящемся как морская вода, платье и папа в парадном наряде. Они такие красивые!

Мне становится так хорошо, что моя игра оценивается высшим баллом.

Именно музыка раздвинула стены моего города, страны, я летала от счастья: ведь я побывала в восьми странах Европы. Впечатлений было столько, что они не умещались в моём сердце, в голове!

Так мне казалось, потому что одна страна, как на экране, следовала за другой страной, как слайды.

Но прошло немного времени. Всё уложилось в свои «ячейки», а радость, ощущение счастья остались навсегда. Я была там и успешно выступила на конкурсе пианистов. Ура! Ура! Ура!

Сколько интересного увидела и услышала, благодаря музыке и на Международном фестивале военных оркестров «Амурские волны».

Нам очень повезло. Мы пели под музыку сводного оркестра (ста музыкантов) на одной из площадей города и под аккомпанемент ветра, волн Амура и колоколов Святого Преображеневского собора. Это был восторг!

Нас, младших и старших школьников, было 200 человек, наше появление было так неожиданно для зрителей и музыкантов из Москвы, Санкт-Петербурга и из других городов и стран, а успех был таким ошеломляющим, что все встали, а потом иностранцы с удовольствием с нами фотографировались.

Ощущения и впечатления были необыкновенные!

И всё это нам подарила музыка, замечательный человек – генерал Валерий Халилов. Это был – его проект. Вечная ему память и благодарность!

Музыка – это поэзия и красота! Ведь не зря Пётр Ильич Чайковский был не только великим композитором, но и писал прекрасные стихи.

Прочитав его стихи, посвященные любимому цветку ландышу, я внимательнее и лучше стала слушать и понимать его музыку. Вот это стихотворение:

*Я жду весны. И вот волшебница явилась.
Свой саван сбросил лес и нам готовит тень,
И речка потекла, и роща огласилась,
И, наконец, настал давно желанный день.
Скорее в лес! Бегу знакомою тропой.
Ужель сбылись мечты, осуществились сны?
Вот он! Склоняясь к земле, я трепетной рукою
Срываю чудный дар волшебницы весны.
О, ландыш! Отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы, роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры –
Но прелести в них нет таинственной твоей.*

А замечательный поэт Пётр Андреевич Вяземский был хорошим музыкантом. Слова его известного стихотворения «Ещё тройка», положенные на музыку, стали популярным романсом. Это – ещё одно моё открытие! И сколько их ещё подарит мне музыка!

Много интересных открытий, впечатлений, событий в моей жизни связаны с музыкой.

Я научилась, как говорила мне мой педагог Марина Викторовна, своим «внутренним интеллектом» понимать то, что играю.

Иногда бывает трудно начинать играть новое произведение, но терпение и любознательность: «А что там?!» – помогают открыть ноты, поставить руки на клавиши и отправится в новое путешествие в мир любимых звуков и красоты.

Именно музыка учит меня терпению, способности преодолевать трудности и радоваться удаче. Музыка – это чудо!

Я думаю, она поможет нам стать лучше и добрее. Знаю, что всё больше людей заполняют концертные залы, залы филармоний. Уверена, их станет ещё больше!

Поэзия

*Анастасия Прохорова
МБОУ СОШ №29, г.Хабаровск
педагог Демидова Светлана Борисовна*

*Диплом I степени в номинации
«ПОЭЗИЯ», конкурс памяти
Виталия Захарова*

Посвящение Хабаровскому краю

Краю дорожному, любимому, родному
Пожелать хочу добра, процветанья и тепла.
Чтоб по чистеньким дорожкам
Детские бежали ножки,
Чтоб в тайге дальневосточной
(Думаю, так будет точно!)
Посреди тропы лесной,
Дружно жили – не тужили
Тигр, медведь, барсук, косой.
Чтобы солнышко всходило
На Востоке каждый день
И чтоб край наш все любили!
Он любви достоин – верь...

Спаси природу, человек!

Вот так чудо из чудес –
Я попала в странный лес.
Явно этот лес в беде:
Нет в лесу цветов нигде,
А на солнечной полянке
Только пни, бычки и банки...

Помню раньше свои трели
Птички радостно мне пели,
Бабочки в лесу порхали
И цветы благоухали.
А сейчас здесь ни цветочка,
Только банки, пни да кочки.
Весь в бумажках старый пруд,
И окурки там и тут.
Кто это сделал? Человек...
Решил - он царь природы.
Забыл, как в древний-древний век
Когда-то жил при роде.
Замедли бег свой, человек,
И оглянись вокруг.
Недолгим будет жизни век,
Коль губишь всё вокруг.
Да разве ты не понимаешь,
Что сам свой мир ты разрушаешь?
Сохрани красоту планеты,
Твои внуки оценят это!

Данил Нечитайло

**МБОУ СОШ №29, г.Хабаровск
педагог Шадрина Нина Валентиновна**

*Диплом II степени в номинации
«ПОЭЗИЯ», конкурс памяти
Виталия Захарова*

Им всем святыми умирать

Упали слезы, сдали нервы.
Потупив взгляд на небосвод,
«Прости нас, Боже», – молвил лекарь,
Не спавший множество часов.

Читал молитву старый знахарь,
Не смог спасти родную мать
Шептал,..
Рукой кровавой крест сжимая:
«Им всем святыми умирать».

Он будет помнить, помнить вечно,
Тот самый тёплый голосок,
Её бездыханное тело,
Колышет слабый колосок.

Душа, взлетев в седьмое небо,
Присядет тихо у плеча,
Поникшего, родного сына,
Что хочет громко закричать.

Отныне ангела не видно,
И невозможно замечать ,
Но даже после смерти
Сына мать будет вечно защищать.

Придуманная мною притча
Любовью пламенной полна,
В ней скрыто слишком много смысла,
Не хватит белого пера.

Насколько сильно любит Мама,
Что даже через её смерть
Проходят чувства и охрана,
Проходит с неба белый свет.

Настолько сильно любит Мама,
Она готова исполнять,
Все твои светлые желания,
Чтоб её сын сумел сиять.

Настолько сильно любит Мама...
Она отдаст движенье всем,
Покоясь в ложе бездыханно,
В самый последний свой момент .

Дарить любовь способна мама,
За это выдан лик святых,
Охраной служит детям мама,
Её значок – горящий нимб.

И даже за плохого сына
Грехи готова искупить,
Она готова на распятье,
Чтоб сын свое сумел прожить.

Давайте, люди, обещайте!
На сердце руку, вверх лицо...
Вставайте, трутни, завещайте!
Любовь до щепки гробовой.

Молитесь Богу, даже ненароком
В обиду не дадите мать,
И от любых камней и стёкол,
От боли мать оберегать!

Арина Кондратенко
МБОУ СОШ №29, г.Хабаровск
педагог Демидова Светлана Борисовна

*Диплом III степени в номинации
«ПОЭЗИЯ», конкурс памяти
Виталия Захарова*

Родина-мать позвала за собой

Родина-мать позвала за собой!
И на войну за неё шли солдаты!..
Мы победили!..Но какой ценой!? ..
Тенью времен поднебесья объаты...

Мы помним тех, кто погибал в боях,
Кого губили в Бухенвальде страшно!
Пускай горит вечный огонь. В сердцах –
Тот отблеск жжёт о времени ужасном!

Под звон колоколов на всей земле
Помолимся за упокой их, павших...
И вспомним в наступившей тишине
Героев наших, мир собой спасавших!

А вся Россия каждую весну
В слезах, о том, что было, вспоминает!
И ветеранов, кто прошёл войну,
Парадами, оркестрами венчает!!!

Родина-мать позвала за собой!
И на войну за неё шли солдаты...
К победе вела, вернула покой.
Покоем мирным небеса объаты!!

Раздел 3. Поэзия. Дальневосточное лето

Большинство наших авторов пишут и прозу, и стихи, совершенствуясь в своем творчестве. Так, например, в 2019 году дистанционные курсы литературного творчества (преподаватель А.Воронцов) окончила Ольга Бунина, получив подтверждающий ее литературные способности сертификат. Такая форма повышения авторского мастерства предлагается и другим авторам Хабаровского РО РСП.

Событий поэтических летом – немало, и все они в той или иной степени отмечаются литературной общественностью краевого центра. Так, из года в год в августе проводятся памятные дни, посвящены творчеству Расула Гамзатова. Не стал исключением и 2019 год. Вечер дагестанской поэзии, посвященный творчеству Расула Гамзатова, (по инициативе Юлии Анатольевны Марковой, ДВГНБ) прошел в парке на открытой эстраде около Амурского утеса.

Конечно, люди старшего поколения при упоминании имени дагестанского поэта Расула Гамзатова, сразу же напевают песню:

*Летит, летит по небу клин усталый
Летит в тумане на исходе дня...*

Стихи Гамзатова декламировала и Алла Давидович, со сцены по памяти, чем завоевала симпатии слушателей. Ей вручили приз: издание ЖЗЛ «Расул Гамзатов». Алла Ефимовна так увлеклась чтением книги о знаменитом поэте, что написала поэму. Ниже мы публикуем эту поэму, открывая раздел поэзии именно этим произведением.

Алла Давидович
Расул Гамзатов

Дагестан, Дагестан, дагестанец...
Словно музыка слово звучит.
В нём горянки пленительный танец,
В нём джигита булат говорит.

Век двадцатый был щедрым на славу.
Ветер с гор дагестанских подул.
И Великую нашу державу
В целом мире прославил Расул.

Он сын народа горцев небольшого,
Но с удивительной своей судьбой,
Чьё песен поэтическое слово
«Перевернуло» целый шар земной.

Родился он в бедной сакле горца.
В ауле Цада между горных скал.
Гамзат Цадаса дар свой стихотворца
При том рождении сыну передал.

У входа в саклю не шуршали шины,
Родня не замирала, не дыша.
Главу склонили горные вершины,
Приветствуя рождение малыша.

Над тем аулом звонко пели птицы,
Как будто знали, что мальчишка тот,
Минуя все кордоны и границы,
Поэта мира славу обретёт.

В миру познавший многих аксакал
Расулом того мальчика назвал.
Так аксакал, вручая это имя,
Судьбу избранника предначертал.

Расул с арабского – значит «посланник».
Рожденный мальчик точно назван был:
Он и «посланник» был, и был «избранник»,
Он в мире нашем многое свершил.

Он был знаком с самим Фиделем Кастро,
Он с Че Геварой просто говорил.
В индийском Дели, вовсе не напрасно,
Расул Индиру Ганди посетил.

Себя он не щадил. С визитом дружбы
Почти во всех он странах побывал.
Везде востребованным был и нужным.
Его весь мир с восторгом принимал.

Везде его встречали, как родного.
В своей стране или за рубежом,
Его живое авторское слово
Пороки, словно резало ножом.

Конечно, не был он сверхчеловеком.
Он был с ранимым сердцем и душой.
Он в ногу со своим двадцатым веком
Прошёл дорогой трудной и большой.

Есть в каждом веке гении, злодеи.
Но наш двадцатый, он – особый век.
В нём есть свои «атланты» и «пигмеи»,
И в нём родился Мира человек.

Всё, что создал он, просто невозможно
Прочесть, пересчитать, «переварить».
И говорить о нём, конечно, можно.
Но, вот нельзя о нём не говорить.

Всё было: и предательство, и зависть,
Но негатив к нему не приставал.
Своих врагов он побеждал стихами,
Сонетами нападки отражал.

Он – литератор. В том его стихия,
Подвластно все, ограничений нет:
Стихи и проза, и драматургия,
Сценарий кинофильмов и балет.

И если предложил бы мне кто-либо
Лишь в двух словах сказать, что он «атлант»,
То первым словом я б сказала: «глыба».
Второе слово было бы «талант».

Он был аварцем верным Дагестана
Он дагестанцем был в родной Москве.
А за границей, как звучит ни странно,
Гамзатов – русский, это знали все.

Какое б ни было дано название.
Но ведь никто ж его не повторит.
То, от природы, видно, обаянье,
И яркий от народа колорит.

Мы на Кавказе с вами все бывали.
Что память наша воссоздаст сейчас?
В ней – тосты горцев, скрежет острой стали,
Лихой лезгинки яркий перепляс.

И в ней – история страны былая,
Вдруг оживает живо каждый раз
И сразу в памяти у нас всплывает:
Хаджи-Мурат, Шамиль, Расул, Кавказ.

Когда стихи Гамзатова читаю,
Я чувствую сомнения укол,
Что мать его – не женщина земная,
А сам он к нам из космоса пришёл.

И повторять могу я неустанно:
В плеяде звучных – он такой один.
Расул Гамзатов – гордость Дагестана
Он – сын Цадасы, Мира гражданин.

Цадаса и Гамзатов – два поэта.
Навстречу с сыном новый теплоход,
Пока Гамзатов странствует по свету,
«Гамзат Цадаса» по морям плывет.

Отец и сын. Им так необходима
Такая схожесть жизненных дорог.
Расул – в Японии с визитом в Херасима,
«Отца» приписка – порт Владивосток.

Пожалуй, в мире не было поэта,
Кто б почитаем так был и любим.
Вот нет его, но, не смотря на это
Он нам, по-прежнему, необходим.

И баловнем судьбы он вовсе не был.
Он шёл тропею горною своей.
Любил аварское, родное небо,
С почтеньем горца славил матерей.

Двух братьев забрала война шальная.
Рубцы на сердце матери легли.
Лишь, стаею над Цадой пролетая,
О них напоминали журавли.

Так, журавлиный клин вверху когда-то,
Вдруг прошумит над каждой головой.
И ты поймёшь: поэт Расул Гамзатов –
В нём есть вожак, не просто рядовой.

Жизнь поэта – это не мгновение
Навсегда, навечно – он кумир.
А Расул Гамзатов – то «явление»,
Что с диапазоном – целый мир.

Целый мир его знает и любит,
Его жизнь, словно звёздный полёт.
И пока не земле будут люди,
Его слава в веках не умрёт.

И я ещё скажу вам откровенно,
От тех, кто, как и я, блуждал во мгле:
«Спасибо Богу, Солнцу и Вселенной
За то, что жил Гамзатов на Земле».

Ольга Бунина

Я рисую

На бумаге из пакета
Я рисую солнце, лето.
Я рисую всё подряд:
Вот мой папа, вот мой сад,
Утки плавают в пруду –
Краску нужную найду.
Дом с оградой стоит,
Черный дым из труб валит.
Ничего себе клубки!
Может, жарят пирожки?
Всё – закончил рисовать,
Маме стану помогать.

Дождь

Из интернета: «Дождь вышел на минутку погулять...»

«Дождь вышел на минутку погулять»,
Но что-то очень сильно заигрался,
Мешал прохожим, всё пытался он попасть
Туда, где вход на все замочки запирался.

И умудрился он мне под рукав залезть,
Настойчиво за воротник цеплялся.
И приняла я вызов: «Будь, что есть,
Ты первый подошел. Уж очень ты старался».

По улицам гуляли мы вдвоём,
Смеялись громко, брызгали друг друга.
Как хорошо мне было под дождём.
Спасибо, дождь, когда на сердце вьюга.

После концерта

Д. Мацуеву

Рояль затих, но отзвуки сурдины*
Ещё звучат на тоненькой струне.
И зал взорвался... Яркие картины
Сменяются, несутся по волне...

На небосклоне появились тучи,
И сразу потемнело всё вокруг,
А пальцы шепчут нежно и певуче:
«Уйдёт ненастье, сделав только круг».

Любовь, мечту и радостное чувство
Мне подарил любимый мой рояль.
А трепетные пальцы, так искусно,
Несли меня в невиданную даль,

Как яркий луч великого артиста
Тропинку в сердце каждому найдёт.
Рояль затих, но руки пианиста
Таинственно зовут к мечте, вперёд!

**сурдина(ФР.) – приспособление для приглушения,
ослабления звука в музыкальных произведениях;
«под сурдинку» – тайком, втихомолку.*

Отрывок

*Ответ на письмо «Друзей не выбирают по заказу»
Посвящается Антонине Николаевне Кухтиной*

«Друзей не выбирают по заказу»
Уж если выбрал – то бери всего.
Душой и сердцем прикипаешь сразу –
И ты во власти личности его.

Первоцветы

Отцветут первоцветы,
Будто и не цвели.
Снова знойное лето,
Подорожник в пыли.

В небесах нет просвета:
Всё дымы да дымы...
И за что нам всё это?
Кем так прокляты мы?

Но живёт наважденье,
Ждём с надеждой (на что?),
Чтоб увидеть рождение
Первых нежных цветов,

Чтоб, как в детстве, поверить:
В жизни есть чудеса.
И не только потери
Дарят нам небеса.

Ждём и в мареве лета
И в объятьях зимы,
Пусть пора их расцвета —
Только крохотный миг.

Вспыхнут сказочным светом
И... исчезнуть спешат.
Но без вас, первоцветы,
Жизнь не стоит гроша...

Ромашка

Простой цветок, неброский, строгий.
Как много их обочь дороги.
Сердечко – солнца повторенье
В кипенно-белом обрамленьи.

Всегда открыта нам и рада,
Взамен не требуя награды,
Спешит собою поделиться:
Хоть погадать, хоть исцелиться.

В лесу, в саду ли, в чистом поле –
Цветов ромашковых раздолье,
Наполнит светом наши души,
Гармоний жизни не нарушив.

Стоишь, полураздета, на ветру

Стоишь, полураздета, на ветру,
Бесстрашная, наивная, смешная.
Твои ладони в руки я беру,
Хочу сказать, а что сказать – не знаю.

Нахлынуло всё так внезапно, вдруг...
От нежности и страха замираю:
Не то скажу и... вырвешься из рук...
Не так коснусь и... счастье потеряю...

Друзья

(отрывок)

Друзья – вот величайшее из благ!
Без них ничто мне душу не согреет.

Людмила Скрипченко

Выбери дождик

Бывают дожди прямые –
Короткие, затяжные,
И еще грозовые,
Или ливни сплошные.

А с ветром идут косые,
Хлесткие, пробивные,
Секут лицо и плечи,
Если идешь им навстречу.

Бывают дожди грибные,
Легкие и парные,
Словно сеют сквозь сито,
Все ими вокруг омыто.

Есть еще крупные капли,
Может быть, с острова Капри
Издалека приплыли,
Прячутся в теплой пыли...

По жизни идем с дождями,
Не зная, что будет с нами –
Струи стекали грязью,
А стали серебряной вязью...

Выбери дождик на счастье!
Пусть смоет он в одночасье
Мысли твои плохие,
Годы и беды лихие.

Выбери дождик на счастье
И с ним в любое ненастье
С зонтом или без зонта
Шагай до горизонта!

Август

В июне и в июле
И в травах свежесть есть.
А в августе в разгуле
Тугая листьев жечь.

Обнимет август душный
Обманчивой рукой
И бросит равнодушно,
Суля зимы покой.

Еще наступит осень,
Прекрасная пора,
И будет неба просинь,
И будет днем жара...

И все уже созрело,
И все уже не то...
И лето пролетело –
Готовь к зиме пальто.

Другу

(отрывок)

Что имею, все тебе вверяю,
Потому, что ты мой лучший друг,
Если друга в жизни потеряю –
Память болью отзовется вдруг...

Татьяна Модестова

Ах, лето!

Ах, лето! Солнце золотое,
Морской песок, шумит прибой,
После полуденного зноя
Ласкает ветер нас с тобой.

И волны плещутся игриво,
Вдали виднеется закат.
Ты посмотри, как здесь красиво,
И вижу, что и ты мне рад.

А я.. Я от любви сгораю,
А не от солнечных лучей,
От нежности твоей я таю,
Я просто растворяюсь в ней.

Не надо мне другого рая,
Он здесь сейчас, он здесь со мной.
Под звуки моря засыпая,
Затих бушующий прибой.

Солнце моё

Ты, как солнце, меня согреваешь,
В хмурый день вновь приходишь ко мне.
Да и сам все, наверное, знаешь,
Для меня ты, как лучик в окне.

Приласкаешь, пошутишь. Бывало,
Рассмеюсь, захочу вдруг обнять,
Кто-то скажет: «Ведь этого мало!»
Промолчу. Не любили, видать.

Не шумите, травы

Не шумите, травы,
Не шурши, ковыль,
Сонные дубравы,
Пляшущий мотыль.

Погрузился в дрему
Молчаливый лес,
В летнюю истому,
Дивный мир чудес.

Все зверушки тоже
В норках улеглись,
И укрыла ложе
Звёзд ночная высь.

Только мне не спится,
Не забыться сном,
Да Луна-сестрица
Бродит за окном.

Дарите женщинам цветы *(отрывок)*

Дарите женщинам цветы
На счастье, на любовь,
Ведь это капельки весны,
Что наступает вновь.

Игорь Оринов

Капризы погоды

Счастливые блуждают в мире души.
И мне бы влиться тоже в сей поток.
Да вот беда – огонь в душе потушен.
Едва-едва коптит в ней фитилёк...

Погода переменчива случайно.
Скупа она на солнечные дни.
Борюсь с тоской, уныньем и отчаяньем,
Разжечь пытаюсь новые огни.

Событий происходит в мире много...
Эх! Зацепиться б за хорошее одно!
И ввысь взлететь, где ждёт меня подмога!
Чтоб счастье постучалось вновь в окно...

Грустно без придури!..

Опустела душа! Опустела!
Вдаль отправился мой Серафим,..
Оставляя печальное тело,
Прошептал: «Еще будешь любим...»

Где же вы, долгожданные строки,
Что всегда вдохновляли меня?..
Где кипения страсти?.. Пророки,
Обещайте в дорогу Огня!..

Чтобы билось в груди мое сердце!
Чтоб оно будоражило кровь!..
Чтобы с запахом жгучего перца
Выдыхал одно слово – «Любовь!..»

Свистну в поле призывно Каурку!
Поменяю костюм на кафтан!..
Пусть я буду похож на придурка,
Перепрыгну сквозь струи фонтан!

Поскачу через лес, через поле
В край далекий, где Милая ждет
Лишь меня одного после боя
И призывную песню поёт...

«.....»

Август густ урожаем!
Всем положит за плечи
Что Земля нарожает,
Чем, родимая, лечит!

И сентябрь желтолистый
Приготовит покои –
Бабым летом лучистым
Мир раскрасит, укроет.

Выходите, Мужчины.
Посмотрите на Женщин!..
Им стирает морщины,
Чтобы старились меньше...

Друзья? Знакомые? Кто люди...

Отрывок

Друзья...

Близка мне их дорога.
Я счет таким веду и вел.

Борис Марков

Мои стихи – это мысли.
Мои стихи – это тишь.
Но стихи мои есть стихия,
Задуматься стоит лишь
О чувствах, о жизни, о счастье,
О бренности бытия...
Мои стихи есть ненастье...
Стихи мои – это я.

Дождь

*Я люблю дождь. Он пахнет небом.
А Вы? Что любите Вы?**

Дождь приносит с собой запах неба,
Буйство трав и цветов полевых,
Зов тех стран, где ни разу ты не был,
Высоту облаков расписных.

Дождь дарует воздушную свежесть,
Бодрость духа и радужность снов,
Для любимых – щемящую нежность,
Вечность жизни – основу основ.

И коль выпало мне, научившись
Жить, творить и любить, аж, держись!
Вдохновения дар получивший,
Я взаимно влюблен в эту жизнь.

** Вопрос из соцсетей.*

Длинная июньская ночь

Загадал. Да или нет. Может зря?
И не потому, что выпало «нет»,
а очень хотелось – «да».
И вовсе не ерунда
то, что сказано в самом конце декабря
за пару часов до. «Всё. Теперь всё.
Теперь точно всё». И почто
Мне знать, сколько ещё степеней превосходства
В этих словах может быть.
Многое слышу,
Но в тишине нахожусь.
А по течению плыть прочь
Разве легче?
И уж, тем более, жить знанием,
Не по ученью.
Как же длинна эта июньская ночь...
И совсем не так, как учили, понимаешь теперь:
Завет пилота-романтика. Про ответ:
за тех, кого приручили.
И не переспросишь у всех,
Далеко не все это получили.
А он? Улетел и уже не помочь.
Не вернулся. Боже, как же длинна эта ночь
в июне
для тех, кто неба коснулся.
Несвоевременно «да» – стократ хуже,
чем своевременно «нет».
Значит мне снова и снова. Держать ответ
за то, что весь в заплатках асфальт.
Если вернёшься собой,
с семихолмовых Мальт...

Еврейский музыкант

Еврейский музыкант, будь осторожен,
Футляр потёртый тронуть не спеши...
Сей инструмент не просто, очень сложен,
У скрипки струны – ниточки души.

Был молод – голос скрипки раздавался
На тризне, свадьбах, праздниках... Шолом!
Смычок играл, что даже волос рвался...
Душа моя, ты помнишь о былом!

Мелькали вереницей год за годом,
Согнула спину тяжесть прошлых лет,
Коль ты еврей – под этим небосводом
Научат помнить праотцов завет.

Волшебной музыкой звучанья скрипки
Спасёшь едва... Как огоньком свечи....
Играй скрипач, но всё же помни – зыбкий
Фонарик твой для путника в ночи.

Ты можешь увести, где нет возврата,
И можешь, обманувшись, обмануть...
И как итог – или любви утрата,
Или любовь, но так, что не вдохнуть...

Скрипач, раз взявший в руки скрипку, –
Ведь для таких, как ты, и ад, и рай,
Скрипач, прошу – не соверши ошибку....
Но всё равно, скрипач, играй, играй, играй!

Галина Пысина

Июньское утро!

Доброе утро! Июньское утро!
Ландыш уже на полянке расцвел.
Запах его такой яркий, как будто
Тысячи роз в одно место он свел.
Ландыш цветет. Это время такое:
Нет равнодушных к той светлой поре.
Радостных глаз ты в июне не скроешь.
Не убежишь от любви. На заре
Ландыш вступает в права. Безоглядно
Сердце девчонки трепещет, зовет.
Юноша! Хоть он и занят изрядно,
Но от любви, от любви не уйдет.

Важно

«У каждого человека свои звезды» (Экзюпери)

Важно нам на этом белом свете
Не стонать, не плакать, не рыдать.
Важно, чтоб любили тебя дети,
Важно нам – любовь их не предать.
Важно, быть на острие событий,
Рисковать, распознавать, мечтать.
Важно, знать, ты – принц, или ты – нищий.
Важно в жизни – помнить свою мать.
Важно, жить, не растерявши совесть,
Ведать: она рядышком бредет.
Важно, дописать до точки повесть.
Важно, знать, что Он ее прочтет.

Важно, дочитать Экзюпери,
Дочитать, понять, дойти до сути.
Важно, думать – от своей звезды.
Важно, знать, чужим ты не попутчик

Приходит август

Приходит август незаметно,
Закатом розовым томит.
И над Амуром неприметно
Уж осень нежная парит.
Она природу украшает:
И золотит, и серебрит,
И зорьки яркие встречает,
И к молодым благоволит.

Кончается лето

Кончается лето – приходят дожди.
От них не уехать, от них не уйти...
Они огорошили буйство листвы,
Оставив горошины желтой канвы.

Теперь-то уж точно листва пожелтеет
У зелени сочной, и лес похудеет.
И всё-таки где-то от бабьего лета
Дождемся кусочка мы яркого света:

Небес синева нам подскажет слова,
И спектрами станут закат и листва.
А нынче – промозгло и сыро.
Уныло.

Вот и май

Вот и май пролетел,
На пороге июнь – вестник лета.
Недалече – сентябрь,
Не успеешь и глазом моргнуть.
Жизнь летит, как стрела,
И уже в дымке видится где-то
Мой последний декабрь,
Завершающий жизненный путь.

Круговерть бытия,
Встречи, проводы, жаркие споры.
Размышленья в ночи
О проблемах житейских забот.
Только труд и любовь,
Эти главные в жизни опоры,
Нас спасают всегда
От проблем и душевных невзгод.

И солнца свет, и свет луны

В душе моей давно нет радости.
Но и печали тоже нет.
Горит в ней мягко тихой старости
Нетленный и спокойный свет.

Ушли куда-то прочь волнения,
Страстей житейских суета.
Былые мне смешны сомнения,
Их маета и пустота.

С улыбкой новый день встречаю:
Теперь любой день — день весны,
И благодарно принимаю
И солнца свет, и свет луны.

Собирается дождик

Собирается дождик на улице,
Да никак, всё никак не пойдёт.
Понапрасну весь день небо хмурится,
Да с зонтами гуляет народ.

На тропинках листва лежит, мается,
Под ногами чуть слышно шуршит.
И шуршанием нежно касается
Тайных струн утомлённой души.

Всё казалось, что жизнь будет длинная,
Как июньский безоблачный день.
Глядь, уж песня звучит лебединая,
И с косой приближается тень.

За спиной открывается прошлое,
Как торжественный актовый зал:
Ничего я не сделал хорошего
И совсем ничего не сказал.

Завершая вояж этот мысленный,
Всё ж с надеждой себе говорю:
Может, всё и не так уж бессмысленно?
Я ещё не сгорел. Я – горю...

Валерий Симаков

Ладога

Ладога,
Старая Ладога!
Лето!
Грохочет гром!
Ладога,
Строгая Ладога –
Наш государев
Дом.
Ладога,
Добрая Ладога –
Мой негасимый
Свет.
Над городом ливень
И радуга.
И лучше той
Ладоги
Нет!
Мимо порогов
Волоком...
Жизнь –
Вопросительный
Всплеск!
Ладога –
Вечная молодость,
Город князей
И невест.
Ладога,
Грозная Ладога –
Звоны мечей,
Копий треск.

Ладога,
Мудрая Ладога –
Судьбы
Указующий перст.
Ладога,
Старая Ладога,
Чем ты,
Родная, живешь
Что от Москвы
Белокаменной
Сегодня
И завтра ждешь?
Ладога,
Старая Ладога –
Спасательный
Мой жилет.
Ладога?
Скоро Ладоге
Тысяча триста лет!

Русь – голубые небеса
Второму десятилетию
XXI столетия

Луч голубой
Неспешно догорает.
Он, словно дым,
На фоне голубом.
Луна на небе
Бело-голубая,
Как скифа лик
Над греческим лицом.
Перед очами

В свете дали-были,
Взгляд сквозь века
В сиянье голубом.
Народ в тени,
И веси голубые...
Но, Русь, еси
Еще не за холмом!
Россия, Русь –
Виденье голубое,
Верши над веком
Свой бесстрашный суд,
Ведь за тобой –
Сверхтайной голубою
Стоит твоя
Божественная суть.

Вот дождь прошёл

Вот дождь прошел.
Вот небо светлым стало,
Как будто в небе
Вдруг открыли
Две большие ставни.
Еще за речкой
Ливень и гроза,
Но силы темные
Уже живому грозят.
Я был настигнут
Грозной непогодой
У входа в лес,
Пытаясь убежать.
Теперь иду,
Высоко поднимая ноги,
А с веток сыплют

Грозди синего дождя.
Затем иду тропой:
Дороги-то ни к черту!
Вдруг крики «Ой!»
Широкие глаза,
Дрожащий смех,
И пять трусих-девчонок
В набрякших платьяцах
Пустились по кустам.
Вот леса край –
Парад картин российских.
Трещат кусты
От чрева сапожищ.
А там – вдали,
Где дождь еще,
Под радугой цветною,
Как будто
Тройка борзая бежит.
Велик мой край,
Добр,
Славы не заемной.
Богат?
Богат.
Не счесть его богатств!
А за спиной моей,
Лучами солнца освещенный,
Стоит высокий бор –
Стопушечный фрегат!

деревня Солонцы. Нижний Амур

Надежда Суркова

Лето

Чуть забрезжит зарево рассвета,
Птичий гам уж слышен в небесах.
К нам вернулось сказочное лето –
Все бушует в поле и лесах!

Все сверкает в солнечных росинках,
Все трепещет радугой в дождях.
И плутает в бархатных тропинках,
Льется песней в чудных вечерах.

Лето, сказочное лето

Невозможно находиться дома,
За окном когда стоит теплынь.
Тишина такая после грома,
Даже слышно, как шуршит полынь...

Как поют лягушки из болотца,
И звенят кузнечики в траве,
И кукушки эхо раздается –
Кто-то тихо тенькает в ответ.

Это лето, сказочное лето
В легком платье босиком пришло
И в лукошке с самого рассвета
Много-много света принесло!

Чудесный месяц лета

Июнь, чудесный месяц лета,
Меняет простенький наряд.
И на лугах уже с рассвета
Цветы, как лампочки, горят!

Стрекочет, тенькает округа,
Роса и свежесть на полях.
Коса идёт гулять по кругу –
Трава душистая в стогах!

И вот июль – вершина лета!
Звенит от зноя тишина...
Как много солнечного света!
Тень ищет вишня у окна.

И словно замерли деревья,
Цветы поникли от жары.
Лишь слышно: трактор за деревней
Бормочет до ночной поры...

Ещё июнь, начало лета,
Меняет простенький наряд.
И на лугах уже с рассвета
Цветы, как лампочки, горят!

Ольга Суслова

Тигрица

Поэма

В рыжих узорах красуются сопки,
Бронзой сбегаются весело тропки,
Кисть винограда свисает в просвете,
Жемчугом росы блестят на рассвете.

Алыми бусами дразнит калина,
Нет, не сравнится с ней камень рубина!
След закрывают высокие травы,
В тень приглашают любезно дубравы.

Если на сопку взойти, не лениться,
Вас обнаружит хозяйка-тигрица.
Пятнышком рыжим в траве замелькает,
Гостя неожиданного здесь потеряет.

Сахаром тают ворота ночные —
Стрелы рассвета летят золотые.
Зорька играет малиновым светом,
Часть горизонта окрасив при этом.

И заглянув ярким светом к тигрице,
Будит лучами дремавшую птицу.
Дымка тумана спустилась к оврагу
И от лучей окунулась в прохладу.

В блёстках сверкает лесная поляна.
Кошка всегда просыпается рано.
Мягко качнулась еловая ветка.
Сидя на ней, затрещала соседка.

Спину, как кошка, хозяйка прогнула,
Сладко при этом протяжно зевнула.
Мнётся трава от тяжёлого брюха,
Стала тигрица на время толстухой.

Скоро должны появиться котята.
Ждать не намерена важная дата.
Сложности дарит тигрице охота.
Хочется съесть ей хотя бы енота.

Цапнуть за хвост бы, подругу-соседку?
Слишком шумит, не по делу, на ветке!
С явной досадой взглянув на сороку,
Лапу направила к птичьему боку.

Птица от страха трещать перестала,
В пасть она кошке, едва не попала –
Это, однако, не очень приятно,
Стало сороке мгновенно понятно.

Когти точить – очень нужное дело,
Ими захватит еду она смело.
Дерево в тряске – взлетела сорока,
Ей ведь не нужно второго урока!

Шорох знакомый встревожил хозяйку –
Вышел кабан, не спеша, на лужайку.
Плоть её мясо всё время желала,
Очень некстати, ей брюхо мешало.

Знал поросёнок тигрицы повадки,
Но корешки здесь особенно сладки!
Кошка ослабла – давно он заметил,
В логове скоро появятся дети...

Страх свой кабан не спеша пересилил,
Справился с ним он сейчас без усилий.
Манят жуки и лещины орехи,
Он не боится смертельной помехи!

Дух захватила еда и свобода.
Дарит однако орехи природа.
Роща богата – всего до отвала,
Но наблюдал, где хозяйка гуляла.

Скрылась царица легко и неслышно.
Наглость кабанья – но это уж слишком!
Голод не шутит – он очень коварен.
Лишь за еду он всегда благодарен.

Знает тигрица тайги кладовые.
Кошку кормила она не впервые.
Тянется тропка к воде незаметно,
Но для царицы бегунья приметна.

Здесь разгулялась лосося путина,
Кошку манила живая картина.
Двери открыты в заботливый ерик,
Рыба кидалась на илистый берег.

Билась она и плескалась хвостами.
Кошка хватала добычу клыками.
Золото речки в глазах отражалось.
Вдоволь лосося она налоталась.

Головы рыбы – чудесный подарок.
Он не привычен, но очень уж сладок.
Хочется спать от такого обеда.
Она доберётся и до соседа!

Силы нужны ей сейчас для другого.
Нечего тратить их так, бестолково.
Срочно ей выспаться в логове надо,
Отдых полезен – и нет ей преграды.

Осень ползком всю траву забелила,
Инеем зелень сосны изменила.
Льдинками стали вчерашние лужи,
Тайга ожидала зимнюю стужу.

Тишь незаметно забила все норы.
Вихри, разборки погасли и споры.
Бродит тигрица по лесу спокойно,
Жизнью хозяйка однако довольна...

Тяжко сегодня охота даётся,
Видно голодной остаться придётся.
С ней на охоте опять стрекотунья,
Верная всё же, зануда-вещунья.

Но, почему-то не в духе соседка,
Прыгает что-то с ветки на ветку.
Запах людей разгулялся однако,
Слышно шаги браконьера из мрака.

Громко и шумно там лают собаки.
Сможет она миновать этой драки?
Тихо и мягко по сучьям ступая,
Кинулась вглубь, от врагов убегая.

Срочно менять для укрытия место,
Деткам в утробе становится тесно!
Долго тигрица по лесу петляла.
Враг не достанет – она это знала.

Сонно стоят вековые деревья,
Шороха нет, и нет птичьего пенья.
Отдых просили уставшие лапы,
И появились в груди что-то храпы.

Сразу свернула тигрица к оврагу.
Там на большую наткнулась корягу.
Ложе когда-то в ней было чужое –
Тёплые листья и место большое.

Очень бегунья от травли устала –
Выспаться кошка в коряге мечтала...
Кружатся тихо над лесом снежинки,
Прячут они все следы и тропинки.

Ночь опустила на лапники леса.
Сон, только крепкий, поможет от стресса.
Снегом укутана, как в одеяле –
Видно ей нравится в этом завале.

Звёзды за тучи тяжёлые скрылись.
Ночью тигрята на свет появились.
Шубки окрасом таким, как у мамы,
К боку тигрицы теснятся упрямо.

Сбились собаки с тигриного следа,
Выпавший снег повернул браконьера.
Сыплет снегами зима-белоснежка.
Стуже явилась надолго потешка.

Утро морозное розовым ликом
Нежно скользило по веточкам тихо.
Шубы накинули сосны и ели,
Шапки верхушки деревьев надели.

Иней колючий в лучах серебрится,
Только сорока на ветке томится.
Часто косится на царское ложе,
Кошку увидит подруга попозже.

Что-то сегодня не видно царицы,
И не трещит её верная птица.
Кормят сороку плодами рябина –
С виду красивая эта картина...

Мясо немедленно требует голод,
Острый в морозы он, в стужу и в холод.
В ложе нагретом котятка остались.
Крохи друг к другу настойчиво жались.

Запах поймала под снегом хозяйка.
Мясо добудет – она не лентяйка...
Грыз с аппетитом кабанчик коренья –
Нужное это для хряка явление.

Чистые были у хряка границы,
Он не заметил голодной тигрицы.
Хищным огнём загорелась натура –
Будет в зубах её мясо и шкура!

Время союзником стало однако,
Грубость запомнила хитрого хряка.
Ловкостью кошки свинью повалила –
Хватка у ней появилась и сила!

Съела полтуши тигрица в мгновение,
Было от голода это спасеньем.
Сытой вернулась она в своё ложе,
Детки всего ей на свете дороже...

Глазки открыли котята-малютки.
Любят играть они целые сутки...
Детки росли, а зима отступала.
Кошка к охоте игрой приучала...

Воздух весенний в тайге разгулялся,
Запах смолы от сосны растворялся.
Встали засоны, очнулись от спячки.
Надо решать о потомстве задачки.

Жизнь закипела – настало движение.
Всё расцветало в таком возрождении.
Гнезда и норки сейчас обновлялись,
Брачными играми все наслаждались.

Нравится деткам играть на поляне.
Кошка следила за этим гуляньем:
Мышку подкинет, а следом лягушку,
Так приучала к охоте игрушкой.

Мясом потомство кормить уже надо.
Брать их на сопки пока ещё рано.
Скоро она их возьмёт на охоту.
Ну, а пока к ним другая забота.

Ей, как хозяйке, в тайге всё возможно,
Даже охотиться вовсе не сложно.
Как-то она задержалась на сопке –
Лося гоняла по каменной тропке.

В ложе с добычей вернулась пустое,
Нет никого, а котят было трое.
Знала она, кто забрал её деток –
Много наломано маленьких веток.

Вспомнила запах едучий царица,
Мчалась по следу она как, орлица.
Жгучий огонь охватил её душу,
Грозным он вырвался рыком наружу.

Звери и птицы дрожали от страха!
Да и сорока не делала взмаха.
Долго еще раздавалось рычанье,
Камнем тяжелым легло расставанье.

Резко вдруг запах и след оборвался.
Он у посёлка эфиром остался.
Здесь задержала дорога тигрицу,
Точку поставила в этом граница.

Снова и снова взбиралась на сопки, \
Взор обращала на каждые норки.
Нет малышей, их напрасно искала –
Боль и потеря её разрывала.

Шорох встревожил тигрицу внезапный –
Может в малине сидел косолапый?
Нет, не медведь здесь блудил, а хозяин –
Сопок дремучих опасных окраин.

Взгляд был направлен с просвета боярки.
Желтым он был и пронзительно ярким.
Но, отвернулась хозяйка от взгляда,
Двинулась вглубь, где гуляла прохлада.

Больше бегунья не стала томиться.
Вскоре охотилась с тигром царица.
Лучший кусок ей в обед доставался –
Кошке своей угодить он старался.

Первая ела тигрица добычу,
Ела её то урча, то мурлыча.
Стоя в кустах, он держался достойно,
Ел, что осталось по-царски, спокойно.

Только неделю, как кошка гуляла.
Но незаметно вдруг как-то пропала.
Логово долго искала хозяйка.
С нею сорока – лесная всезнайка.

Вот наконец-то, нашла она место
Будущим деткам оно интересно.
Верная спутница рыжей подруги
Вила гнездо для жилья не от скуки...

Скинула осень последние листья,
Холод на сопки накинула быстро.
Белой крупой снегопад разлетелся,
В шубы искристые лес приоделся.

Что-то сороке сегодня не спиться –
Скоро охота, но где же тигрица?
Нет её сутки, и нет её двое.
Что же случилось с подругой такое?

Сопка скрывает царицу надёжно,
Её отыскать в тайге невозможно.
Ложе сухое, в нём кошке уютно,
Пухом накрыло корягу, как будто.

Сон навевали снежинки котятam,
Снежный навес их от холода спрятал.
А на сосне, стрекотунья сидела,
Очень тигрицу увидеть хотела...

Разгулялось медовое Лето

Разгулялось медовое Лето,
День Купалы готовит костёр.
Ждёт развития ночка сюжета.
Завлекает к себе тёмный бор.

Увести хочет в топкие дебри –
Все богатства свои показать.
Но нельзя ему, старому, верить.
Будет он над тобой хохотать.

Голос ночи раскроет все тайны,
Как цыганка подскажет судьбу.
И узнает её только крайний,
Цвет Ивана срывая, к утру.

В алой тоге рассвет гостем ранним,
Улыбнувшись, взойдёт над рекой.
По реке подгонять будет дланью
Те венки, что забыты волной.

Сладкое лето

Сладкое лето, цветущее,
Зреет смородины кисть.
В рощи к берёзам влекущее –
Слышно соловушки свист.

Ночи душистые, свежие –
Звёзд золотит полотно.
Запахи травушек нежные –
Настежь открыто окно.

Штору колышет шелковую
Робкий с утра ветерок.
Капли теряют медовые
Травы на спящий порог.

Ранняя, в полном смущении,
Краем над сопкой скользя,
Солнышка ждёт появление
Красная Дева-Заря.

Летний дождь

Летний дождь, его мгновенье
Без волненья, суеты –
Как природы откровенье,
Ни к чему ему зонты!

Оживление проснётся
И очистится душа,
Сердце радостно забудётся
И не надо куража!

Летний дождь – природы праздник!
Он промчится на коне,
Как дитя, и как проказник –
Он приносит радость мне!

Целостность

Целостность, слышите, слово какое,
Пожалуйста, дайте ответ?
Может, оно неземное, мирское,
Имеет ли вкус оно, цвет?

Может быть, звуки слышны непростые,
И воля, и вера своя?
Это, возможно, лучи золотые
С утра принимает земля!
Что же такое оно? – Откровенье,
Забота, планида твоя?
Может, поэту пришло вдохновенье
Момент описать бытия?
Благо, возможно, возможно, невзгоды,
А может, любовь и семья?
Или цикличность всё той же природы,
А может, и совесть твоя?
Краски заката, а утром восходы,
Поступки твои и других?
Всё цементируют накрепко годы –
Здесь важное слово двоих.

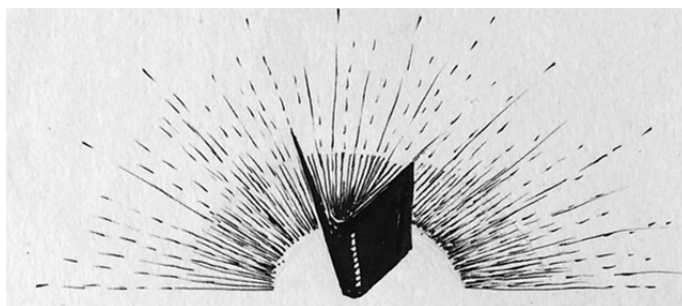
Елена Перевалова

Море

Море – как символ вечности, скрывшей цивилизации.
Море манит беспечностью пляжей и лодочных станций.
К морю стремимся мысленно в поисках безмятежности,
Море в заката золоте – символ спокойствия, нежности.

Мы идеализируем, ждём волшебства и чуда.
Время для нас стремительно, морю – одна минута.
Создан кинематографом образ, что там – романтика.
В наших мечтах, как правило, тёплые воды, не Арктика.

Выпасть из ритма города в ауру побережья!
Море сверкает бликами, на берегу одежда.
Словно перерождаемся – что-то сакральное в этом.
Снова к себе возвращаемся. Это – подарок лета!

Мемориальная страница поэтам-дальневосточникам
Посвящается первому председателю ХабРО РСП (2017г)

Александр Харин (15.06.1944-19.03.2019)

Летний дождик

(стихи для детей)

Небо шторочки раскрыло.
Гром раскатами гремит.
С неба каплями полило,
Под дождём река кипит.

Пузыри пускает речка.
Лес притих в жаре лесной.
Забурлила вниз водичка,
И запах весь лес сосной.

Птички враз в лесу притихли.
И кукушка не кричит.
Моют свои иглы ели.
Бликом молния искрит.

Резко всё в лесу притихло.
Лес умытый заблестел.
И ушло из леса «Лихо»,
Дрозд на веточку взлетел.

Задышала вновь природа,
Успокоилась вода.
Улетела непогода,
С собой дождик забрала!

Вместо эпилога об авторах выпуска:

1.Елена Крадожен-Мазурова, член РСП, кандидат филологических наук, государственный эксперт-лингвист, участник и лауреат литературных конкурсов автор монографий, стихов и прозы, участвует на правах члена жюри в литературных конкурсах, имеет изданные книги;

2.Изольда Казанова, член РСП, автор прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

3.Игорь Оринов, член РСП, автор стихов и прозы, в том числе длинной прозы, имеет изданные книги;

4.Надежда Суркова, член РСП, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, художник-иллюстратор, имеет изданные книги;

5.Лидия Смирнова, член РСП, автор прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

6.Галина Пысина, член РСП, выпускник ВЛК, автор стихов и прозы, публицист, участник и лауреат литературных конкурсов, участвует на правах члена жюри в литературных конкурсах, имеет изданные книги;

7.Юлия Вебер (авторское имя), член РСП, автор прозы, в том числе длинной прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

8.Ольга Суслова (авторское имя), член РСП, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

9.Ольга Бунина, член РСП, выпускник дистанционных литературных курсов, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов;

10. *Антонина Кухтина*, член РСП, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

11. *Борис Марков (авторское имя)*, член РСП, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов;

12. *Татьяна Модестова*, член РСП, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

13. *Валерий Симаков*, член РСП, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

14. *Елена Перевалова*, член РСП, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

15. *Георгий Разумов*, член РСП, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

16. *Людмила Скрипченко*, член РСП, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

17. *Наталия Шипулина*, автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

18. *Сергей Бойченко*, автор прозы, имеет изданные книги;

19. *Татьяна Эхо (авторское имя)*, автор стихов и прозы, имеет изданные книги;

20. *Тамара Коваль*, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

21. Алла Давидович (авторское имя), автор стихов и прозы, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

22. Станислав Щетинкин, автор стихов и прозы;

23. Арина Белёва, учащаяся школы;

24. Ерофей Пысин, учащийся школы;

25. Станислава Блажкевич, учащаяся лицея;

26. Анастасия Прохорова, учащаяся школы;

27. Данил Нечитайло учащийся школы;

28. Арина Кондратенко учащаяся школы;

Библиографические пояснения:

Предисловие

[1] Строки из него поэтесса прочла комсомольской публике на одной из творческих встреч в театре КнАМ, сорвав заслуженные аплодисменты. Статья полностью: <https://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2017/06/26/68229/#ixzz6AQwzWqhz> Новости Владивостока на VL.Ru

[2] Статья полностью Новости Владивостока на VL.Ru: <https://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2017/06/26/68229/#ixzz6AQxClI00>

Раздел 1 Проза

Часть 1 Публицистика

Елена Крадожен-Мазурова

Японские реалии в редакциях текста стихотворения

Николая Гумилёва «Сада-Якко»

Опубликовано в сб. Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально – регионального

менталитета // Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Биробиджан, 13-14 мая 2004. Ч. 2. – Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2004. – 185 с. (с. 37-40).

[1]. Н. Гумилёв. Собрание соч. в 4-х т. М.: Терра, 1991.

[2]. Н.С. Гумилёв. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989. – С. 439.

[3]. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. – С. 117-118.

Часть 2 Документальная проза

Наталья Шипулина Автобиография

[1] Родилась 05.02.1949 года в городе Комсомольск-на-Амуре. Член общественной писательской организации им. Г.Н. Хлебникова, член Союза журналистов России, член Международной федерации журналистов, член Русского географического общества, член Ассоциации Неофициального искусства Дальнего Востока, действительный член ДВ НАН.

Раздел 2 Авторские работы учеников

[1]. *Белева Арина*

Любимый край! Отцовский кров...

Впервые работа опубликована в альманахи «Притяжение-ДВ» (зима-2018), второе переработанное и дополненное издание.

[2] *Ерофей Пысин*

Поэма «Путешествие»

Наименование – авторское.

Комментарий взрослому: На самом деле Ерофей с отцом прибыли на самолете из Москвы во Владивосток, путешествие начали с посещения укреплений на Ворошиловской батарее Русского острова. Во Владивостоке встретились с третьим участником путешествия, своим

дедушкой, пограничником и начальником пограничной заставы 70-х и 80-х годов прошлого века. На машине, приобретенной в кредит специально для путешествия, доехали в Хабаровск. Сборы основные были в Сосновке: палатки и примус брали тут. Путаает автор и расположение городов и некоторые другие события и по времени, и по месту. Так, например, машину на техобслуживание сдавали в г.Ачинске, Красноярского края, а не в Новосибирске. Значок бабушка привезла ему от ветеранов в феврале следующего 2017 года, то есть через полгода после поездки. Кстати, развалины цирка в городе Архангельске он посещал совсем в другое время – намного раньше описываемых им событий. Вот так устроена детская память. Юному путешественнику было всего 6 лет. Свое произведение он написал в 2018г – через два года после путешествия по предложению бабушки. В дороге мужчины семьи были 18 дней, проехав по России от моря до моря 13 тыс.200 км. От моря – Японского на Тихом океане (крепость на острове Русский, Ворошиловская батарея, Приморский край) до моря – Белого моря Северно-Ледовитого океана (крепость Северо-Двинская, основана Петром 1 в 1702г). Такое путешествие стоило и ему, 6-ти летнему мальчику, большого мужества. Школьного возраста – 7 лет автор «поэмы», как он ее назвал сам, достиг 7 сентября 2016 года, будучи уже учеником первого класса. И именно через два дня после окончания путешествия он отправился в первый класс одной из московских школ. Про Котлас. Основан в 12 веке. Считается, что именно в этих местах и родился Ерофей Хабаров.

[3] Станислава Блажкевич

Музыка в моей жизни

Впервые работа опубликована в альманахи «Притяжение-ДВ» (лето-2018).

Уважаемые читатели!

**Издательство «Спутник+»
предлагает:**

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

*Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru*

ПРИТЯЖЕНИЕ-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 3(10)

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 20.02.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14. Тираж 50 экз. Заказ 43.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»